

A close-up photograph of a person's hands holding a piece of paper. The paper is heavily stained with red ink, which has splattered and bled through the paper. The background is dark, and the lighting is dramatic, highlighting the texture of the paper and the intensity of the red ink. The overall mood is somber and evocative.

БУМАЖНЫЙ

Лебедь

Автор бестселлеров по версии New York Times

ЛЕЙЛА АТТЭР

vk.com/kn_books

Говорят, что необходим двадцать один день, чтобы возникло привыкание. Врут. На протяжении двадцати одного дня она держалась. Но на двадцать второй день она отдала бы что угодно за сладкое забытие смерти. Потому что на двадцать второй день она осознает, что ее единственный выход означает верную смерть одного из двух мужчин, которых она любит. Запоминающийся рассказ о страсти, потере и искуплении. «Бумажный лебедь» — это загадочная, напряженная и вместе с тем трогательная история любви, включающая интригу и неизвестность. Пожалуйста, обратите внимание: это НЕ любовный треугольник. Полноценный, не серийный роман, предназначенный для взрослой аудитории из-за насилия, секса и нецензурной лексики. Для некоторых читателей сюжет может показаться неприятным.

БУМАЖНЫЙ ЛЕБЕДЬ

Автор: Лейла Аттэр

ЧАСТЬ 1

СКАЙ

Глава 1

Это был хороший день для «лабутенов». Не то чтобы я планировала надевать высокие каблуки на забег к смерти, но если так уж вышло, что я собиралась умереть от руки жаждущего крови психа, то что может быть лучше, чем упасть и показать своему убийце красную подошву в стиле «пошел на хер»?

Потому что...

Пошел на хер, ублюдок, за то, что сделал меня жертвой бессмысленного преступления.

Пошел на хер за то, что унизил меня, не позволил увидеть свое лицо, прежде чем вышибить мне мозги.

Пошел на хер за тугие пуглы из кабеля, что оставляют глубокие красные отметины на моих запястьях.

Но больше всего, пошел ты на хер, потому что никто не хочет умереть в канун своего двадцатичетырехлетия: только что подстриженные светлые волосы сияют, ногти приведены в идеальное состояние гелем, и я возвращалась со свидания с человеком, который может оказаться «единственным».

Моя жизнь была запланирована как череда бенефисов: выпускной, свадьба, дом, который достоин страниц глянцевого журнала, двое замечательных детей. И вот я здесь, на коленях, с мешком на голове, и холодное дуло пистолета приставлено к затылку. И знаете, что самое худшее? Незнание того, почему это случилось, непонимание того, почему я должна умереть. Опять же, с каких пор имеет значение, случайность это или тщательно спланированное преступление? Убийство, изнасилование, пытки, жестокое обращение. Способны ли мы понять на самом деле это «почему» или просто стремимся клеить на все ярлыки, чтобы организовать тот хаос, который мы не в силах контролировать?

Финансовая выгода.

Психическое расстройство.

Экстремизм.

Ненавистные сучки с акриловыми ногтями.

Какой из этих мотивов мог быть причиной моего убийства?

Прекрати, Скай. Ты еще не мертва. Продолжай дышать. И думай.

Думай.

Грубый резкий запах мешка ударил мне в ноздри, когда лодка качнулась на воде.

«Что ты делаешь, Скай»? Слова Эстебана громко и четко прозвучали в моей голове.

Я борюсь.

Я сопротивляюсь и борюсь изо всех сил.

У меня вырвался нервный смешок.

Я затыкала Эстебана слишком долго, и вот где он, внутри моей головы, неожиданно-негаданно, как всегда, сидит на краю моего сознания, будто это подоконник моей спальни.

Я вспомнила нашу утреннюю онлайн викторину:

«О ком ты думаешь, прежде чем заснуть?».

Клик.

«Это тот, кого ты больше всего любишь».

Я думала о Марке Джейкобсе, Джимми Чу, Томе Форде и о Майкле Корсе. Не об Эстебане. О нем — никогда. Потому что, в отличие от друзей детства, они всегда оставались со мной. Я могла позволить себе быть соблазненной ими, могла принести домой их блестящие творения и могла отправиться спать, зная, что утром они все еще будут здесь. Как «лабутены», которые я упоминала ранее, — те кокетливые цвета фуксии, с атласным ремешком вокруг щиколотки, или те с огромными золотыми каблуками? Я рада, что выбрала последние. Их каблуки были как шипы. Я попыталась воскресить их в памяти, нарисовав перед глазами завтрашний заголовок:

«ТУФЛИ-УБИЙЦЫ».

На фото мог бы быть смертоносный лакированный каблук, торчащий из тела моего похитителя.

«Да, так все и будет», — сказала я себе.

Дыши, Скай, дыши.

Но воздух внутри мешка был темным и затхлым, и мои легкие сжимались под натиском страха и ужаса. И это было только начало. Это произошло. Это все по-настоящему. Когда ты увлекаешься мечтами, обязательно появляется что-то, что поможет избежать потрясения — чувство защищенности, как сейчас, ощущение, что за тобой присматривают. Ухватившись за эту идею, я ощутила некую браваду, стала относиться к случившемуся более легкомысленно. Я была любима, ценна и важна. Конечно же, кто-то собирался вмешаться и спасти меня. Ведь так? *Так?*

Я услышала, как щелкнул взводимый курок, и дуло пистолета ледяным поцелуем приникло к моему затылку.

— Подождите, — мое горло болело, голос сел от криков в духе баньши: я вопила все время, после того как очнулась и обнаружила себя связанной, словно дикий кабан, в собственной машине. Я знала это, потому что здесь все еще пахло туберозой и сандаловым деревом из-за парфюма, который я разлила здесь пару недель назад. (*Примеч. Тубероза, или Полиантес — многолетнее растение, экстракты которого используются в парфюмерии.*)

Он схватил меня на парковке, когда я садилась в свой голубой кабриолет, выволоч наружу и ударил лицом о капот. Я подумала, что он заберет что-то из моих вещей: сумочку, кошелек, ключи, машину. Возможно, подобные мысли — некое проявление защитного инстинкта; может все дело в том, что все внимание сосредоточено на том, что человек хочет, чтобы случилось в следующее мгновение.

Просто забирай и уходи.

Но все пошло не так. Он не хотел мою сумочку, мой кошелек, мои ключи или мою машину. Он хотел меня.

Говорят, что лучше кричать «Пожар!», чем «Помогите!», но я не смогла вымолвить ни слова, — меня душила пропитанная хлороформом тряпка, которую он прижал мне к носу и ко рту. Намокшая от хлороформа ткань не вырубит вас сразу — не так, как часто показывают в фильмах. Я пиналась и боролась, казалось, целую вечность, прежде чем мои руки и ноги онемели, и темнота накрыла меня.

Мне не следовало кричать, когда я пришла в себя. Я должна была поискать, как выбраться из багажника или выбить задние фары, или сделать что-то, о чем журналисты могли бы потом тебя порасспросить. Но ты ведь знаешь, что не сможешь заткнуть Панику?

Она орущая, бешеная сучка, и она хочет наружу.

Это взбесило его. Я могла бы говорить, когда он вышел и открыл багажник. Я была ослеплена холодными голубыми бликами уличного света над его плечом, но я могла говорить. И просто, чтобы стало понятно — он вытащил меня наружу за волосы и заткнул рот все той же тряпкой с хлороформом.

Я давилась ей, пока он толкал меня в сторону набережной, мои запястья все еще были связаны за спиной. Сладкий, острый запах не был уже таким сильным, но он все равно вызвал у меня тошноту. Я почти захлебнулась своей блевотиной, когда он вытащил тряпку из моего рта и накиннул мешок мне на голову. Тогда я перестала кричать. Он мог задушить меня, но я была нужна ему живая, ну, по крайней мере, пока он не сделает того, зачем я ему понадобилась. Изнасилование? Плен? Выкуп? Мой мозг одурел от калейдоскопа ужасных видеосюжетов из выпусков новостей и заголовков журналов. Конечно, я всегда очень сильно сопереживала таким новостям, но мне достаточно было переключить канал или перевернуть страницу, чтобы убрать это уродство.

Но сейчас я не могла перевернуть страницу. Я смогла бы убедить себя, что это — реалистичный кошмар, если бы не было этих резких покалываний на коже головы — в тех местах, где были вырваны волосы, жутко болело. Но боль была кстати. Боль говорила мне, что я жива. И, поскольку я была жива, у меня все еще была надежда.

— Подожди... — сказала я, когда он заставил меня опуститься на колени. — Чего бы ты ни хотел. Пожалуйста... только... Не убивай меня.

Я ошибалась. Он не хотел меня живой. Он не посадил меня под замок, чтобы потребовать выкуп. Он не срывал с меня одежду и не получал удовольствие, заставляя меня страдать. Он просто хотел привезти меня сюда, где бы это ни было. Здесь он собирался убить меня и не намеревался тратить время впустую.

— Пожалуйста, — взмолилась я, — позволь мне посмотреть на небо в последний раз.

Мне нужно было выиграть немного времени, чтобы найти какой-нибудь выход. И если это действительно был конец, я не хотела умирать в темноте, задыхаясь в тумане страха и отчаяния. Я хотела последний вдох свободы, наполненный океаном, прибоем и морским воздухом. Я хотела закрыть глаза и притвориться, что это — воскресный день, и что я — маленькая щербатая девочка, собирающая ракушки с МаМаЛу.

Наступила тишина. Я не слышала голоса своего похитителя и не видела его лица, в моей голове не было никаких картинок, только темное присутствие, словно позади меня застыла гигантская кобра, готовая напасть. Я задержала дыхание.

Он убрал мешок, и я почувствовала на лице ночной воздух. Моим глазам потребовалось мгновение, чтобы найти луну. И вот она — прекрасный кусочек серебра в форме полумесяца, в точности такая, какую я видела, когда была ребенком и засыпала под сказки моей МаМаЛу.

«Ты родилась в тот день, когда облака были большими и раздутыми от дождя, — говорила няня, глядя мои волосы. — Мы готовились к шторму, но солнышко выглянуло сквозь тучи. Твоя мать поднесла тебя к окну и заметила золотистые пятна в твоих маленьких серых глазах. Они были такого же цвета, что и небеса в тот день. Вот почему она назвала тебя Скай, любовь моя».

Я не думала о своей матери много лет. У меня нет никаких воспоминаний о ней, ведь она умерла, когда я была маленькой. Я не знала, почему я подумала о ней сейчас. Возможно, потому, что через несколько минут, и я буду мертва.

Меня пронзила мысль: а что, если я увижу свою мать на другой стороне. Что, если она поприветствует меня, как случилось с теми людьми на ток-шоу — с теми, кто утверждал, что был там и вернулся. А что, если ли та, другая сторона существует.

Я могла увидеть сумеречные огни высоких кондоминиумов в гавани, поток машин к центру города напоминал красную змею. Мы были на пустынной пристани возле залива Сан-Диего. Я подумала о своем отце, которого я убеждала не беспокоиться, просто позволить мне быть, дышать и жить. Я была единственным ребенком в семье, и он уже потерял мою мать.

Я представила, что он ужинает во дворе, на утесе, откуда открывается вид на тихую бухту в Ла-Хойе. Он в совершенстве владел искусством пить красное вино, не намочив усы. Он использовал свою нижнюю губу и по-особому наклонял голову. Я буду скучать по его густым седым усам, хотя и протестовала каждый раз, когда он меня целовал. Три раза в щеки. Левая, правая, левая. Всегда. Неважно, спустилась ли я просто позавтракать или отправляюсь в кругосветное путешествие. У меня шкафы были забиты дизайнерскими туфлями, сумками и безделушками, но именно по этому, я и буду скучать. По трем поцелуям от Уоррена Седжвика.

— Мой отец заплатит тебе, сколько ты хочешь, — сказала я, — без вопросов.

Мольба. Торг. Это получается так легко, когда ты на волосок от смерти.

Мое предложение осталось без ответа, лишь твердая рука заставила меня опустить голову.

Мой убийца приготовился. Я стояла на коленях в центре большого куска брезента, который покрывал большую часть палубы. Его углы были прижаты кусками бетона. Я представила свой труп, завернутый в брезент и выброшенный где-нибудь посреди океана. Мой разум все еще бунтовал против этого, но сердце... сердце знало.

— Дорогой Господь, благослови мою душу. И присмотри за папой, за МаМаЛу, и за Эстебаном.

Это была молитва из прошлого, которую я не произносила годами, но слова приходили машинально, срываясь с моих губ, словно маленькие бусинки спокойствия.

В этот момент я осознала, что в самом конце вся боль, обиды и оправдания становятся ничем, мимолетными явлениями, которые рассеиваются, как бледные призраки перед образами людей, которых вы любили и которые любили вас. Потому что в конце моя жизнь свелась только к трем поцелуям и трем лицам: мой отец, моя няня и ее сын — двоих из них я не видела с того момента, как свернула на сухую пыльную дорогу Каса Паломы.

О ком ты подумаешь перед самой смертью?

Я зажмурилась, ожидая щелчка холодной, свинцово-тяжелой неминуемой смерти.

О тех, кого любила больше всего.

Глава 2

Темнота. Кромешная тьма. Сюрреалистическая тьма — глубокая, спокойная, безбрежная. Я была словно подвешена в пустоте, лишь едва уловимое сознание без рук и без ног, без волос и губ. И это было почти безмятежно, если бы не тупая пульсация, проникающая сквозь меня. Она все громче и сильнее накатывала на меня волнами, пока не разбивалась, распадаясь на мелкие частицы внутри меня.

Боль.

Я моргнула и поняла, что мои глаза уже открыты, но вокруг меня не было ничего, ни надо мной, ни подо мной, только пульсирующая боль у меня в голове. Я опять моргнула. Раз. Два. Три. Ничего. Никакой формы, тени или мутной неопределенности. Только абсолютная, всеохватывающая тьма.

Я подскочила.

В своих мыслях.

В реальности ничего не произошло. Словно мой мозг находился отдельно от меня. Я не чувствовала ни ног, ни рук, даже языка или пальцев не ощущала. Но я могла слышать. Слава Богу, я могла слышать, пусть даже это был лишь звук моего сердца, которое билось так, словно готово выпрыгнуть из груди. Каждый безумный удар увеличивал боль в голове, словно все мои нервы оканчивались там, в бассейне, полном крови.

Ты можешь слышать.

Ты можешь дышать.

Возможно, ты потеряла зрение, но ты жива.

Нет.

Нет!!!!

Я лучше умру, чем буду в его милости.

Что, блядь, он сделала со мной?

Где я, черт возьми, нахожусь?

Я уже приготовилась к выстрелу, но после того, как последние слова молитвы сорвались с моих губ, наступила короткая тишина. Он взял прядь моих волос и нежно погладил, почти с благоговением. Затем он сбил меня с ног, нанеся резкий удар рукояткой пистолета, и это ощущалось так, будто он расколот мне череп. Очертания Сан-Диего на горизонте закачались и начали исчезать в больших черных пятнах.

— Я не разрешал тебе говорить, — произнес он, когда я с грохотом упала. Мое лицо ударилось об палубу жестко и быстро, но мне казалось, будто все это происходит в мучительно замедленной съемке.

Я мельком взглянула на его обувь, прежде чем мои глаза закрылись.

Мягкая, ручной выделки, итальянская кожа. Я разбиралась в обуви, и мало кто в округе

мог позволить себе такую.

«Почему он не выстрелил?» — подумала я, а затем вырубилась.

Не знаю, как долго я пробыла без сознания, но только этот вопрос застрял у меня в голове, словно дракон, засевший у входа в пещеру, отказываясь сдвинуться с места и готовый извергнуть пламя всех чудовищных вероятностей, каждая из которых хуже, чем смерть.

Почему он не спустил курок?

Возможно, он планирует держать меня слепой, и под действием лекарств в пределах своей видимости...

Возможно, он планирует разрезать меня на части и продать их.

Возможно, он уже вырезал мои внутренности, и ощутить это — лишь вопрос времени, когда анестезия пройдет.

Возможно, он подумал, что я мертва, и похоронил меня заживо.

С каждой последующей мыслью боль превращалась в Страх, и, если позволите сказать вам, Страх еще большая сука, чем Паника. Страх поглощает тебя целиком и полностью.

Я чувствовала, как медленно соскальзываю глубоко вовнутрь этого страха.

Я ощущала запах Страх.

Я дышала Страхом.

Страх съедал меня заживо.

Я знала, что мой похититель что-то мне дал, но не знала, была ли я парализована лишь на время или навсегда.

Я не знала, была ли я изнасилована, избита или ужасно изуродована.

Я не знала, хочу ли это выяснить.

Я не знала, вернется ли он.

И если он вернется, то может оказаться, что то мерзкое состояние, в котором я пребывала сейчас, лучше, безопаснее, и легче.

Страх продолжал следовать за мной по лабиринтам моего разума, но существовало только одно место, где он меня не достанет, одно место, где, я знала, что всегда буду в безопасности. Я закрылась в этом уголке моего сознания и отключилась от всего, кроме колыбельной моей МаМаЛу.

Это была не совсем колыбельная. Это была песня о вооруженных бандитах, страхе и опасности. Но то, как МаМаЛу пела ее — мягко и мечтательно — всегда успокаивало меня. Она пела на испанском, но я запомнила смысл лучше, чем сами слова.

Вниз по горам Сьерра-Морена,

Солнышко, они идут

Пара черных глаз,

Солнышко, они контрабандисты...

Я увидела себя в гамаке, голубое небо над головой, Эстебана, изредка рассеянно

покачивающего гамак, в то время как МаМаЛу пела, развешивая сушиться выстиранные вещи. Эти сиесты в садах Каса Палома с няней и ее сыном были моими самыми ранними воспоминаниями. Колибри жужжали над красными и желтыми гибискусами, а бугенвиллия вилась по толстой, неухоженной живой изгороди.

Ай-яй-яй-яй

Пой и не плачь,

Потому что пение веселит,

Солнышко, веселит сердца...

МаМаЛу пела ее, когда я или Эстебан получали ушибы и царапины. Она пела, когда мы не могли заснуть. Она пела, когда была счастлива, и пела, когда грустила.

Пой и не плачь.

Пой и не плачь...

Но слезы лились. Я плакала, потому что не могла петь. Я плакала, потому что не могла говорить. Я плакала, потому что МаМаЛу, голубые небеса и колибри исчезли в темноте. Я плакала, держалась за них, и медленно, шаг за шагом, Страх отступил.

Я открыла глаза и глубоко вдохнула. Я все еще была охвачена темнотой, но ощущала, что пол покачивается. Возможно, мои чувства начинали пробуждаться. Я попыталась согнуть пальцы.

Пожалуйста.

Будьте здесь.

Работайте.

Ничего.

Моя голова все еще немного гудела от удара, которым он меня вырубил, но помимо этого бум-бум-бум я слышала голоса, и они становились все ближе.

— Вы часто проходите через Энсенаду? — женский голос.

Я не смогла понять весь ответ целиком, но голос был ниже, определенно мужской.

— ...меня никогда еще здесь не останавливали, — сказал он. Голос моего похитителя врезался в мою память так же крепко, как и его обувь.

— Ничего страшного. Это просто случайная проверка перед... пересекая границу... — женский голос то пропадал, то появлялся. — Мне нужно убедиться... серийный номер судна совпадает с номером двигателя.

Граница.

Энсенада.

Черт.

Ощущение плавного покачивания обрело смысл. Я была на лодке, возможно, на той самой, где он меня вырубил. Мы были в Энсенаде, в порту на границе Мексики, около ста километров к югу от Сан-Диего, а эта женщина, наверное, таможенный офицер.

Мое сердце чуть не выскочило из груди.

Вот оно. Это твой шанс сбежать, Скай.

Привлеки ее внимание. Тебе нужно привлечь ее внимание!

Я кричала и кричала, но не могла произнести и слова. Что бы он ни дал мне, это

парализовало мои голосовые связки.

Я услышала шаги над головой, и это заставило меня подумать, что я, возможно, нахожусь где-то в трюме под палубой.

— Только для проверки, вы Демийен Кабальеро? — спросила она.

— Дамиан, — поправил он. Да-ми-ан. А не Де-ми-йен.

— Хорошо, все выглядит нормально. Я сфотографирую ваш бортовой идентификационный номер, и вы можете быть свободны.

Нет! Я теряла последнюю возможность.

Я не могла кричать или хотя бы стукнуть чем то, но я обнаружила, что могу ворочаться, что я и сделала. Слева направо, из стороны в сторону. Я раскачивалась сильнее и быстрее, не зная, врежусь ли я во что-то, и будет ли какой-то результат. На шестой или седьмой раз я почувствовала что-то над собой и услышала: словно дерево трется о дерево.

Ох, пожалуйста.

Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста.

Я вложила все силы в этот толчок, хотя после него у меня закружилась голова.

Что-то упало. Громкий звук. И внезапно стало светлее.

— Что это было? — спросила женщина.

— Я ничего не слышал.

— Это, кажется, донеслось снизу. Не против, если я взгляну?

Да!

— Что у вас здесь? — ее голос теперь был отчетливым.

Она была близко.

Действительно, близко.

— Веревки, цепи, и рыболовные снасти...

Я начала замечать маленькие вертикальные полоски света над собой, в нескольких сантиметрах от моего лица.

Да! Я могу видеть! Мои глаза в порядке!

Замок повернулся, и комната наполнилась ярким, слепящим светом, от которого из глаз потекли слезы.

Я пыталась приспособиться так, чтобы поглядеть сквозь щели, в которые лился свет. Скорее всего, я лежала в деревянном ящике, и мой ящик был спрятан за другими. Силуэт человека появился на лестнице, и за ним — еще один.

Я здесь.

Я начала яростно раскачиваться.

— Похоже, один из ваших ящиков упал, — сказала офицер.

Я толкнулась опять. *Найди меня. Пожалуйста, найди меня.*

— Ага, — он двинулся в мою сторону. — Нужно лучше их закрепить. Он прижал ногой мой ящик, предупреждая его движение.

Теперь я смогла четко увидеть женщину через щели в крышке — не все, конечно, но ее руки и тело выше пояса. Она держала документы, и у нее на поясе висела рация.

Я здесь.

Подними взгляд от своей папки. Ты увидишь свет, отражающийся в моих глазах.

Всего один шаг вперед, и ты не пропустишь меня.

Один. Паршивый. Шаг.

— Вам нужна помощь? — спросила она, когда мужчина поднял ящик, который я

умудрилась сдвинуть, и поставил обратно на меня.

Да! ПОМОГИТЕ. Помогите же мне, тупая курица.

— Я сам, — ответил он. Веревка, крючки и... вуаля, готово. Вот. Все закреплено.

— Это очень большие ящики. Ожидаете большой улов? — я услышала ее шаги на лестнице.

Нет! Вернись.

Мне жаль, что я назвала тебя тупой курицей.

Не оставляй меня.

ПОЖАЛУЙСТА.

НЕ ОСТАВЛЯЙ!

— Иногда мне удается подцепить довольно хороший улов, — ответил он.

Самодовольство в его голосе заставило меня поежиться.

Затем он закрыл дверь, и я опять погрузилась в абсолютную темноту.

Я словно ползла по туннелю из наждачной бумаги. Каждый раз, когда я двигалась вперед, моя кожа терлась об грубую, сухую поверхность.

Шух-х, шух-х, шух-х.

Я ощущала, как моя кожа сползает, слой за слоем. Мои колени, спина и плечи саднили, но я могла чувствовать тепло солнца. Я знала, что если я буду стараться добиваться своего, в конечном итоге, я это получу. Я продолжала двигаться, и скоро у меня было достаточно места, чтобы стоять. Гравий — он был повсюду.

Мои ноги тонули в маленьких камушках и гальке. Хрусь, хрусь, хрусь.

Я продолжала идти. Все болело, но я плелась навстречу свету. И внезапно он оказался на мне, вокруг меня, заставляя зажмуриться от сильного сияния. Я моргнула и проснулась, выпустив огромный вздох.

Вау. Это был лишь дурацкий сон. Я была закутана в свое одеяльце на кровати, и солнышко светило сквозь окно. Я выдохнула и сильнее закуталась в простыни. Еще несколько секунд и я спущусь вниз, чтобы получить свои три поцелуйчика, прежде чем мой отец отправится на работу. Я не собиралась больше принимать их как данность.

Хрусь, хрусь, хрусь.

Я нахмурилась.

Это не должно преследовать меня в реальности.

Я держала глаза закрытыми.

То, чем я была накрыта, ощущалось как нечто странное, грубое и жесткое, совсем непохожее на мое мягкое шелковистое одеяло.

Окно — я увидела его сразу — было маленькое и круглое. Такие бывают на судах.

И мне больно. Теперь я это ощущаю. Болит все. Моя голова была тяжелой и туго соображала, язык прилип к небу.

Хрусь, хрусь, хрусь.

Я знала, что это не к добру, чем бы этот звук ни был. Это приближалось сзади, и я знала, что это было что-то плохое и злое, и оно собиралось затащить меня обратно в ад.

— Как раз вовремя, — сказала оно.

Черт, черт, черт.

Да-ми-ан.

Дамиан «Вырыватель волос», «Пробиватель черепов» и «Отправитель в кому Кабальеро».

Он был здесь, и он был настоящим.

Я зажмурилась сильнее. Я была уверена, что нечаянная слеза скатится по щеке, но мои глаза были сухи, будто в них насыпали песка. Все во мне ощущалось именно так — влажным и исцарапанным, внутри и снаружи. Неудивительно, что мне снились туннели из наждачной бумаги. Наверняка я обезвожена. Кто знает, как долго я была в отключке и каковы побочные эффекты от того, чем он меня накачал?

— Что ты... что ты сделал со мной?

Мой голос звучал странно, но я была рада даже этому. То же было и с моими руками, ногами, со всем телом. Голова болела, кости ныли, но я все еще была единым целым и я

никогда, никогда в жизни больше не буду ненавидеть свой живот или свою задницу, или ямочки на бедрах.

Дамиан не ответил. Он был все еще позади меня, вне поля зрения, и он занимался тем же самым, черт возьми, что и раньше.

Хрусь, хрусь, хрусь.

Я начала трястись, подавив стон, который готов был сорваться с моих губ.

Это была неторопливая психологическая игра — он, обладающий полным контролем, и я, не знающая, что будет дальше, почему, где, или зачем.

Я вздрогнула, когда он поставил рядом со мной стул. На нем стояла миска с каким-то подобием рагу, лежал ломтик хлеба, который выглядел так, словно его оторвали — никакого ножа, никакого этикета — и стояла бутылка воды. Мой желудок подпрыгнул при виде еды. Я подавила желание вылить содержание этой миски ему в лицо. Я была чертовски голодна, как будто бы не ела несколько дней. Я подняла голову и опустила назад — это движение, синхронное с движениями лодки, вызвало головокружение и лишило меня ориентации. Я попыталась снова, более медленно, подняться на локтях, прежде чем сесть.

Хрусь, хрусь, хрусь.

Что это за хрень?

— Я бы на твоём месте не оборачивался, — сказал он.

Интересно. Он не хотел, чтобы я видела его лицо. Если он планировал убить меня, какая ему разница? В этом есть смысл, если только он не хочет, чтобы я потом его узнала.

Я повернулась. Мир стал размытым и мутным, но я повернулась. Возможно, я совсем рехнулась, но я хотела увидеть его лицо. Мне хотелось запомнить мельчайшие детали, чтобы я смогла прибить ублюдка, если до этого дойдет. Ну, а если он убьёт меня, то так тому и быть. По крайней мере, мы будем на равных.

Я увидела твое лицо: бах, бах.

Лучше, чем я-не-имею-ни-малейшего-понятия-что-я-сделала-чтобы-заслужить-это: бах, бах.

Он не отреагировал на мое неповиновение, никак не ответил. Он просто сидел, запустив пальцы внутрь бумажного кулька, который держал в руках, и бросал что-то в рот.

Хрусь, хрусь, хрусь.

Его глаза были скрыты кепкой, но я знала, что он наблюдает. Я вздрогнула, понимая, что он использует это время, чтобы определить меру моего наказания, взвесить его, как взвешивает свою еду, прежде чем отправить ее в рот.

Я не знала, что меня ожидает. Я знала, что ненавижу его, но теперь я ненавидела его еще больше. Мысленно я представляла совершенно другого человека, кого-то настолько же уродливого снаружи, насколько он уродлив внутри. Такое имело бы для меня смысл. Не это. Не кто-то, настолько обычный, что можно было пройти мимо на улице и никогда не узнать, что рядом с тобой прошло чистое зло.

Дамиан был младше, чем я предполагала, и старше меня. Не свирепый и закаленный бандит, которого я ожидала увидеть. Он оказался средней комплекции и роста, и был сильным как дьявол. Я знала это, потому что пинала, била и сражалась с ним, словно дикая кошка. И каждый миллиметр его тела был холодным и твердым, как сталь. Возможно, это его работа: похищение, имитация казни и контрабанда девушек за границу.

Он подцепил ногой стул и притянул его к себе. Глянцевая, дизайнерская обувь исчезла. Он был обут в обычные уродливые лодочные туфли, уродливое трико и обычную уродливую

футболку. Его губы изогнулись в усмешке, словно он был в курсе моей пренебрежительной оценки и наслаждался этим. Этот ублюдок упивался этим.

Он оторвал кусочек хлеба, погрузил его в рагу, позволяя подливе впитаться в коричневую корочку, и впился в нее зубами. Затем он откинулся на стул, медленно пережевывая, пока я смотрела. Это был дрожжевой хлеб. Я могла учуять его запах. Я почти ощутила вкус хрустящей корочки хлеба и мякоти, тающей во рту. Пар, поднимающийся от рагу, заполнил мой желудок обещанием вкуса морковки, лука и кусочков мягкого нежного мяса — но это обещание Дамиан не исполнит. Я знала это теперь. Я знала, что это мое наказание за то, что я обернулась, когда он сказал мне не оборачиваться. Я знала, что он заставит меня наблюдать, как он расправляется до последнего кусочка с едой, которая предназначалась мне.

Веселье было в том, что он даже не хотел есть. Он выглядел так, словно уже настолько сыт, что должен запихивать каждый гребаный кусок в свой рот, пока мой живот требовал пищи. От бешеного, грызущего чувства голода у меня закружилась голова. Мои губы сжимались каждый раз, когда он макал хлеб в рагу, подбирая кусочки тушеных овощей и соуса. Я наблюдала за тем, как он доедает, не в силах отвести взгляда, словно голодная собака, готовая в любой момент наброситься на такой желанный кусочек, но в тарелке ничего не осталось. Дамиан вытер все аппетитные остатки еды последним куском хлеба. Затем он поднялся и открыл бутылку воды, держа ее надо мной.

О, Господи. Да. Да.

Я протянула руки, когда он начал лить воду. Мои сухие, потрескавшиеся губы ждали эту первую спасительную каплю воды.

И вода пришла. Пришла. Но Дамиан держал рукой бутылку так, что вода проходила сквозь испачканные едой пальцы, прежде чем попасть ко мне. У меня был выбор. Принять его условия или оставаться без воды.

Я закрыла глаза и пила. Я пила, потому что не могла остановиться, даже если бы захотела. Я пила, потому что была изголодавшимся запуганным животным. Но больше всего я пила, потому что какая-то глупая, иррациональная часть меня, та, что пела глупые, иррациональные колыбельные, все еще лелеяла надежду. Я пила, пока вода не вытекла почти полностью. И когда Дамиан отбросил пустую пластиковую бутылку через помещение, я проводила ее взглядом, наблюдая, как она катится по полу, надеясь, что он отдаст ее для того, чтобы я могла засунуть внутрь язык и достать несколько последних капель.

Мыслями я вернулась к украшенной кристаллами Сваровски бутылке воды, к которой я и Ник едва притронулись на нашем последнем свидании. Его только что повысили до помощника окружного прокурора, и на следующее утро он должен был заняться своим первым официальным делом. Это был праздник, что называется, от безделья, но с шипением и хлопком только что открытой бутылки шампанского. Я должна была осушить эту красивую, запотевшую бутылку газированной воды и уйти домой с Ником. Я ни за что, не должна была спускаться на парковку одна.

Я посмотрела на своего похитителя. Он вытирал руки о штаны. Я использовала эту возможность, чтобы осмотреться. Это была маленькая каюта с кроватью королевских размеров. У стен — шкафы из темного дерева. Я предположила, что они служат для хранения вещей. Здесь было окно (не настолько большое, чтобы из него вылезти), наверху — панели, пропускающие достаточно света (но прикрученные цепями) и дверь. И даже если я выберусь отсюда, мы на гребаной лодке, посреди океана. Здесь нет места, куда можно

убежать или спрятаться.

Я снова посмотрела на Дамиана. Он наблюдал за мной из-под козырька бейсболки. Она была темно-синей с инициалами «СД», вышитыми белыми нитками, официальным знаком Сан-Диего Падрес. Наверное, он когда-то играл. Или просто носил это, потому что она ему нравилась.

Садист-Дебил.

А еще — *Тупой Недоумок*, если он действительно фанат Падрес, потому что Сан-Диего был самым большим городом в США, который никогда не выигрывал мировые чемпионаты, Суперкубок, кубок Стэнли и НБА или какие либо другие спортивные соревнования. Это было проклятье, от которого мы страдали, и мой отец надеялся каждый раз в начале сезона: Удачи, Сан-Диего Падрес. Ни пуха, ни пера!

— Попробуй выкинуть какую-нибудь глупость, и я сломаю тебе ноги.

Дамиан поднял пустую бутылку воды с пола и направился к двери.

Я должна была ударить его по башке стулом.

Я должна была толкнуть его так, чтобы миска соскользнула и разбилась, а затем ткнуть его разбитым стеклом.

— Пожалуйста, — сказала я вместо этого, — мне нужно в туалет.

Я не могла не думать об опорожнении мочевого пузыря. Я могла забыть обо всем, кроме голода, жажды и физиологических потребностей. Я полностью зависима от него. «Пожалуйста» и «спасибо» приходят сами собой, когда ты находишься в чьей-то власти. Даже если ты ненавидишь этого «кого-то» до смерти.

Жестом он приказал мне встать. Мои ноги подкашивались, поэтому пришлось опереться на него. Я была одета в ту же одежду — кремовый шелково-шифоновый топик и обрезанные брюки-сигареты (*Примеч. Брюки-сигареты — узкие и плотно облегающие фигуру брюки, довольно универсальны, имеют разную длину*), но теперь они были трудно узнаваемы. Парижский шик Изабель Маран (*Изабель Маран (фр. Isabel Marant, род. 12.04.1967, Париж — известный французский модельер)*) выглядел так, словно провел ночь, катаясь с Робом Зомби (*Примеч. Роб Зомби (англ. Rob Zombie, настоящее имя — Роберт Каммингс) — известный американский музыкант, играющий в стилях грув-метал и индастриал-метал, а также кинорежиссер и сценарист; в прошлом байкер и арт-директор порножурнала*).

Дамиан провел меня по узкому коридору. Справа была маленькая ванная комната с компактным душем, раковиной и туалетом. Я повернулась, чтобы закрыть дверь, но Дамиан просунул ногу.

— Я не смогу писать, если ты будешь смотреть.

— Нет? — и он потащил меня обратно в каюту.

— Подожди.

Боже, я ненавидела его. Я ненавидела его больше чем кого-либо когда-либо смогу возненавидеть.

Он подождал у двери, не потрудившись отвернуться. Он хотел убедиться, что я поняла ситуацию — со мной не считаются, я не имею права голоса и не могу рассчитывать на уединение, милосердие, удобство или внимание. Я пленница, объект для его прихотей.

Я направилась к унитазу, благодаря Бога за то, что окажусь частично закрыта от Дамиана раковиной. Я расстегнула штаны, впервые обращая внимание на царапины. Кожа, наверное, поцарапалась о стенки ящика, в котором он меня запер. Я коснулась затылка и

обнаружила шишку размером с яйцо, которая не переставала пульсировать с тех пор, как я пришла в себя. Ноги заныли, когда я села, на коленях были огромные, фиолетовые синяки, наверное, от движений в деревянном ящике. Кто знает, как долго я там пробыла. Еще хуже то, что я не могла расслабиться и пописать, но когда все же начала, меня обожгло, как будто кислотой. Мочи оказалось немного, наверное, потому, что я была обезвожена, но я еще немного посидела, сделав несколько глубоких вдохов, прежде чем вытереться и встать. Я натянула на себя штаны и уже собиралась мыть руки, когда увидела свое отражение.

— Какого хрена? — я повернулась к нему. — Что за херню ты сотворил со мной?

Он бесстрастно продолжал смотреть на меня, словно не слышал, как будто я была пустым местом.

Я снова посмотрела на свое отражение в зеркале. Он отрезал мои длинные светлые волосы и перекрасил их в жгучий черный цвет: укоротил их тупыми ножницами и облил магазинной краской. Часть белых непокрашенных волос все еще проглядывала сквозь темные пряди, как будто я напялила дешевый готический парик. Мои серые глаза, которые всегда привлекали внимание на моем лице, померкли на фоне этих жестких темных волос. В сочетании со светлыми ресницами и бровями я выглядела как живой призрак.

Нос и щеки были поцарапаны. Засохшие ручейки крови окружали мои уши там, где он вырвал мои волосы. Глубокие голубые круги образовались под глазами, а губы выглядели такими же болезненно потрескавшимися, какими и ощущались.

Мои глаза горели от непролитых слез. Я не могла примирить эту девушку с той, которой я была пару дней назад, с девушкой, которая собиралась отпраздновать свое двадцатичетырехлетие. Мой отец наверняка уже знает, что я пропала. Я бы никогда не пропустила вечеринку, которую он устроил для меня. Он наверняка уже поговорил с Ником, последним человеком, который меня видел. Я не знаю, как много дней прошло, но мой отец, должно быть, меня ищет. Он наймет лучших из лучших и не остановится, пока не найдет меня. И если он отследил мою машину на набережной, он, догадался, что я на корабле. Эта мысль утешала меня. Может, он близко. Все, что мне нужно сделать, это выиграть немного времени, чтобы он мог догнать нас.

Я ощутила *его* под блузкой и облегченно вздохнула. Оно все еще было здесь — ожерелье, которое отец подарил маме, когда я родилась. Оно перешло ко мне после ее смерти, и с тех пор я носила его. Это была простая золотая цепочка с круглым медальоном. Медальон был с прозрачным стеклом, которое открывалось как книга. Внутри было два редких драгоценных камня — александриты и розовая морская жемчужина. *(Примеч. Александрит — природная разновидность минерала хризоберилла с примесью хрома. Кристаллы александрита способны менять оттенки окраски в зависимости от освещения: от темной сине-зеленой, голубовато-зеленой, темной травяно-зеленой, оливково-зеленой при дневном свете до розово-малиновой или красно-фиолетовой, пурпурной при вечернем или искусственном свете).*

— Возьми, — я расстегнула замочек и протянула Дамиану.

Я не думала, что могу обменять ожерелье на свою свободу, ведь он легко мог просто отобрать его, но я могла соблазнить его обещанием большего. Если я разожгу его аппетит денежной компенсацией, возможно, я смогу выиграть немного времени и отсрочить то, что он планировал для меня.

— Это будет стоить кучу денег, — сказала я.

Он отстраненно смотрел на меня. Потом безразличие покинуло его. Все его тело

напряглось, и он снял кепку. Станный жест, как будто он только что узнал о чьей-то смерти. Или, может, он сделал это из уважения, как будто перед лицом чего-то большого, красивого и святого.

В любом случае, он забрал ожерелье, очень медленно, пока оно не закачалось у него на руке.

Он поднял его к свету, и в первый раз я увидела его глаза. Они были темными. Черными. Но такой черноты я раньше никогда не видела. Черный был Всем. Никаких оттенков. Чернота была абсолютной, непроницаемой. Черный поглотил все цвета. Если вы упадете в черноту, она поглотит вас полностью. Тем не менее, здесь был и другой черный. Это был черный лед и горящий уголь. Это была родниковая вода и пустынная ночь. Это была темная буря и спокойная гладь. Здесь черный боролся против черного, противоположные, полярные друг другу, но все же... черные.

Я могла видеть ожерелье моей мамы, застывшее в его глазах. Это напомнило мне, как тает бесконечная линия отражений, когда стоишь между двух зеркал. Что-то было такое в его глазах, в его лице, чего я не могла понять. Он был загипнотизирован медальоном, словно попал под какие-то чары.

В его броне все же была щель.

— Может быть еще больше, — сказала я.

Он оторвал взгляд от ожерелья и посмотрел на меня. Схватив меня за руку, потащил через галерею, вверх по короткой лестнице и на палубу. Я еле тащилась за ним, ноги были еще вялые и слабые.

— Ты видишь это?

Он обвел рукой вокруг.

Мы находились посреди пустоты, окруженные километрами темной убегающей вдаль воды.

— Это, — продолжил он, указывая на океан, — не идет ни в какое блядское сравнение с этим, — он потряс ожерельем перед моим лицом. — Твои камешки для меня ничто, вымытый песок.

— Жаль, — продолжил он мягче, держа медальон в лучах солнца. — Какая красивая вещица.

Мой отец не мог решить, какой камень подобрать матери. Он сказал, что выбрал александриты, потому что они походят на радуго. Их грани переливаются невообразимыми цветами на свету. В помещении они выглядели красноватыми, а на солнце сверкали зеленым оттенком. Их свет отбросил блик на лицо Дамиана.

— Какая красивая вещица, — повторил он тише, почти грустно.

— Эти камни очень редкие. Жемчужина тоже. Ты не будешь ни в чем нуждаться. Ты можешь поехать, куда захочешь. Исчезнуть. Делать все, что хочешь. И если ты хочешь больше...

— Сколько стоит твоя жизнь, Скай Седжвик? Как ты думаешь?

Он знал мое имя. Конечно, он знал мое имя. Он, наверное, нашел документы в сумочке. Или следил за мной. Значит, похищение мое было не случайным

— А сколько, ты думаешь, стоит моя жизнь? — спросил он, снова поднимая медальон. — Длину этой цепочки? Жемчужину? Два редких камня?

Он посмотрел на меня, но я не ответила.

— Ты когда-либо держала жизнь в своих руках? — он положил медальон в мою ладонь

и сжал ее вокруг него. — Вот, ощути это.

Он псих. Совершенно сбрендивший псих.

— Ты знаешь, как просто разрушить чью-то жизнь? — он медленно отобрал у меня медальон, и медленно, намеренно медленно уронил его.

Тот упал возле его ноги. Дамиан поиграл с ним немного, двигая его назад и вперед носком ботинка.

— Это действительно до смешного легко, — он наступил на медальон и придавил его каблуком, глядя на меня.

Стекло начало трескаться под его весом.

— Не нужно, — попросила я. — Это все, что у меня есть в память о маме.

— Было, — ответил он, не убрав ноги до тех пор, пока медальон не был раздавлен.

То, как он сказал «было», разбило меня вдребезги.

Было.

Я была.

Это то, что произошло на корабле.

Это то, что никогда не исчезнет.

Он поднял мою разбитую памятку и изучил ее.

Я почувствовала прилив радости, потому что камни и жемчужина остались невредимы. Конечно, они остались. Наверное, что-то отобразилось на моем лице, потому что он схватил меня за шею и сжал так сильно, что я начала задыхаться.

— Ты любила свою маму? — спросил он, наконец, отпуская меня.

Я упала на колени, восстанавливая дыхание.

— Я никогда ее не знала.

Дамиан подошел к перилам и задержал ожерелье над водой. Я смотрела, все еще стоя на коленях, как оно покачивается на ветру. Я знала, что он собирается сделать, но не могла отвести взгляд.

— Прах к праху... — сказал он, бросая его в океан.

Он будто выбросил кусочек меня за борт, будто осквернил любовь моих родителей, их воспоминания — два радужных александрита, и меня, их розовую жемчужину. Дамиан Кабальеро разрушил то, что осталось от нашего красивого стеклянного мира.

Я не могла плакать. Я была слишком измучена. Мой дух полз по туннелям из наждачной бумаги, заживо сдирая с себя кожу. Сдирая свою свободу. Сдирая волосы. Сдирая достоинство и самооценку, все то, что я имею, кого люблю и кем дорожу. Я лежала там, глядя в небо, глядя на солнце, которое мне было так нужно, и мне было все равно.

Мне было все равно, когда Дамиан поднял меня и потянул обратно вниз. Мне было все равно, сколько в коридоре окон и как промаркированы выходы. Мне было все равно, когда он запер меня, завел двигатель, увозя меня далеко от дома, отца, мой прежней жизни.

Все, что я знала, лежа в постели и сквозь щели в панелях наблюдая за пушистыми белыми облаками, принимающими странные причудливые формы, это то, что если у меня появится шанс, я не буду колебаться ни секунды, прежде чем убить Дамиана Кабальеро.

Было темно, когда Дамиан опять пришел.

Мне снились розовый торт-мороженое, пиньяты и Эстебан. *(Примеч. Пиньята (исп. Piñata) — мексиканская по происхождению полая игрушка довольно крупных размеров, изготовленная из папье-маше или легкой оберточной бумаги с орнаментом и украшениями. Своей формой пиньята воспроизводит фигуры животных (обычно лошадей) или геометрические фигуры, которые наполняются различными угощениями или сюрпризами для детей (конфеты, хлопушки, игрушки, конфетти, орехи и т. п.).*

— Тронешь ее снова и увидишь, что такое ад, — сказал он, когда они оттаскивали его прочь.

Он был моим самопровозглашенным защитником, но не было никакой защиты от мужчины, который стоял сейчас у двери.

Свет из коридора очертил его силуэт, бросая зловещую тень на кровать. Я хотела спрятаться куда-нибудь, где он меня не найдет.

Дамиан поместил поднос на кровать и придвинул стул. Он не включил свет, но я учуяла еду. Он принес мне поесть.

Я пододвинулась к подносу осторожно, отводя взгляд. Помнила, что было в прошлый раз, когда я бросила ему вызов, и теперь собиралась быть хорошей девочкой. Я собиралась быть хорошей, воспитанной девочкой. Я едва могу справиться с голодом, сжимающим мой желудок короткими сильными схватками, но заставляю себя потерпеть, быть приличной, воспитанной и не зарыться лицом в тарелку, как хотелось.

Это была какая-то рыба, приготовленная на гриле, и немного риса. Господи, это пахло замечательно. Там не было столовых приборов, и это было хорошо, потому что все, чего мне хотелось — разорвать рыбу на кусочки, но я знала, что он наблюдает, поэтому отщипнула немного пальцами.

— Не так быстро, — сказал он.

О Боже, только не снова. Просто дай мне поесть.

А что он сделает, если я оближу свои пальцы?

Я так сильно хочу ощутить вкус рыбы.

— Поднимись, — скомандовал он.

Я проглотила сухой комок в горле, от которого хотелось кричать и плакать, хныкать и просить, и встала.

— Раздевайся, — приказал он из тени.

Я ожидала этого. Рано или поздно, так или иначе, все в любом случае заканчивается членом. Соси его, лижи его, погладь его, трахни его.

Потому что моя мать не любила меня.

Потому что мой отец бил меня.

Потому что мой учитель ласкал меня.

Потому что надо мной издевались.

Потому что моя жена покинула меня.

Потому что мои дети не говорят со мной.

Вот почему я пьян.

Я рискую.

Я не могу перестать есть.

Я зависим от секса.

Я режу себя.

Я снимаю ресницы.

Я принимаю наркотики.

Но этого не всегда хватает, знаешь? И иногда это выплескивается наружу, потому что ты не можешь контролировать это, потому что хочешь заставить других ощутить свою боль, свои страдания, свою злость, потому что это так трудно — ходить в шрамах в мире, полном рекламы и ярких улыбок с рекламы зубной пасты и успешных, счастливых людей. Жизнь не всегда сказка. Поэтому соси его, лужи его, погладь его, трахни его.

Мне было все равно, к какой из этих категорий относится Дамиан. Иногда это происходит просто потому, что я — *чистое зло*, знаешь? Я держала в мыслях вид тарелки, пока расстегивала топик. Казалось, будто я смотрю на пол, но на самом деле я пожирала взглядом рис и рыбу. Это удивительно — вещи, которые вы можете делать в режиме выживания. Я переступила через свои штаны и оказалась перед ним только в нижнем белье. «Агент Провокатор». Коллекция «Ночная Пленница».

— Сними с себя *все*, — сказал он, выделяя голосом слово «все», будто я была не в состоянии осмыслить простую команду.

Я расстегнула черный кружевной бюстгальтер размера 34С, стянула с себя такие же трусики и встала перед Дамианом. Голой.

Он заерзал на своем стуле.

— Включи свет.

Рыба. Думай о рыбе, говорила я себе, поворачиваясь в поисках выключателя.

— Выше, справа, — сказал он.

Мои пальцы тряслись, когда я нажала кнопку.

— Хорошая девочка. Теперь иди ко мне.

Он будто режиссер порнофильма.

Я держала глаза опущенными, пока не приблизилась к его стулу, и не посмотрела на его уродливые ботинки. Черт, я ненавидела эти ботинки. Я ненавидела шнурки, кожу, и подошву, и каждый гребаный стежок, который соединял их вместе. Я ненавидела их, потому что он забрал мои красивые золотые туфельки, и теперь я была босая, слабая, голая, голодная и мне было больно, и у меня был выбор, потрахаться или покушать. Нахер его обувь, его грязь, психологические игры и...

— Повернись, — сказал он.

Тогда я посмотрела на него, ожидая разврата и похоти, но он осматривал мое тело с отрешением, и это взбесило меня. Я привыкла, что мужчины пялятся на меня, хотят меня. Мое тело не было идеальным, но я владела каждой его частью. Это была моя сила, мое оружие, мой билет в эксклюзивные клубы, передние ряды на модных показах, на красные дорожки. Парни делали все для меня, девушки делали все для меня, и это было важно, потому что это было для *меня*, не для моего имени, славы или фортуны, или сети отелей, которыми владел мой отец. У меня было хорошее тело, и я не стеснялась выставлять его напоказ. Я не сплю с кем попало, но не прочь использовать его.

И теперь Дамиан отобрал и это тоже. Он раздел меня. Проверяет меня — мои руки ноги, спину, мои ступни — не как *женщину*, а как своего *пленника*. Во взгляде Дамиана не

было возбуждения, и я ненавидела это, потому что это делало меня еще более беспомощной. Я стояла спиной к нему, ощущая его взгляд на своей коже, задумываясь, осталась ли на пальцах какая либо пища — может, я оближу их сейчас.

Я почувствовала дуновение рядом. Теперь Дамиан стоял сзади, дыша мне в плечо.

— Ты воняешь, — произнес он. — Иди в душ.

Душ. Мыло и вода. Помирование от Дамиана.

Я вела себя хорошо.

Жди меня, рыбка. Я засмотрелась на тарелку, прежде чем пройти в ванную.

Кабинка была маленькая, в ней едва хватало места, но горячая вода ощущалась, словно небесное блаженство, пусть она и саднила кожу там, где были царапины и синяки. Я начала мыть голову и чуть не разрыдалась. Я забыла, что мои длинные роскошные волосы пропали. Я едва закончила с волосами, как дверь открылась, и Дамиан завернул кран.

— Это тебе, блядь, не спа. Это лодка с водяным баком. Запомни это хорошенько.

Он протянул мне полотенце. Оно было застиранным, но чистым. Я увидела свое отражение, когда он проводил меня обратно в комнату. Девушка со странными волосами снова поразила меня.

Скромность испарилась. Я вытерлась прямо перед Дамианом и огляделась в поисках своих вещей. Он открыл один из шкафов и начал выбрасывать на кровать сумки с вещами. Моими вещами. Kate Spade. Macy's. All Saints. Sephora. Zara. Мне не приходилось работать, чтобы выжить, но я имела степень по специальности изобразительное искусство и работала в качестве модного консультанта. Я говорила себе, что это просто исследование. После очередного безумного шопинга я оставляла все купленное на заднем сиденье моей машины на несколько дней, иногда недель.

Дерьмо.

Он мог забрать это, только если возвращался к машине. И, если он возвращался, у него была хорошая возможность избавиться от нее или перегнать в другое место. В любом случае, я облажалась. Ниточки, по которым, как я думала, мой отец сможет меня отыскать, начинали обрываться. Моей единственной надеждой остались теперь камеры наблюдения на парковке, где он схватил меня, может, они что-то нашли. Его рост, его вес, его лицо — что угодно, что помогло бы в расследовании. Я знала, что мой отец ни за что не сдастся. И сейчас мне следует делать то же самое.

Не. Сдавайся.

Завернувшись в полотенце, я начала опорожнять сумки. Тупая мини-юбка. Тупое невесомое платье. Тупое кольцо с огромным камнем. Черт. Как я могла заполнить столько места этим дерьмом? Я могла бы постирать и надеть то же самое белье. «Агент Отожми и Снова Спровоцируй».

Я все еще рылась в пакетах, когда Дамиан начал запихивать все обратно в шкаф. Пара черных леггинсов (*да!*) и маленькие белые стринги (*нет!*). Он вытащил уродливую просторную футболку и бросил в меня. Судя по размеру, это принадлежало ему.

— Снимай полотенце, — скомандовал он.

Как я и говорила, все рано и поздно сводится к члену. И теперь я уже не воняла.

Я закрыла глаза, ожидая услышать шорох снимаемых штанов.

Но этого не произошло. Я почувствовала, как он втирает что-то по линии роста моих волос. Это пахло лекарством и чертовски щипало, особенно там, где волосы были вырваны. Он проделал то же самое с кожей вокруг ушей. Потом помазал спину, прошелся по всем

царапинам и порезам, и синякам, замеченным при осмотре.

Я поняла, что он делает — награждает мое хорошее поведение заботой, успокаивая раны, которые он же мне и нанес.

Я должна была чувствовать благодарность, зависимость, ощущать близость к нему из-за этого маленького милосердия — все признаки Стокгольмского синдрома? *(Примеч. Стокгольмский синдром (англ. Stockholm Syndrome) — термин популярной психологии, описывающий защитно-бессознательную травматическую связь, взаимную или одностороннюю симпатию, возникающую между жертвой и агрессором в процессе захвата, похищения или применения (или угрозы применения) насилия).* Но я ничего не чувствовала. И если я когда-либо найду, где он спрятал мои туфли на шпильках, я пришиллю его черное сердце к мачте этой долбаной лодки.

Умри, Да-ми-ан. УМРИ.

— Ты сама с остальным справишься, — сказал он, бросая тюбик на кровать.

Он ушел, оставив дверь открытой, и я могла слышать, как он чистит свои зубы.

К черту мазь. Я бросилась к теперь уже холодной тарелке с едой.

Рыба меня не подвела. Она была сочная, самая вкусная из всех, что я когда-либо ела. Я скулила, когда ела ее.

Я поддела рис пальцами и закрыла глаза, смакуя его толстое крахмалистое совершенство. Мои вкусовые рецепторы взорвались от вкуса гребаного белого риса.

Да. Да. Да. Больше!

Я вылизала тарелку до блеска. Нет, серьезно. Я облизала всю тарелку, а затем снова и снова. Я не знала, когда еще смогу поесть и что должна буду сделать для него. Я переоделась в одежду, оставленную Дамианом, пахнущую его телом футболку. И чуть не вывернула наружу съеденную рыбу. Не то чтобы футболка плохо пахла. Она просто пропиталась солнцем, морем, потом — запахом, который ни одному порошку вывести не под силу.

Я выглянула в дверной проем. Дамиан все еще был в ванной. Я начала рыться в шкафах: постельное белье, полотенца, дождевики, вещи для дайвинга. Я почти закончила, когда наступила на что-то круглое и твердое. Подняв ногу, я обнаружила арахис, прилипший к подошве. Еще несколько штук валялось на полу, словно они выкатились из того кулька, что в прошлый раз держал в руках Дамиан.

Я уселась на стул, где он сидел в прошлый раз, и забросила один в рот.

Хрусь, хрусь, хру...

Я прекратила, когда он вошел в комнату.

Дамиан выглядел так, будто принял душ. Его волосы были зализаны назад, он переоделся в серые штаны и белую футболку. Его глаза сузились, когда он увидел меня.

— У меня смертельная аллергия на арахис, и я только что съела целую кучу, — сказала я. — Если мне не оказать необходимую помощь, я умру.

Он мельком глянул на меня перед тем, как открыть один из шкафов, в которые я не заглядывала.

Да! Возможно у него там спутниковый телефон, или рация, или чем там с лодки общаются.

Он вытащил баночку и сел на кровать. Открутив крышку начал увлажнять ноги.

Он, блядь, увлажнял свои ноги.

— Ты слышал меня? — взвизгнула я. — Я могу умереть, — и я начала глубоко дышать.

Он занимался своими делами, сначала одна нога, потом вторая, будто это была самая

важная вещь в мире. Потом он надел носки и закрыл баночку.

— Тогда умирай.

Я, блядь, ненавидела его. Он не хотел денег. Он не хотел секса. Ему было все равно, жива я или мертва. Он не сказал, куда мы направляемся. Он не сказал, почему. И теперь он обнаружил мой блеф.

— Что ты хочешь? — закричала я.

Я пожалела об этом в ту же минуту. Он двинулся быстро. Молниеносно. Раньше, чем я смогла извиниться, он заткнул мне рот, связал руки и привязал к спинке кровати.

Потом он выключил свет и лег в кровать.

Эта сволочь даже не запыхалась.

Я не знала, что было хуже — мои руки, вытянутые до боли за головой, трещины в уголках губ, из которых на кляп текла кровь, или знание того, что так и должно было быть. Одна комната, одна кровать, мой похититель спит рядом со мной, ночь за ночью.

Пробуждение было резким и тяжелым. Дамиан ушел, но я все еще была привязана к кровати. Через некоторое время он вернулся. Я почувствовала облегчение, когда увидела его стоящим рядом со знакомым подносом в руках.

Однажды я ходила на духовный семинар, который научил меня видеть события, не пытаясь анализировать, искать причины или раздумывать о том, когда, почему, или как. В действительности, это был повод потусоваться с девчонками, сходить на аюрведический массаж и посплетничать за стаканом овощного сока. *(Примеч. Аюрведический массаж пришел к нам из древнеиндийской медицины. Он основан на глубокой работе с мягкими тканями (кожей, подкожной клетчаткой, мышцами и внутренними органами). Аюрведа (на санскрите «аюр») означает «жизнь», а «веда» — «наука»). В настоящее время аюрведа распространилась далеко за пределы Древней Индии, а в 1985 году была признана ВОЗ самой эффективной системой нетрадиционной медицины. Для аюрведы характерен целостный подход к здоровью, как всестороннему равновесию. Основной акцент делается именно на «здоровье», а не на «болезни»).* Друзья были и сплыли, но это расплата за то, что вы носите брендовую одежду и посещаете стильные места. Все меняется и перемещается. А после МаМаЛу и Эстебана я почти закрылась от всех. Очень долго были только я и мой папа. Ник был моим шансом, и тот факт, что он ладил с моим отцом, был одной из главных причин того, что он продержался дольше моих остальных парней. Я была рада, что мои мужчины поладили. Я представила, как они вдвоем избивают Дамиана, и это сделало меня счастливой. Мне все меньше и меньше хотелось признавать мою собственную реакцию на Дамиана. Я начала ассоциировать его с едой, туалетом и освобождением от боли и оков.

Завтрак был похож на какую-то грязную слизь. У меня было чувство, что сначала это была овсянка, но он добавил белковый порошок или яичный белок, или что-то еще столь же противное. Он мог бы бросить туда печень или лук, но я бы все равно съела все до крошки. Казалось, руки готовы отвалиться после того, как были связаны все ночь, но я заработала металлическую ложку. И там было яблоко. И вода.

Я подняла голову и обнаружила, что Дамиан наблюдает за мной. В его глазах мелькнула странная тень, но он моргнул, и она исчезла. Когда я закончила, он позволил мне пройти в ванную. Дал мне расческу и зубную щетку. Положение дел начинает улучшаться.

Я не трогала волосы. Я пыталась не смотреть на себя. Дамиан наблюдал все время за мной. Я последовала за ним как хорошая девочка и позволила ему запереть меня. Я даже улыбнулась, когда он закрыл дверь за собой.

Потом я упала на кровать и глубоко вдохнула. Эта неопределенность убивает меня. Я уже приготовилась к другой болезненной встрече, еще одному раунду унижения и издевательств, прежде чем заработаю следующую привилегию. Я готова была бороться за эту возможность со всей силой и напряжением, скопившимся в плечах и шее. Но Дамиан теперь был непредсказуемым, и это было еще хуже, чем его поведение мудака, потому что теперь я была в состоянии боевой готовности, опасаясь того, что может произойти, и пугаясь, когда этого не происходило.

Как мы убьем его, Эстебан? Я закрыла глаза и вспомнила, как мы вдвоем сидели у меня в комнате. Мне было восемь, на четыре года меньше, чем ему, но я была главным

Он хорошо обдумал мой вопрос, прежде чем ответить. Мне нравилось, как он накручивал на палец свои волосы, когда о чем-то серьезно размышлял. Волосы у него были длинные и темные, и когда он отпускал их, прядь волос превращалась в локон. МаМаЛу всегда бегала за ним, чтобы остричь их. Однажды ей это удалось, и ему некуда было спрятать свое лицо, когда он вернулся домой.

— Я не думаю, что его нужно убить, — сказал он. — Просто преподадим ему хороший урок.

Гидеон Бенедикт Сент-Джон (произносится как Син Джин) или Гидиот, как мы с Эстебаном его называли, был мой проклятием. Ему было десять, но он весил больше, чем мы оба вместе взятые, и когда он ущипнул меня, то оставил огромные голубые синяки на бедрах.

— Эстебан? — я притворно улыбнулась в зеркало, — ты сделаешь зуб для меня?

Он растянулся на моей кровати, складывая и разгибая листочек бумаги, пытаясь сообразить, как сделать из него жирафика.

— Ты хочешь бумажный зуб, чтобы скрыть дырку между зубов?

Я кивнула и вернулась обратно к зеркалу.

— Он просто найдет другой способ, чтобы издеваться над тобой, güerita. — Эстебан называл меня güerita. Блондиночка. — И как он будет держаться?

— Сделай его из картона, и я прикреплю его вот сюда, — я открыла рот и указала на место, которое выбрала.

Мы оба подпрыгнули, когда открылась дверь, и МаМаЛу зашла в комнату.

— Эстебан! Ты должен быть в школе!

— Уже иду! — взвыл он, когда она шлепнула его.

МаМаЛу била Эстебана часто, но она шлепала его, словно убила муху, без раздражения и недовольства. Эстебан часто получал, потому что часто плохо себя вел. Он положил недоделанного жирафика на подоконник, вылез из окна и скользнул по дереву вниз. МаМаЛу отодвинула створку и стала наблюдать, как он бежит между деревьями.

— Сколько раз я тебе говорила, чтобы ты не впускала его? Если сеньор Седжвик узнает...

— Он не узнает, — сказала я.

— Это неважно, *cielito lindo*. — она взяла расческу и начала меня расчесывать. — Ты и Эстебан... — она покачала головой, — вы однажды навлечете на меня беду.

— Ты можешь мне сделать такую же прическу, как у себя? — спросила я.

У МаМаЛу были густые темные волосы, которые она заплетала и скручивала в корзиночку. Я хотела залезть в эту U у нее на затылке, потому что это выглядело как гамак.

— Такое носят только старые дамы, — ответила она, но сделала две косички с разных сторон и переплела их сзади, оставив остальную часть моих светлых волос свободно

падать.

— Такая красавица, — сказала она. Затем вытащила маленький красный цветочек из своих волос и прикрепила к моим.

— Гидиот сказал, что я ведьма, потому что у всех ведьм дырки между зубами.

— Он Гидеон, — поправила она. — Когда Бог делал тебя, он оставил это пространство между твоих зубов, чтобы настоящая любовь могла проскользнуть сквозь нее, когда найдет тебя.

У МаМаЛу была куча историй и сказок для каждой ситуации.

— Как тогда, когда папа Эстебана отдал тебе свое сердце? У тебя нет дырки между зубов.

Отец Эстебана был отличным рыбаком. Он умер в море, когда МаМаЛу была беременна, но она рассказывала нам о его приключениях — про магию, монстров и русалок в море.

— Ну, тогда, значит, у меня никогда не было его сердца, — она улыбнулась и щелкнула меня по носу. — Беги вниз. Мисс Эдмондс уже здесь.

— Гидиот тоже здесь?

МаМаЛу ничего не ответила.

Я схватила школьную сумку и спустилась вниз. Все уже собрались за обеденным столом. Одно место осталось возле Гидиота, потому что никто не хотел сидеть рядом с ним.

— Хорошо. Все собрались. Готовы начать? — спросила мисс Эдмондс.

Гидиот наступил мне на ногу под столом. Я поморщилась и открыла тетрадь.

— Все хорошо, Скай? — спросила мисс Эдмондс.

Я кивнула и слабо улыбнулась ей. Я не была ябедой и знала, что застряла здесь еще на один долгий вечер.

Три раза в неделю мисс Эдмондс приезжала из города в Каса Палома. Моя мать получила Каса Палома в качестве свадебного подарка от своего отца. Это был щедрый, вдохновленный Испанией кусочек земли на окраине рыбацкого городка под названием Пазадель-Мар. В Пазадель-Мар была маленькая школа, куда местные отправляли своих детей. Однако богачи, предпочитали private уроки для своих детей, и вот мы собирались у нас в доме — самом большом в округе.

Мы изучали эрозию почвы, оползни и землетрясения, когда Гидиот дернул мою косичку так сильно, что маленький красный цветочек МаМаЛу упал. Я моргнула пару раз, отказываясь плакать, и сфокусировалась на диаграммах в моей книжке. Я мечтала, чтобы Гидиот упал в одну из трещин разлома, прямо в расплавленное ядро Земли.

— Ой! — визгнул Гидиот, потирая ногу.

— Что случилось? — спросила мисс Эдмондс.

— Кажется, что-то укусило меня.

Мисс Эдмондс кивнула, и мы продолжили. Жуки были везде. Что тут поделать.

— Ой! — Гидиот подпрыгнул. — Клянусь, под столом что-то есть.

Мисс Эдмондс быстро осмотрелась.

— Кто-то еще что-то почувствовал?

Мы покачали головами.

Мой взгляд упал на большую антикварную клетку позади мисс Эдмондс. По бокам были две филенчатые двери с решетчатыми вставками. Решетки были чисто декором, но мы с

Эстебаном однажды обнаружили, что они были отличным потайным местом, чтобы там прятаться.

Я улыбнулась, зная, что Эстебан уже ушел из сада. Он ненавидел школу, поэтому прятался в клетке, когда приходила мисс Эдмондс. Поэтому он знал, что ответить МаМаЛу о том, что они изучают в школе.

Эстебан высунул свои пальцы и помахал ими мне. Он просунул между решеткой соломку или одно из своих бумажных творений. В следующую секунду Гидиот прыгал вокруг стола на одной ноге, массируя икру.

— Ай, ай, ай, ай!

— Гидеон! — Мисс Эдмондс не обрадовалась. — Ты мешаешь нам. Подожди снаружи, пока мы закончим наш сегодняшний урок.

Я подняла апельсиновую косточку с пола, когда Гидеон ушел. Под столом было еще несколько. Эстебан стрелял косточками в него сквозь решетку. Я заметила маленькие красные следы на ногах Гидиота, когда он покидал комнату. Эстебан показал мне два больших пальца вверх из своего укрытия.

Я засмеялась при мысли о его кривом пальце, торчащем из этого деревянного шкафа. Я еще смеялась, когда услышала звук открывающейся двери.

Дамиан вернулся. И в этот раз с ним не было подноса.

— За хорошее поведение ты заработала немного времени, чтобы прогуляться, — сказал он.

Я кивнула и вышла за ним следом.

Я проводила все время в комнате, но теперь мы стояли в U-образном помещении, которое служило кухней. Она была сделана из красного дерева и тика, часть столешниц была консолью для барных стульев. Здесь была раковина, холодильник, плита на две горелки и микроволновка. Все выдвижные ящики были закрыты, но на столе лежала разделочная доска, немного картофеля и большой мясной нож на столешнице.

— Нужно почистить и нарезать это, — сказал Дамиан.

Он собирался дать мне в руки нож? У него стальные яйца.

— Конечно, — я уже представляла, как мне это нарезать.

Я начала мыть картофель, но вынуждена была ухватиться за раковину на секунду. Голова все еще болела и ноги были еще слабы. Мои глаза были еще закрыты, когда Дамиан схватил меня за левую руку, положил ладонью вниз на разделочную доску и БАХ!

Он отрезал кончик моего мизинца, отрезал верхнюю треть — ноготь, кость — и сдвинул ножом, будто это была морковь для салата. Боль появилась спустя пару секунд, когда кровь брызнула из раны.

Я закричала в агонии от ужаса при виде своего пальца, лежащего здесь, бледного и безжизненного, словно пластиковый хеллоуинский реквизит. Я закрыла глаза и закричала громче, когда Дамиан сдавил палец, останавливая кровотечение. Я врезалась во что-то твердое и крепкое, и заскользила вниз, пока не оказалась на полу.

Я попыталась схватить свой палец, но Дамиан забрал его. Он держал его, обертывая, и хрен знает что он там с ним делал, и все что я могла делать — это только кричать, кричать, и кричать. Я кричала, пока рыдания не утикли, и я свернулась в клубок. Я кричала, пока слезы не кончились и мои рыдания не перешли в мягкие беззвучные всхлипы.

Открыв глаза, я увидела, что Дамиан держит телефон возле меня.

— Ты понял это? — сказал он человеку на другом конце линии. — Хорошо.

Он отошел к другой стороне кухонной тумбы.

— Отправь эту запись Уоррену Седжвику. Скажи ему, что она так вопила, когда я разделявал ее тело на кусочки.

Он поднял мой мертвый палец, положил в пакетик на молнии и кинул в морозилку.

— И скажи, пусть ожидает по почте сувенир. Это единственная ее часть, которую он получит, потому что остальные разбросаны черт знает где.

Я могла слышать слабый звук другого голоса на линии.

— Я знаю, я делал это раньше. — Дамиан был раздражен. — В этот раз все по-другому. Блядь, я оторопел! Она начал молиться, когда я собрался нажать на курок. Она, блядь, молилась, — он стукнул кулаком по столешнице, нож громко звякнул.

— Я облажался, Рафаэль, — продолжил он. — Я хотел, чтобы он был в морге, опознавал мертвое тело своей дочери на ее день рождения. Я знаю. Я кое-что выяснил, — он помолчал и запустил пальцы в волосы. — Мне все равно. Он может нанять всех этих хреновых охотников за головами. Я просто хочу, чтобы он *почувствовал* это. Я хочу, чтобы он *страдал*. И чтобы он, наконец, понял, что его дочь *мертва*, — он повернулся и взглянул на меня. — И кто знает, может, чрез двадцать один день так и будет.

Он завершил разговор и вытер кровь с ножа. Затем налил стакан апельсинового сока, приподнял мою голову и поднес его к моим губам.

Я пригубила его медленно, потому что зубы стучали. Я была горячей, холодной, потной и у меня кружилась голова, а еще кровь капала с тумбочки и растекалась по полу.

— Почему ты просто не убьешь меня? — спросила я, когда закончила пить.

Это не просто похищение. Это убийство-превратившееся-в-похищение. Это был гребаный момент слабости. Это была личная, целенаправленная атака на моего отца.

— Что случится через двадцать один день?

Дамиан не ответил. Он закончил убирать беспорядок на кухне, потом изучил мой палец. Кровь немного проступала сквозь повязку, в ране пульсировала дикая боль, но он казался довольным.

Он оставил меня на полу, прислонив к шкафчику, и начал нарезать картошку.

— Мясное ассорти и картофельный салат на обед?

Дамиан чувствовал, что во мне что-то сломалось, ну или ощущал смутное чувство раскаяния за то, что сделал. В чем бы ни было дело, он больше не связывал меня по ночам, хотя все еще закрывал дверь и держал ключ при себе, когда мы спали. Когда я просыпалась, дверь всегда была открыта. Он оставлял мне еду на том же месте, где отрезал мой палец, и хотя ножа нигде не было видно, боязнь его глубоко засела в моем сознании.

Я свободно могла передвигаться по яхте, но предпочитала свернуться калачиком на диванчике напротив кухни. Дамиан большую часть времени проводил наверху, у руля. Два человека, вынужденные находиться близко друг с другом день за днем, могут свободно общаться, не произнося ни слова. Он напоминал мне о боли, темноте и моем разрубленном надвое пальце. Я, наверное, напоминала ему о неудавшейся мести и монстре внутри него, потому что мы оба избегали друг друга, кроме того периода времени, когда мы ели или спали.

Я не спрашивала его о том, что сделал мой отец. За что бы, по мнению Дамиана, он ни был в ответе — это все ложь или ошибка. Уоррен Седжвик был самым добрым, самым щедрым человеком в мире. Он использовал свои связи в гостиничном бизнесе, чтобы строить плотины, скважины и водяные насосы для людей, в самых отдаленных регионах мира, в местах, на которые остальным было наплевать. Он обеспечивал микрозаймы, финансировал школы, продовольственные фонды, больницы. Он выступал против несправедливости, всегда относился к сотрудникам с уважением и достоинством, и он всегда, всегда пек своей дочери блинчики на завтрак в воскресенье.

Когда я и мой отец только прибыли в Сан-Диего, это были блинчики в форме Микки Мауса с сахарной пудрой и сиропом. Потом они превратились в сердечки и всякие штучки для принцесс. И, хотя я уже была взрослой девочкой, он не позволял мне забыть о детстве и все еще придерживался этой традиции. Недавно он начал делать карикатуры моей обуви и сумочек, большие бесформенные сгустки теста, и настаивал, чтобы я осмотрела их со всех сторон и оценила. Начинка менялась по моему вкусу — бананы с «Нутеллой», свежие ягоды с коричневым сахаром и корицей, шоколадная крошка с апельсиновой цедрой. Мой отец имел сверхъестественную способность заглядывать мне в мысли, отыскивать мои желания и воплощать их в реальность. Я думала о лимонном твороге с сыром маскарпоне не потому, что я хотела его, а потому, что он просто смог это почувствовать — мое желание в этот день — так он узнал бы, что я жива.

Большинство ушибов уже заживало, но мой палец все еще был красным, напоминая мне о том, что часть меня, запечатанная в пластиковый пакет, хранилась в морозилке. Я сняла свои акриловые ногти, откусывая и дергая, пока не добралась до ногтевого ложа. Девять ногтевых пластин вместо десяти, все потрескавшиеся, ребристые, и все покрыты гадким, белым слоем. Я подумала, что это хорошее прощание с павшим товарищем. Салют девяти пальцев.

Я скучала по тяжести мамино ожерелья на шее. Скучала по своему мизинцу. Скучала по волосам. Я чувствовала, как все, что удерживало мою силу, медленно рассыпалось, падалось на части, кусок за куском. Я исчезала, раскалывалась как скалы, которые съедает море.

Я впервые вышла на палубу с того дня, когда Дамиан затащил меня сюда, когда он выкинул мой кулон в воду. Мы находились на средних размеров яхте, достаточно крепкой для того, чтобы ходить в открытом море, но достаточно неприметной, если нужно скрыться. Дамиан поставил ее на автопилот и сидел на палубе в шезлонге — рыбачил. Все, что он поймает, будет нашим ужином.

Я чувствовала на себе его взгляд, когда подошла к перилам. Яхта разрезала воду на две темных полосы. Я задалась вопросом, как глубоко здесь и как сильно я буду сопротивляться, если мои легкие наполнятся водой. Я думала о том, чтобы опуститься на дно одним славным кусочком вместо того, чтобы разрываться на части постепенно, кусок за куском.

Прости меня, папочка!

Я украдкой глянула на Дамиана. Он замер — почти застыл — как будто знал, что происходит у меня в голове. Я узнавала его позу. Все мускулы натянутые, спружиненные, жесткие и напряженные — прямо как тогда, когда он из мести оттяпал кусочек моей плоти. Я чувствовала это тогда, чувствую это и сейчас.

Ублюдок. Он не позволит мне сделать это. Он оказался бы возле меня, стоило бы мне сделать шаг в сторону. Он владел мной. Он владел моей судьбой — моей жизнью, моей смертью. Не было нужды в словах — все было написано в его глазах. Он вынуждал меня отойти от края. И я подчинилась.

Я не могла перестать рыдать, поэтому я плакала и плакала.

Я плакала так, когда Гидеон Бенедикт Сент-Джон порвал застежку на моем ожерелье и оставил след на моей шее.

Эстебан нашел меня. Он был готов надрать Гидиоту задницу.

— Ты не посмеешь, — я заставила его пообещать, — Ты знаешь, что случится, если ты еще раз попадешь в неприятности.

— Мне все равно, — он убрал волосы со лба. Это значило, что все серьезно.

— Пожалуйста, Эстебан. МаМаЛу отправит тебя далеко, и я никогда тебя больше не увижу.

— МаМаЛу блефует.

Эстебан называл свою маму МаМаЛу. Он всегда называл ее МаМаЛу. Она была его мамой, но ее имя было Мария Луиза, но когда-то он начал впервые лепетать «МаМаЛу», и прозвище прицелилось. Теперь все называли ее МаМаЛу, все, кроме Виктора Мадера, он работал на моего отца. Он называл ее полным именем, и МаМаЛу не любила это. Или его.

— МаМаЛу сказала, что если ты еще раз ее не слушаешь, она отправит тебя к твоему дяде.

— Ха! — Эстебан засмеялся. — Она и дня без меня не выдержит.

Это была правда. МаМаЛу и Эстебан были неразделимой, сильно любящей, и быстро борющейся частью моей жизни. Я не могла представить одного без другого. Они спали в отдельном, удаленном от главного дома небольшом подсобном крыле, но я могла слышать их по ночам — например, когда Эстебан уходил днем и не возвращался до глубокой ночи.

Это был первый год, когда в деревне открыли кинотеатр. Там показывали «Хороший, плохой, злой», и Эстебан остался, на целых четыре просмотра. МаМаЛу устроила ему хороший нагоняй.

— Эстебандидо! — кричала она, когда он, наконец, появился. МаМаЛу погналась за ним с метлой.

Эстебан знал, что он в большой беде, когда она зовет его так. Я слышала его визг в своей комнате. На следующий день он явился как Блонди, герой Клинта Иствуда из фильма, надев шаль МаМаЛу — смотря на всех свысока и пожжевывая деревянную палочку.

На следующий год Эстебан посмотрел «Выход дракона» и решил, что он Брюс Ли.

— Что ты делаешь, Скай? — спросил он.

— Я даю сдачи и бью сильно, — я повторила фразу, которую он заставлял меня повторять, снова и снова, — цитату из фильма.

— Готова? — спросил он. — На счет пять.

5, 4, 3, 2, 1...

Я пыталась освободиться от его захвата. Я схватила его руки обеими руками и сделала то движение, которому он меня учил — подсесть его ногу своей и сделать резкий разворот на 180 градусов перед тем, как перекинуть его через себя.

Мы закончили на траве, куча конечностей и острых локтей. Я засмеялась. Эстебан не думал, что из меня выйдет хороший ученик боевого искусства.

— Тебе нужна практика. И дисциплина. Как ты сможешь одолеть Гидиота, если даже не можешь справиться со мной?

И мы практиковались. Каждый день Эстебан превращался в Эстебандидо, хоть он и не любил играть плохого парня.

— Только ради практики, — сказал он, — Только ради тебя, güerita. Тебе нравится это? Уууу-яяя! Готова? На счет пять.

5, 4, 3, 2, 1...

— Нет, нет, нет, — он замотал головой. — Тебе нужно издавать звук.

— Ууу-ааа!

— Нет, Скай. Как кошечка. Ууу-яя! Пару раз мне удалось уложить Эстебана на спину, и его глаза сияли восторгом.

— Ты не так уж и плоха для девчонки, — сказал он.

Мы лежали в тени дерева, глядя на небо. Ветви дерева были усыпаны гроздьями нежных цветов, словно желтые кружева спадали вниз с коричневых рук.

— Я принесу тебе пирог завтра, — сказала я.

Он кивнул и убрал волосы со лба.

— Надери ему задницу, если он что-то учудит, ладно?

Я сжала его пальцы и улыбнулась.

Эстебана не позвали на вечеринку по случаю моего дня рождения, а Гидиота позвали. Как и всех остальных детей, которые учились вместе со мной у мисс Эдмондс. Там был волшебник, клоун, грузовик с мороженым и пиньяты. Серебристые и розовые шарики были по всему саду. Я задула девять свечей, пока мой отец сходил с ума со своей камерой.

— Подожди. Не получилось. МаМаЛу, можешь зажечь свечи снова? Скай, помедленней в этот раз, — сказал он.

Эстебан примостился на лестнице и чистил окна. Каждый раз, когда я смотрела на него, он ухмылялся. Он видел, что я спрятала под стол большой кусок пирога. На нем было

три землянички. Земляника — это любимая ягода Эстебана, но ему редко удавалось ее пробовать. Пирог был нашей тайной, и это заставляло меня чувствовать, что он тоже часть моего торжества. К тому времени как мы закончили с играми и опустошили все мешки, розовая глазурь на кусочке торта для Эстебана начала таять, поэтому я решила улизнуть и отдать его ему.

— Куда ты идешь, Скай?

Гидиот наступил на меня.

Мы стояли возле дома, в одной руке у меня был торт, а в другой — стакан с лимонадом.

— Пропусти меня, — сказал я, когда он загородил мне путь.

— Ты собираешься съесть это все? — спросил он.

— Тебе то что?

— У Скай дыра в зубах, еще одна в кишках, как у свиньи живот, без мамочки живет! — он дернул меня назад, когда я прошла мимо, и торт оказался на траве.

Я выплеснула ему лимонад в лицо. Это довело его до бешенства. Он схватил меня за талию, поднял над землей и затряс как тряпичную куклу.

— Скай! — Эстебан оказался возле нас. Пот стекал с его лица из-за того, что он долго был на солнце. — На счет пять.

В наших головах мы начали отсчет: 5, 4, 3, 2, 1...

Я ударила Гидиота в колено. Он согнулся пополам. И этого было достаточно для Эстебана, чтобы заставить его врасплох.

— Ууу-яаяя! — кулак Эстебана столкнулся с его лицом.

Гидиот отпустил меня и отшатнулся. Он поднес руку ко рту и выплюнул зуб. Гидеон Бенедикт Сент-Джон выглядел как щербатая старушка с розовыми деснами. Затем он издал вопль, который услышала вся Каса Палома.

— Не можешь брать — не давай, — сказал Эстебан.

Я была уверена, что здесь какая-то ошибка в переводе фильма. Но это неважно. Эстебану не было времени вдаваться в подробности. Виктор Мадера нашел нас. Он оценил ситуацию и схватил Эстебана за воротник.

— Ты, маленький сопляк!

Эстебан вертелся и крутился в хватке Виктора, когда тот оттащил его прочь.

— Тронешь ее еще раз и отправишься в ад, — сказал он Гидеону. Он говорил цитатами из фильмов. И если бы я не так сильно переживала за него, я бы рассмеялась. Начали собираться взрослые, все они суетились над Гидиотом. Они топтались по землянике Эстебана.

Это было несправедливо!

Я погналась за Виктором и Эстебаном, но их нигде не было видно. Я сдалась и поплелась в свою комнату. Эстебан был здесь раньше, наверное, до начала вечеринки. И он оставил мне подарок на кровати. Идеальный бумажный жирафик.

Я взяла жирафика и подивилась его ловкости. Когда Эстебан был маленьким, у него было не много игрушек, поэтому МаМаЛу научила его оригами. У него не было возможности покупать мне необычные подарки, поэтому он создавал целые миры из бумаги — магические, дивные животные, которых мы видели только в книгах, или о которых знали из историй МаМаЛу: драконы, львы, верблюды, и что-то похожее на кенгуру, но с рогом, торчащий из его носа.

Кенгуцерос?

— Скай, — мой отец постучал в комнату, — не хочешь рассказать, что случилось с Гидеоном?

— Не очень, — я взяла жирафика и вытянула вверх его шею.

— Это от Эстебана?

Я не ответила.

— Дай мне посмотреть, — он забрал его у меня и изучил тисненную золотом каллиграфию на бумаге.

— Красиво, правда? — спросила я.

— Да, это так. А также это бумага из редкой книги, которая пропала из моей коллекции. Я знаю, что ты дружишь с ним, но только что он выбил зуб Гидеону, а теперь еще и забрал книгу из моей библиотеки? Это воровство, Скай.

— Он ничего не брал! Я дала это ему.

— Действительно? — мой папа поставил жирафика обратно. — Тогда ты должна знать, какого цвета обложка.

Он посмотрел на меня выжидающе.

— Пап... — я была готова расплакаться, разрываясь между отцом и другом. — Эстебан, вероятно, подумал, что это обычная старая пыльная книга, по которой никто не будет скучать. Я знаю, что он никогда бы не забрал это. Он просто одолжил ее, потому что любит делать мне фигурки из красивой бумаги.

Мой отец замолчал на некоторое время.

— Ты так похожа на свою мать, — он провел большим пальцем по медальону, который я надела. — Она также часто водила меня за нос.

— Расскажи мне, как вы познакомились.

— Опять?

— Опять.

Он засмеялся.

— Нуу, я только закончил колледж, у меня не было ни копейки в кармане, но я хотел увидеть мир и оказался в Каборасе с парочкой приятелей. В нашу последнюю ночь, мы попали на свадьбу, и там была Адриана Нина Торрес, самая красивая девушка в мире. Я сказал ей, что я успешный предприниматель и друг жениха. Она позвала охрану, и меня продержали под замком за то, что я выдал себя за гостя на свадьбе ее брата. Я понял, что это была любовь с первого взгляда, когда она пришла на следующее утро, чтобы спасти меня.

— Хотела бы я узнать ее, — я никогда не уставала от этой истории, от того, как он проявил себя, чтобы завоевать ее семью.

— Ты была самой главной ценностью ее жизни, Скай. Я не смог защитить ее, но с тобой, обещаю, все будет иначе. Я почти у цели. Еще чуть-чуть и мы будем свободны.

Я не знала, что он имел в виду, но знала, что он скучал по маме и любил меня, хоть и почти всегда был в отъездах.

— Сеньор Седжвик, — Виктор Мадера прервал нас, стоя у двери. — Родители Гидеона Сент-Джона внизу. Они требуют, чтобы с Эстебаном разобрались.

— Пап, — я потянула отца за руку. — Пожалуйста, не говори МаМаЛу об этом... — я махнула рукой в сторону жирафика. Я не хотела давать Виктору еще больше поводов, чем у него были. Казалось, он наслаждался, мучая Эстебана. — Она сказала, что отошлет его.

— Я хочу, чтобы книга вернулась назад, немедленно, — мой отец бросил на меня предупреждающий взгляд. — И никаких больше «заимствований».

Он взял меня за руку, и мы спустились вниз, где были Гидиот и его родители. Они неподвижно сидели на диване, а МаМаЛу и Эстебан стояли позади. Несмотря на все угрозы, МаМаЛу всегда яростно защищала Эстебана, когда дело доходило до этого, но она знала свое место и знала пределы своей свободы действий.

— Я соглашусь на любое наказание, которое сеньор Седжвик выберет для моего сына. Она высоко держала голову.

Мистер и миссис Сент-Джон повернулись к моему отцу, в то время как Гидиот ухмыльнулся в нашу с Эстебаном сторону.

— Извините, — сказал мой отец — его телефон зазвонил. — Мне нужно ответить.

Он говорил несколько минут, а потом завершил звонок.

— Мне жаль, случилось кое-что срочное, но я могу заверить вас, что нужные меры будут приняты.

Он позволил Сент-Джонам немного поворчать, провожая их.

— Присмотри за этим, Виктор, — он указал на Эстебана после того, как они ушли.

Виктор улыбнулся МаМаЛу, но она не улыбнулась в ответ. Я не думала, что она обрадовалась, узнав, что Виктор накажет Эстебана.

— И еще, — сказал отец, вернувшись, прежде чем она успела что-либо сказать. — Скажи мисс Эдмондс, пусть готовится принять нового ученика со следующей недели. Я хочу, чтобы Эстебан присоединился к остальным.

Челюсть МаМаЛу дрогнула.

— Спасибо вам, сеньор Седжвик. Спасибо вам огромное.

— Надеюсь, что книга будет возвращена, молодой человек, — сказал мой отец Эстебану. — И надеюсь, ты будешь учиться и держаться подальше от неприятностей.

Я знала, что он предпринял это, чтобы МаМаЛу не отослала Эстебана.

— Да, сэр. Я буду, — Эстебан улыбнулся так широко, что я подумала, его лицо порвется.

— С днем рождения, Скай, — отец подмигнул мне перед тем, как выйти. В этот момент мой мир был совершенным. Я была так счастлива, что даже не обратила внимания на Эстебана, которого Виктор увел за собой — наказывать.

МаМаЛу осталась со мной. Мы открыли остальные подарки, и она охала и ахала над каждым из этих экстравагантных подарков. Последним мы убрали жирафика Эстебана, поставили с другими его творениями, ведь она знала, что он мне нравится больше всего.

Уже почти стемнело, когда МаМаЛу открыла окно и вздохнула. Я проследила за ее взглядом и увидела Эстебана на четвереньках в саду, подрезавшего траву... ножницами. Это был сад позади дома, с колючими маками и сорняками. Эстебан морщился на каждом шагу. Его ладони и колени были влажными, а его футболка прижималась к телу от пота и усилий. Я знала, что МаМаЛу хотелось обматерить Виктора, но она прикусила язык. Она расчесала мне волосы и уложила спать.

— Ты собираешься рассказать мне историю сегодня, МаМаЛу? — спросила я. Она забралась на кровать вместе со мной и обняла меня.

Когда Эстебан закончил, он залез через окно и слушал. Эту сказку мы никогда не слышали прежде — про волшебного лебедя, слывшего украшением земель Каса Палома. Если ты случайно, мельком увидишь его, тебе откроются небывалые сокровища. МаМаЛу

говорила нам, что лебедь прячется в саду, но иногда, в полнолуние, он любит поплавать в маленьком пруду, возле дерева с желтыми цветами.

Эстебан улыбнулся мне. Он шевелил своими пальцами, потому что они онемели от долгой работы ножницами. Я улыбнулась в ответ. Каса Палома означает Дом Голубей. Если верить МаМаЛу, теперь это дом лебедя. Мы знали, что здесь нет никаких волшебных лебедей, но нам нравилось слушать ее истории.

— Спой нам колыбельную, — сказала я, когда она закончила рассказывать.

Эстебан подошел ближе и опустился на колени у кровати. МаМаЛу отвернулась от него. Она все еще злилась на него за то, что он ударил Гидиота, но позволила ему положить голову ей на колени.

С горы Сьерра-Морена,
Они спускаются, моя милая...

Это была колыбельная для Эстебана с тех времен, когда он был ребенком, но я была их *cielito lindo* — маленьким кусочком неба. Я подвинулась ближе, когда она запела о птичках, покидающих свои гнезда, стрелах и ранах. Эстебан и я лежали по обеим сторонам от МаМаЛу. Мы не двигались, когда она закончила, потому что нам было мягко и тихо, и мы хотели остаться там навсегда.

— Пойдем, Эстебан, — сказала МаМаЛу. — Время говорить спокойной ночи.

— Подожди, — я еще не была готова лечь спать. Это был самый лучший день рождения, ну, если бы не наказание Эстебана. Завтра он пойдет со мной на занятия, и ему больше не нужно прятаться в клетке. — Я еще не помолилась.

Мы закрыли глаза и взялись за руки, образовав круг.

— Дорогой Господь, благослови мою душу. И присматривай за папочкой. И за МаМаЛу с Эстебаном, — мой голос взорвался от смеха, потому что Эстебан открыл глаза и заметил, что я тоже подсматриваю. МаМаЛу открыла глаза и дала нам обоим по подзатыльнику.

Это была молитва, что спасла меня. Или обрекла на страдания. Я еще не решила.

Дамиан вернулся к поплаву, абсолютно уверенный, что я не сотворю какой-нибудь глупости, например, не утоплюсь. Его взгляд сфокусировался на какой-то невидимой точке на горизонте.

Я взглянула через перила и проследила взглядом за чайками, как они поймали поток воздуха и приземлились на берег.

Берег.

Я моргнула.

Впервые за эти несколько дней, я могла видеть землю. Мы не шли напрямую к ней, мы шли параллельно, но я могла различить деревья, маленькие здания и блеск стекла.

Что ты собираешься делать, Скай?

Я возьму огнетушитель и вышибу ему мозги. Я медленно поднялась и начала двигаться в сторону блестящего красного цилиндра.

Дамиан сидел ко мне спиной, поэтому он не видел того что я собиралась сделать.

Я замахнулась на него и почувствовала странную дрожь при звуке удара металла об кость, когда огнетушитель врезался в его челюсть. СТУК. Его голова наклонилась в одну сторону, а удочка упала на пол. Я ударила его снова с другой стороны и сбила его со стула. Он перевернулся, скрутился, ноги прижаты к груди, а руки обнимают голову. Вот так вот, коз ел. Каково это, быть на другой стороне? Я была готова ударить его еще раз, когда он обмяк. Его руки упали, а выражения лица стало безразличным. Я ударила его несколько раз, разочарованная тем, что он не реагирует. Мои руки тряслись, внутри бесновался дикий зверь, чудовище, которое хотело бить, бить, и бить его огнетушителем, пока его лицо, глаза, нос, губы не превратятся в кровавый омлет. Я не хочу, чтобы он ушел так просто. Я хочу, чтобы он страдал. Я остановилась, понимая, что именно это, он и сказал моему отцу: Я хочу, чтобы он ощутил это. Хочу заставить его страдать.

Я попала в эту же ловушку, кормила того же монстра. Я превращалась в Дамиана, думая как он, действуя как он, становясь рабыней тех же темных и сильных эмоций. Это напугало меня до чертиков, потому что, даже зная это, я все еще держала огнетушитель высоко над головой, желая только одного — ударить им Дамиана, снова и снова. Возмездие порождает только большее желание мести, больше хаоса, тьмы. Месть похищает наш разум, бросает нас во тьму, калечит, и мы страдаем и страдаем, пока не избавимся от жутких присосок мести у нас на сердце.

Я глубоко вздохнула, чтобы успокоиться, и опустила огнетушитель. Когда мой разум прояснился, я обыскала Дамиана. Я знала, что у него есть телефон, но при себе его у Дамиана не оказалось. Я побежала к рубке и начала рыться там. Здесь был штурвал с панелью для электроники и управления приборами, здесь был стол, уголок для отдыха и развлекательный центр. Я открыла все ящики. Жареный арахис рассыпался по полу. Закуски, бумаги, карты, спасательные жилеты, фонарик. Но нет телефона. Я уставилась на один ящик, он был закрытым. Он должен быть здесь. Он должен.

— Не это ли ты ищешь? — Дамиан зашел в рубку, вытянув в мою сторону руку с ключами.

Черт.

Он не умер. Он просто вырубился, и я была слишком занята, чтобы заметить, что он пришел в себя. Он был словно десятиглавая гидра. Отрубишь одну голову, а на ее месте отрастает новая. Лучше бы я превратила его лицо в кровавый блин.

Я выбежала через другую дверь. Я была быстрее его. Он пошел следом, держась за голову. Я поднялась по лестнице на крышу рубки. Если бы только я смогла спустить с нее резиновую лодку, я бы добралась берега. Она была прикреплена к какому-то столбу и привязана веревками и крючками. Я начала дергать за один из крючков. Я уже наполовину сняла ее, когда увидела пальцы Дамиана на лестнице. Я потянула сильнее. Показалась макушка его головы. Он был почти здесь. Но даже если мне и удастся освободить лодку, прежде чем Дамиан поймает меня, был еще туго натянутый чехол, и я не имела понятия, как завести двигатель. Дамиан вскарабкался по лестнице. Времени не было. Я подбежала к краю крыши. Мы были ближе к тому куску земли на горизонте. Я была хорошим пловцом. Я могла бы сделать это. Я услышала топот ног Дамиана, когда он ступил на крышу, глубоко вдохнула и нырнула в воду. От соленой воды мой палец начал гореть огнем. Я вынырнула, хватая ртом

воздух. Дамиан смотрел на меня сверху вниз, зловещая тень на фоне белых облачков — неустойчивая зловещая тень. Он изо всех сил старался удержаться на ногах. Хорошо. Я хорошо его пригрела. Я сориентировалась на горизонт и поплыла к берегу. Вода была холодней, чем я ожидала, но она была спокойной, и адреналин бежал по моим венам каждый раз, когда я вздыхала. Я отплыла на приличное состояние, прежде чем оглянуться. Лодка оставалась там же где и была, и Дамиана нигде не было видно. Может быть, он понял, что лучше отпустить меня. Может быть, этого достаточно, чтобы мой отец действительно прочувствовал мою смерть, почувствовал это, испытал боль. Какая бы из этих причин не была верной, Дамиан решил не следовать за мной.

Я начала плыть. 3, 2, 1, вдох. 3, 2, 1, вдох. Я остановилась — казалось, будто прошла словно вечность, и посмотрела вверх. Я, кажется, вообще не приблизилась к берегу. Расстояния коварны в воде — то, что может казаться близким, на самом деле может занимать часы, чтобы добраться. Я скинула штаны и продолжила плыть и дышать, плыть и дышать. Когда боль в моем пальце начала затихать, я поняла, что мои конечности занемели. Я остановилась, чтобы перевести дыхание.

Лодку было все еще видно, и Дамиан вернулся к рыбалке. Ну-не-сука? Разве он не должен истекать кровью или спастись бегством? Мой отец вышибет из него дух.

Я проплыла еще несколько метров, прежде чем замереть на месте. Что-то было в воде, в нескольких метрах от меня. Оно всплыло на поверхность, и я увидела черный плавник. Он исчез, но я почувствовала, как этот темный силуэт накручивает круги вокруг меня.

Твою мать.

Неудивительно, что Дамиан не прыгнул за мной. Мы были в водах, которые кишели акулами, и я приманивала их повязкой, пропитанной кровью. Я в одиночку решила его дилемму по поводу того, что делать со мной. Час назад я хотела утопиться, но я действительно, действительно не хотела, не хотела быть разорванной на части морским чудовищем с конвейерной лентой острых блестящих зубов во рту.

— Дамиан, — я начала махать руками, — Дамиан!

Я не знала, почему звала его. Может быть, потому что это примитивный человеческий инстинкт — звать на помощь того, кто ближе всего. Может быть, потому что часть меня еще чувствовала, что где-то глубоко внутри Дамиана еще осталась человечность.

Я почувствовала, как что-то проплыло рядом с моей ногой, что-то холодное и твердое. Я, вероятно, не должна была двигаться или производить так много шума, но я не знала, как еще привлечь его внимание. Я сняла мою промокшую, кровавую повязку и бросила ее так далеко, насколько это возможно.

— Дамиан. Помоги! — закричала я.

Я увидела, как он встал и взгляделся в воду. Потом подошел к рубке и достал бинокль. Я судорожно ему помахала, когда он смотрел сквозь объектив. Какая-то хреновина сейчас кругами плавала вокруг меня, готовясь убить меня. Дамиан смотрел немного дольше. Потом он опустил бинокль и снова сел. Я видела, как он достает что-то из коробки для рыбалки.

Да. Пистолет. Снайперская винтовка. Долбанный гарпун.

Он достал что-то, я не могла разобрать что, и сунул в рот.

Я подавилась соленой водой.

Он смотрел на меня и ел арахис, будто это было время для попкорна и утренних представлений.

Я закашлялась и замолотила руками. Как мне в голову вообще могла прийти мысль, что

он придет мне на помощь? Что же, он не убил меня. И остановил меня на пути к самоубийству. Но он не возражал, чтобы я пошла этим путем. Горячую блондинку в фильмах про акул всегда раздирают на кусочки.

Я чувствовала колебания воды, когда акула подплыла ближе. Темная морда показалась на поверхности, и я закричала. Она исчезла и появилась снова. Я приготовилась встретиться с резким укусом острых зубов, но встретила лишь клюв. Я оказалось носом к носу с дельфином. Мое сердце все еще билось как сумасшедшее, когда он толкнул меня, как бы говоря: «Эй, приободришься».

Я позволила себе с хрипом выдохнуть, что, наверное, напугало его, потому что он отплыл прочь. Я видела его плавник и спину, они были длинные, тонкие и с острыми концами.

Это не акула, Скай. Это дельфин.

И, судя по его размеру, любопытный детеныш.

Он подплыл ко мне, показывая свое розовое брюшко, затем резко развернулся и уплыл. Я заметила еще одну фигуру в воде — крупнее, наверное, мама. Два дельфина обменялись пронзительным писком, прежде чем малыш вернулся ко мне. Он плавал со мной некоторое время, имитируя мои движения, плыл, когда я плыла, переворачивался, когда я переворачивалась. Затем он свистнул три раза, перед тем как взлететь над водой.

Я наблюдала, как мать и малыш исчезают. Я могла увидеть блики бинокля с яхты. Дамиан тоже наблюдал за этим. Он знал море и знал разницу между плавником акулы и дельфина, и позволил узнать ее мне.

Я плыла на спине, измученная, счастливая, испуганная и ободренная. Я думала, что умру, но все же никогда не ощущала себя такой живой. Я слышала звуки двигателя и знала, что Дамиан подплывает ко мне. Он заглушил двигатель в нескольких метрах от меня. Я с тоской взглянула на очертания суши на горизонте, но понимала, это глупо полагать, что я доберусь туда. Дамиан знал это тоже. Он просто склонился и ждал, когда я соберусь. И это сработало. Я не могла плыть дальше.

В следующий раз мне нужно лучше планировать свои действия.

Я поднялась по лестнице на яхту и шлепнулась животом вниз на палубу.

А Дамиан вернулся к рыбалке.

Когда я очнулась, то все еще лежала на палубе. На небе уже сияли звезды, и Дамиан укрыл меня покрывалом. Был конец мая или начало июня. Я потеряла счет дням, но знала, что мы направляемся на юг, куда-то вдоль тихоокеанского побережья Баха-Мехико.

Я родилась в Мексике, меня приняла акушерка в Каса Палома. Мексика была моим домом в течение девяти лет, но я никогда не возвращалась туда. Я подумала о том, как далеко мы были от Паза-дель-Мар, и о том, что МаМаЛу могла бы после выхода на пенсию уехать туда и купить беленький домик с красной черепицей — как тот, возле которого она всегда останавливалась в восхищении, когда шла на рынок. Я представила, что Эстебан мог бы поставить там красивый кованый забор и помочь ей посадить цветы в саду. Он был бы маленьким, конечно же, потому что МаМаЛу никогда даже и не мечтала о большом, и всегда чего-то опасалась, в то время как Эстебан смело рисковал. Даже тогда, когда он стал взрослым, и никто или ничто не посмело бы встать у него на пути. И если бы он узнал, что кто-то похитил меня, он нашел бы меня и спас, и Боже, храни тогда Дамиана.

Возможно, он уже знал. Может, он слышал новости. Может быть, он считал меня мертвой, как и мой отец. В любом случае, Эстебан не успокоился бы, пока не достал Дамиана. Он был моим героем, моим чемпионом, моим худощавым, коварным пинателем Гидиота. Я могла представить, как он в пиратской одежде и с фальшивой повязкой на глазу ведет корабль от Паза-дель-Мар, бороздя океаны, чтобы найти меня.

Я улыбнулась, потому что мозг может вызывать в воображении такие нелепые, смешные сценарии, которые совсем далеки от реальности, что просто удивляешься силе воображения. Даже в свое отсутствие Эстебан держит плохих парней и плохие мысли на крючке.

Я услышала какой-то скрип на палубе.

Дамиан раскладывал лежак. Он поставил его рядом со своим, с маленьким столиком, разделенным на двоих.

— Кушай, — он указал на тарелку на столе, прежде чем начал копаться в своей. Одной рукой он держал мешочек со льдом у челюсти, где я ударила его.

Я осторожно поднялась, не зная, чего ожидать. Еда? Наказание? Возмездие? Но он ничего не сказал, и я села возле него. Может быть, он был таким же уставшим и вымотанным, как и я. Внезапно я осознала, что я была в одних трусиках и плотней укуталась в плед.

Ужин был таким же, как и всегда. Рыба и рис. Возможно, другой вид рыбы, но рис все тот же. Предполагаю, что это удобно — он не портится и быстро готовится. Простой, несложный рис.

Мы кушали в тишине и смотрели на полумесяц, который поднимался в небо. Он был ярким и теплым. Словно припудренный ломтик лимонной конфеты. Звезды были ослепительными и ясными, словно алмазы, без каких либо искусственных огней, что скрывали их свет. Огромные полосы света, отсвечивали на воде, словно маленькие фосфоресцирующие рыбки, скользящие по поверхности.

Большие, темные формы гнались за ними, а они танцевали вокруг лодки, словно кружащиеся дервиши. *(Примеч. Дервиш — это одновременно и мусульманский прототип монаха, и странствующий нищий, и факир, лекарь, прорицатель для беднейших слоев*

населения стран, исповедующих ислам. Танец дервишей — самая завораживающая традиция Турции. С помощью обряда ритмического кружения, дервиши достигают чувства духовного подъема, тем самым приближаясь к Богу).

Это было лучше, чем любой модный показ — блеск, сверкающие переливы и музыка ночи. Вода — километры и километры бархата цвета темной полуночи, и мы качались на нем, словно пушинка, маленькая и незначительная на фоне всего этого величия.

Я подумала о тех ночах, что проводила в клубах с контролируемой температурой и искусственными огнями, попивая ненатуральные коктейли с фальшивыми друзьями. Театральная драма. Сколько настоящих славных ночей я пропустила? Ночей, как эта. Когда Вселенная танцует для тебя, и ты становишься маленькой, но красивой ноткой мелодии, которую она напевает.

— Скай? — спросил Дамиан, но я не могла сдержать слезы.

Это словно великая, большая чистка. Все хорошее, плохое, грустное и веселое вырвалось на свободу.

Я не хотела быть слабой перед ним. Я ненавидела то, что он поднял меня на руки, и я прижалась к нему. Я ненавидела то, что он понес меня вниз по лестнице и поставил под душ. Я ненавидела то, что он вытер меня насухо и помог одеться. Ненавидела, когда он взял лекарство и сделал новую повязку на мой палец. Я ненавидела, когда он уложил меня и выключил свет. Ненавидела то, что я хотела, чтобы он остался, обнял меня и погладил мои волосы. Ведь это гребаный Стокгольмский синдром? Я ненавидела то, что происходит со мной.

На следующее утро я проснулась от шума, похожего на шум десятка катеров, плывущих по морю. На нас напали — кто-то нас преследовал. Я побежала вверх по лестнице, ожидая, что нас окружили десятки лодок, и мой отец держит громкоговоритель и говорит:

— *Выходите с поднятыми руками.*

Он увидит меня, увидит, что я жива! И три поцелуя превратятся в шесть, и девять, и двенадцать.

Слава Богу, ты пришел, папочка, потому что здесь я была одна с Дамианом, и он отрезал мой палец, и еще меня окружили акулы, и он оставил меня среди них, но это на самом деле были только дельфины, а затем я увидела настоящую ночь, и что-то начало происходить, и моя голова...

Никаких лодок. Никаких громкоговорителей. Никакого отца.

Мы стояли на якоре в тени крутого обрыва. Десятки пеликанов ныряли в воду и выныривали с сардинами в клювах на завтрак. Иногда они ныряли в воду с таким звуком, какой издают снаряды, взрываясь в зоне боевых действий.

Дамиан плавал с другой стороны от лодки. Его гребки были длинными и сильными, и он не обращал внимания на весь этот хаос вокруг нас. У него было тело идеального пловца — сильные ноги, широкие плечи и узкие бедра. Он поворачивал свое тело влево, затем вправо, его плечи поднимались каждый раз, когда он делал вдох перед гребком.

Он двигался тихо и ловко, едва держа свой подбородок над поверхностью, но я была так сосредоточена на каждом вдохе, что все остальное поблекло — весь шум, все птицы — только он, только его дыхание и влажные хрипы, слетающие с губ. Это было ритмично, устойчиво, сильно и завораживающе и... чрезвычайно по-мужски.

Что-то щелкнуло внутри меня в тот момент. Я была вне себя, осознавая, как просто судить кого-то, опорочить и осудить то, что мы не понимаем, потому что:

О, Боже мой! Как она может даже думать в таком ключе о парне, который похитил ее? ОН ОТРЕЗАЛ ЕЙ ПАЛЕЦ!

Или

Ей следовало бы задуматься, прежде чем сесть в машину к незнакомцу.

Или

Как она может жить с ним так долго, ведь он каждый день ее использует?

Или

Монстр. Он выстрелил и убил всю свою семью.

Потому что всего этого не должно происходить, но все же внутри меня зарождалось нечто необъяснимое, из чего потом вырастут темные вещи, вещи, которые я не смогу оправдать или понять... *Романтизировать* своего похитителя — далеко не лучший выход, но что есть, то есть — это больно, запутано и гадко, но факт остается фактом. И это пугало меня. Это пугало, потому что я видела отблеск тех ужасных вещей, на которые мы способны, потому что людская психика такая хрупкая вещь, белок под хрупкой скорлупой — маленькая трещинка, и все вытечет наружу: сосед совершает самоубийство, племена уничтожают племена, страны отворачивались от несправедливости. И все это начинается внутри, потому что внутри нас, начинается все.

Я побежала обратно в спальню, и закрыла за собой дверь. Нужно было забаррикадироваться от... себя. Нужно было думать о настольном футболе, Распан и пицце с Ником — три нормальных занятия с нормальным парнем, которого действительно стоит романтизировать. (*Примеч. Распан — компьютерная игра в жанре аркады, разработанная компанией Натсо и впервые вышедшая в 1980 году*).

— Завтрак.

Никакого стука в дверь, никаких извинений за вторжение, никаких любезностей, обычные отношения с Дамианом. Он просто зашел.

Мы впервые встретились взглядом со вчерашнего вечера, с того времени, как я совершила тот глупый поступок. Я не знала, где он спал, но он не вернулся после того, как уложил меня. Он смотрел на меня как обычно — напряженно и непроницаемо. Он, наверное, был в душе, от него пахло мятой и полынью. И я действительно хотела, чтобы он пахнул, как пеликаны и сардины.

— Мы сегодня остановимся в Бахия-Тортугас, — сказал он, пока мы ели. — Нам нужно заправиться и пополнить запасы воды.

Я не имела ни малейшего понятия, где находится Бахия-Тортугас, но раз топливо и вода — значит, это какой-то порт или пристань, и значит, что там будут люди.

Дамиан предупреждающе посмотрел на меня. *Не глупи.*

Я кивнула и продолжила есть. *Еще посмотрим.*

Я настолько отчаялась, что готова была бежать прямо сейчас.

Было темно, когда скалистые холмы Бахия-Тортугас появились на горизонте. Мне казалось, что это скорее был расчет, нежели просто совпадение. Дамиан планировал это, поэтому мы пришли тогда, когда привлекли бы меньше всего внимания. Мое сердце бешено колотилось, когда мы подплывали к гавани. Я должна ухватиться за любую возможность, которая только представится в течение следующих нескольких часов.

Я встала перед зеркалом и глубоко вдохнула. Мои волосы были грязными и спутанными. И я все еще была в футболке Дамиана. Я зашла в душ и помыла волосы. Люди бы не захотели помогать жено-мужчине со странными волосами, поэтому я покопалась в моих сумках, которые Дамиан любезно забрал из машины, нашла облегающую блузку и потертые джинсовые шорты. Грудь и ноги всегда замечают первыми. Я нашла палитру для макияжа, и нанесла подводку и немного помады.

Пока я собиралась, Дамиан остановил лодку. Мы были не так близки к причалу, как я надеялась, и, смотря в иллюминатор, я могла видеть только две лодки. Это был лишь одинокий форпост для быстрой заправки.

Я воспрянула духом, когда пара людей пришла поприветствовать нас. И если бы не тусклое свечение от керосиновых ламп, я бы упустила маленькие каноэ. Я помнила испанский настолько, чтобы понимать, что эти мужчины предлагали свои услуги и цены на дизельное топливо и воду. Мне хотелось выбежать наверх и закричать о том, что мне нужна помощь, но было темно, и Дамиан с легкостью поймал бы меня, прежде чем я успела

наделать много шума.

Я все еще выглядывала из окна каюты, когда Дамиан зашел. Он остановился, когда увидел меня. На пару секунд он потерял контроль. Его взгляд прошелся по длине моих ног через облегающие шорты и задержался на моей груди, скрытой облегающей блузкой. Ха! От этого он точно не был застрахован. Он поймал самодовольную ухмылку на моем лице, прежде чем я смогла стереть ее, и прищурился.

Черт.

Я делала шаг назад каждый раз, когда он делал шаг по направлению ко мне, пока не прижалась к стене.

Черт, он был таким напряженным. И неторопливым. То, что я увидела в его глазах, едва не лишило меня равновесия. Одна сторона его лица была покрыта синяками и искажена там, где я ударила его. Он схватил оба мои запястья одной рукой и поднял у меня над головой. Каждая часть меня ощущала тепло, исходящее от его тела, несмотря на то, что мы контактировали в единственной точке. Он зацепил пальцем V-образный вырез у меня на блузке и провел вниз. Его прикосновение было таким мягким, почти невесомым.

— Скай? — он словно был загипнотизирован тем, как поднимается и опускается моя грудь.

Я сглотнула.

— Не играй со скорпионами, если не хочешь, чтобы тебя ужалили, — он дернул ткань.

Круглые стеклянные пуговицы запрыгали по полу и покатались, словно глазные яблоки, удивленные видом моей груди, прикрытой кружевом.

— Мы суровые, хищные и очень ядовитые, — он заскрежетал зубами и разорвал мою блузку на две части.

Затем оторвал кусок и связал им мои запястья, а висящий кончик использовал как поводок и повел меня к кровати.

— Ты пыталась завлечь меня в течение нескольких дней. Теперь же, когда ты привлекла мое внимание, что ты собираешься делать? — он наклонился вперед так низко, что я упала на матрас, пытаясь уйти от него. — Или ты хочешь, чтобы я сделал всю работу, и твоя избалованная киска ощутила другой вкус, а ты могла сказать себе, что у тебя не было выбора? — он медленно подполз ко мне, пока наши носы не соприкоснулись.

Я чувствовала, что ад собирается поглотить меня. Я могла услышать крики людей на улице — они готовились заполнить баки. Услышат ли они мои крики?

— Хочешь пригласить их? — Дамиан привязал мои запястья к изголовью кровати. — Неужели ты думаешь, что с ними тебе будет безопасней, чем со мной? — он оторвал еще одну полоску, давая мне возможность закричать, заорать и позвать на помощь. И когда я не сделала этого, он завязал мне рот.

Он опустился на пятки, расположив колени у меня между ног, и провел пальцем от моей шеи к передней застежке лифчика. Я перестала дышать. Он двинулся дальше, вырисовывая круги на моем животе, пока не коснулся пояса моих шорт. Он играл с замком, наслаждаясь тем, какой эффект это производило на меня.

— Такая маленькая, напуганная птичка, — сказал он. Потом обвил мои ноги вокруг своих бедер, чтобы я почувствовала его растущее возбуждение. — Тебе следовало подумать, прежде чем провоцировать меня.

Он навалился на меня полностью одетый, перенеся весь рост и вес на меня. Потом встал с кровати и раздвинул мои ноги, привязывая их к углам. Я зажмурилась, когда он подошел и

проверил узлы, убеждаясь, что они удержат меня. Все внутри меня задрожало и затрепетало. Я была всецело, *всецело* в его власти.

— Возможно, теперь ты будешь вести себя лучше, — сказал он.

Мое сердце заколотилось.

Я ожидала почувствовать его руки на себе, но он надел свою бейсболку, выключил свет и вышел, заперев за собой дверь. Я слышала, как он говорил с людьми, а затем услышала я звук небольшого двигателя, когда лодка поплыла к берегу.

Интересно, взял ли он с собой мой отрезанный палец и поехал на почту?

Уоррен Седжвик: Специальная посылка.

Я должна была чувствовать облегчение за эту задержку, но чувствовала только опасение — что ждет меня, когда он вернется. Мой разум метался по темным закоулкам, и самой худшей из позорных возможностей была возможность того, что я не буду бороться, когда Дамиан придет.

Линии подачи топлива все еще работали, когда Дамиан вернулся. Он был не один. Я узнала этот тук-тук-тук высоких каблуков, он пришел с женщиной.

Мои мышцы напряглись, когда я услышала шаги за дверью. Я обливалась потом, а палец начал ныть. Я подскочила, когда услышала громкий удар в дверь, и ожидала, что она откроется, но она была заперта. Потом последовал приглушенный вздох и еще больше шорохов.

Сначала я подумала, что он привел очередную жертву, и она изо всех сил боролась, чтобы уйти, но звуки стали ритмичными и чередовались болью и удовольствием.

Дамиан трахал ее под дверью. Жестко. Быстро. Этот больной ублюдок хотел убедиться, что я знаю, что он делает — он выбрал ее, а не меня. Выпуская то сексуальное возбуждение, которое возникло в нем из-за меня. Он лучше снимет местную проститутку, чем признает похоть и желание, что я вызываю в нем. Я была никем, пустышкой, сосудом мести. Все время, которое я провела думая о том, как он заиклился на мне, было жестоким умышленным наказанием. Он заронил это в мои мысли, а я лишь переняла эстафету и побежала дальше. Я позволила ему осквернить и сломать меня самыми отвратительными способами, и сделала это все сама, в своей голове.

Мне не нравились бушующие эмоции. Я должна быть благодарна за то, что это она, а не я трахаюсь с ним, но я чувствовала себя униженной. Подавленной. Отвергнутой. Я должна ощущать отвращение к звукам их секса, ведь я ненавижу Дамиана, но я была слабой и растерянной.

Женщина закричала, когда кончила — острый, прерывистый стон. Все затихло кроме тяжелого дыхания. Но это не продлилось долго. Шлепки возобновились. И я слышала, как она умоляла, просила, но я не знала, о чем именно — остановиться или не останавливаться.

Они отошли от двери. Что-то стукнуло. Заскреблось на полу. Я закрыла глаза, надеясь заглушить эти гортанные звуки, доносящиеся из-за двери. Мы делаем глупую вещь — закрываем глаза — пытаюсь скрыться от шума, который не хотим слышать. Но становится

только хуже. Теперь я могла представить их в комнате: она, согнувшись, стоит у стула, пока он имеет ее, словно животное, потому что секс с Дамианом звучал так — дикий, первобытный, свирепый.

Это продолжалось целую вечность. Человек превратился в зверя. Кончая, он издал серию коротких резких звуков. Я стиснула зубы, понимая, что прошла через все это, будто была там с ним.

Женщина сказала что-то, но это было слишком тихо для меня, чтобы различить. Мне показалось, что я услышала смех Дамиана, но не могла представить его, когда он смеется — *не могла* — поэтому мне пришлось фантазировать. Они тихо говорили некоторое время. Потом я услышала их шаги на палубе.

Дамиан платил мужчинам, или женщине, или всем им. Топливо, вода и хороший трах для владельца. Мы все что-то получили. А я не воспользовалась шансом на побег. Я услышала звук мотора, когда мужчины отплывали.

Дамиан зашел в комнату, когда они ушли. Он все еще был в бейсболке. Я сомневалась, позволил ли он женщине увидеть его лицо, если он вообще раздевался. Наверное, просто приспустил штаны и взял ее у двери.

Он посмотрел на меня, я лежала на кровати, мои ноги были расставлены, и ничего кроме шортиков и лифчика.

— Ужин, — сказал он, когда убрал повязку с моего рта.

— Я не голодна.

Он развязал мои запястья и ноги.

— Кажется, ты становишься забывчивой, — сказал он тихо, нарочно внимательно осматривая мой палец.

Ему не нужно было ничего говорить. Я ненавидела его и *себя* за то, что позволила ему сломать меня. Я последовала за ним к выходу, потирая затекшие запястья. Он развернул засаленный бумажный пакетик, вытащил оттуда пару хот-догов и положил на тарелку. Я должна была отдать душу за них, потому что ела только рис и рыбу на протяжении всех дней, но все, что я смогла уловить — это Запах Шлюхи. Сушилка для посуды была на полу, казалось, будто ее просто скинули с кухонной тумбы.

— Ешь.

Дамиан проглотил свою долю и взялся разбирать покупки, которые принес.

Когда холодильник был забит, он взял консервный нож и открыл банку сгущенного молока. Я наблюдала, как он выливает его в чистую баночку с крышкой. Я предположила, что это хранится лучше, чем свежее молоко. Он повернулся к кофеварке и начал отмерять кофе.

Мой взгляд метнулся к рваной, металлической части банки, которую он открыл. Она лежала в мусоре, возле моих ног. Я протянула руку и взяла ее. Дамиан все еще стоял спиной ко мне.

Я коснулась кусочка жести и почувствовала резкие, колючие края. Это мне необходимо, чтобы погрузиться в его уязвимое место.

На счет пять, Скай. На счет пять.

Я глубоко вдохнула и начал считать.

5, 4, 3, 2, 1...

Я поймала его, когда он повернулся. Это был идеальный порез, но потом он перехватил мое запястье, и я не смогла вонзиться глубже. Его глаза расширились от острой боли, прежде

чем жесткий *хрясь* его удара не настиг меня. Он бросил меня через всю кухню, у меня на щеке остался отпечаток его ладони.

Он вырвал кусок металла из своей шеи и прижал руку к ране. Я хотела, чтобы его кровь пролилась там же, где и моя. Я хотела, чтобы он упал на колени и умер в бассейне красной мести. Я хотела видеть себя в его глазах, когда он вздохнет в последний раз.

Но ничего из этого не случилось. Дамиан лишь выругался и убрал руку, чтобы осмотреть повреждения. Это была приличных размеров рана, но я лишь поцарапала поверхность, пару пластырей и все будет хорошо. Он двинулся ко мне, безжалостная, нерушимая сила, которую я не смогла вынести, и я сломалась. Я погладила мою пульсирующую щеку и всхлипнула. И еще раз.

— Не можешь брать — не давай, — прорычал он.

Не можешь брать — не давай.

Не можешь брать — не давай.

Мальчик, которого я раньше обожала, сказал это. Сразу после того, как выбил зуб Гидеону Бенедикту Сент-Джону.

В моих мыслях возникло короткое замыкание, как в проводах перегруженной электрической цепи.

Нет.

Каждая частичка меня восстала против этой идеи.

Я посмотрела на фигуру передо мной. Мальчик превратился в мужчину — его тело изменилось, голос изменился, лицо изменилось. Но человеческие глаза никогда не должны меняться так, что ты не можешь узнать по ним душу, они никогда не должны поменяться так сильно, чтобы закрыть все двери в прошлое.

— Эстебан? — прошептала я.

Нет. Пожалуйста, скажи «нет».

— Нет никакого Эстебана. Он умер очень давно, — он поднял меня на ноги и прижал к тумбе. — Здесь только Дамиан. И тебе не бросить ему вызов, не сбежать от него и не соблазнить. И уж точно ты не должна *фантазировать* о нем, — сказал он.

Я моргнула, пытаюсь смириться с тем, что мальчик, которого я обожала, и мужчина, которого ненавидела, были одним и тем же человеком, но я не могла преодолеть мрачную, черную пропасть между ними. Она начала растягиваться, открываться и поглощать меня. Земля ушла из-под моих ног.

— Скай, — Дамиан потряс меня, но только сделал раскол внутри меня еще глубже.

Я ощущала, как падаю, радуясь пустоте, которая меня приняла.

Когда я пришла в себя, Дамиан спал рядом со мной.

Да, Да-ми-ан.

Потому что это тот, кто он сейчас. Я пыталась увидеть в нем того мальчишку которого я знала, но его было не отыскать в суровых чертах лица Дамиана. Ему было двенадцать, когда я в последний раз его видела.

За пятнадцать лет он изменился, став тем, кем был сейчас, исчезла мягкость, любимые выражения, голос стал глубже, а сердце ожесточилось. Луна серебрила его кожу и очертила контуры бровей и носа. Впервые он спал без футболки, словно покончил со всеми масками, слоями и притворством. И, насколько я могла судить, под одеялом он был совсем голый.

Я отодвинулась от него на край кровати. Что-то мокрое и комковатое ощущалось подо мной. Оттаявший мешочек с замороженными овощами для моей щеки.

Правильно, Дамиан. Ударь меня, а потом приложи лед.

Не можешь убить меня, но и не можешь отпустить.

Я наконец-то поняла, что видела у него в глазах. Черный борется против Черного. Дамиан держит в страхе Эстебана. Жестокость с проблесками милосердия. Дружба держит месть на ниточке.

Я не могла понять его действий, но между моим отцом и Дамианом, определенно, была вражда, и мне нужно было понять почему. Насколько я знала, в последний раз эти двое были вместе на моем девятом дне рождения, когда отец попросил Виктора записать Эстебана на курсы к мисс Эдмондс.

Эстебан так и не появился. Я проснулась и ждала МаМаЛу, но она не пришла — ни в тот день, ни на следующий, ни на последующий. Когда одна из служанок пришла и начала паковать мои вещи в большой сундук, я закатила истерику.

— *Почему Абелла собирает мои вещи? — спросила я, когда отец пришел. — Где МаМаЛу?*

— *Мы едем в Сан-Диего, Скай, — отец сложил бумаги, которые держал в руках, и потер виски. — Мы побудем там некоторое время. МаМаЛу нашла другую работу.*

— *Ты не говорил ничего об отъезде! Когда? МаМаЛу и Эстебан никогда бы не ушли, не попрощавшись.*

— *Скай, я знаю, что ты считала их членами семьи, но они уехали туда, где теперь работа МаМаЛу. Я уверен, что они хотели сделать лучше для тебя.*

— *Я не верю тебе, — я оттолкнула его. — Я не поеду никуда, пока не увижусь с ними.*

— *Эти оставь, — сказал отец Абелле, собирающей сделанные для меня Эстебаном бумажные поделки.*

— *Я без них не уеду! — я забрала у нее коробку.*

— *У нас есть место только для важных вещей, Скай, и нам нужно поторопиться. Мы скоро поедem в аэропорт. Ты должна помочь Абелле собрать вещи. Ты можешь это сделать, Скай?*

— *Нет! Я не буду! Я никуда не поеду. Я не буду ничего собирать. Ты езжай.*

— *Скай...*

— *Ты всегда куда-то уходишь. Я остаюсь здесь, и когда МаМаЛу узнает, она вернется,*

и мы...

— Скай!

Я не знаю, кто из нас удивился больше, когда он ударил меня. Это было сильно и резко, и это было больно. Коробка выпала из моих рук, и мы оба уставились на бумажные фигурки у нас под ногами.

— Когда ты уже, наконец, поймешь что они просто прислуга? — сказал мой отец. — Они не кровь, не семья. И единственный человек, на которого ты можешь положиться, это я. И единственный, на кого могу положиться я — это ты. Все остальное, и все остальные придут и уйдут. Если МаМаЛу и Эстебан хотят увидеть тебя, они найдут способ. И ты можешь писать им. Столько, сколько захочешь. Но нам нужно уехать сейчас, Скай. У нас нет выбора.

Итак, я уехала, но оглядывалась все время по пути из Каса Палома. Мне казалось, я слышала, как Эстебан зовет меня, но все, что я могла видеть сквозь заднее стекло машины, когда мы съезжали вниз по грязной дороге, это шлейфы пыли. Я оборачивалась, когда мы покинули Мексику. Я оборачивалась, когда мы приземлились в Штатах. Я оборачивалась каждый раз, когда видела мальчика с такой же кожей, как у Эстебана, и оборачивалась каждый раз, когда замечала темные длинные волосы, украшенные цветами.

Спустя некоторое время я перестала оборачиваться, ведь МаМаЛу с Эстебаном ни разу не ответили на пахнущие земляникой письма, которые я отправляла, и тщательно склеенные коллажи, которые делала. Моя новая школа. Моя новая комната. Мой новый адрес. Моя новая стрижка, потому что волосы слишком отросли, и теперь некому мне их расчесывать. Я скачаю по тебе, МаМаЛу. Пиши, Эстебан. На счет пять. Хорошо?

В конце концов, я похоронила эти воспоминания вместе с болью. Оказалось, что мы уехали в Сан-Диего навсегда. Когда отец ударил меня, он захлопнул дверь — и мой мир перевернулся осторожно и предусмотрительно. Семья — это семья. Друзья — это не навсегда. Все ломается. Люди говорят «прощай». Подойдешь слишком близко, и станет больно.

Когда Дамиан ударил меня, он снова взорвал этот мир, разбив вдребезги те мелкие его части, которые я все еще пыталась собрать воедино. Но было что-то еще в истории, рассказанной мне отцом. МаМаЛу и Эстебан не могли просто уйти, не сказав ни слова. Что-то произошло. Что-то, что превратило Эстебана в Дамиана.

Я думала, что он отрезал и покрасил мои волосы в черный цвет, чтобы люди перестали узнавать меня, но он сделал это для себя, чтобы я не имела никакого сходства с той девочкой, которую он знал. Дамиан был заиклен на мести за что-то ужасное, страшное, что, как он думал, сотворил мой отец. Какие бы ассоциации я не вызывала, они были похоронены так глубоко в его подсознании, что он был способен со мной творить ужасные и страшные вещи. Он относился ко мне, скорее, как к вещи, чем как к человеку, чтобы оградить себя. Он делал мне больно, унижал меня, скрывал мой голос, мое лицо, мои слезы. Но однажды эти воспоминания вернулись, и они все еще значат для него кое-что, потому что вытянули его из красной пелены злобы и ненависти. Эстебан, которого я знала, был где-то там, и он слышал, как я молилась за него. Он был единственной причиной, почему я все еще была жива.

Я не знала, как много времени у меня осталось, но знала, что нет смысла просить Дамиана объяснить, почему он делает это. Он никогда не зашел бы так далеко, если бы не имел для себя оправдания. Есть только один человек, который мог бы достучаться до него.

Я должна найти способ связаться с МаМаЛу, прежде чем станет слишком поздно.

Завтрак прошел в молчании — и Дамиан, и я смотрели в свои тарелки. Я так сильно хотела посмотреть на него при дневном свете, *действительно* посмотреть. Было трудно жевать. Губа распухла, поэтому мне пришлось заталкивать еду прямоком в рот. Дамиан прикрыл порез на шее куском марли. Чем дольше мы оставались вместе, тем больше в нашем послужном списке становилось порезов и синяком — как снаружи, так и внутри.

— Как поживает МаМаЛу? — спросила я, придерживая рукой свой кофе.

Море было не спокойное, и вещи скользили по тумбочке туда и обратно.

— Я хочу увидеться с ней, — сказала я, когда ответа не последовало.

Он бросил свою тарелку в раковину и повернулся ко мне.

— Мы туда и направляемся. Если можешь потерпеть еще четырнадцать дней, ты увидишь ее.

Дамиан упоминал раньше двадцать один день. Мы были на яхте около недели, это означало, что он считал дни до того, как увидит МаМаЛу.

— Она знает?.. — *Что ты планировал убить меня?* — Она знает, что я приеду?

Я увидела болезненное выражение в его глазах, прежде чем он отвернулся. Конечно же, она не знала. Она никогда не выдержала бы этого. Если бы я только могла увидеться с ней, она бы все исправила. МаМаЛу знала, как чинить вещи — потерянные, раненные, треснувшие, порезанные и кровоточащие вещи.

Я смотрела в окно, когда мы покидали Бахия-Тортугас. Стаи морских львов следовали за нами, играя в кильватере. (*Примеч. Кильватер или кильватера (от гол. Kielwater — морской термин) — струя позади идущего судна по линии килля.*)

Ай-яй-яй-яй,

Пой и не плачь.

Мысль о том, что я увижу МаМаЛу, утешила меня, и впервые за долгое время я увидела проблеск надежды.

Мы проплыли сквозь скалистые утесы под дымкой темных облаков. Когда день разыгрался, волны стали мельче, а небо стало темным и зловещим. Я могла слышать треск радио с верхнего этажа, но голос Дамиана потонул в грохоте переворачивающихся барных стульев. Все начало ломаться и переворачиваться, когда яхта накренилась и закачалась.

Я держалась за стены, когда поднималась наверх. Резкие холодные иглы дождя застучали по мне. Небо было словно картинка из фильма ужасов. Черные тучи надвигались на нас, перетаскивая глубокие тени на отражение в воде. Ветер свистел в снастях и встречал меня сильными порывами. Я не могла разглядеть горизонт. Потом я заглянула в жуткую темноту и поняла почему. Впереди нас была стена из воды, она была такой большой, что мне пришлось задирать голову.

ВОТ ДЕРЬМО!

— Возвращайся назад! — прокричал Дамиан сквозь весь этот хаос, и я с трудом удержалась на ногах.

Лодка взлетала на гребнях волн и проваливалась вниз, и наши сердца замирали в

каждом броске, в каждой ужасной волне. Я держалась за перила, но металл был мокрый, и каждую секунду я готова была сорваться. Вода ведрами плескала мне в лицо, а мои ноги скользили по палубе.

Дамиан рывкнул что-то в рацию, затем добрался до меня, прорываясь сквозь ветер, и надел на меня спасательный жилет. Я не слышала, что он говорил. Мы прыгали по волнам с ужасным грохотом. Он кивнул в сторону лестницы, и двинулся обратно.

Я была почти там, когда услышала, как что-то пролетело мимо меня — пронзительный, металлический *ши-шу-хх*. Я подняла голову и поняла, что это одна из веревок, что держала шлюпку, отсоединилась, и теперь болтается на ветру — возможно, та, которую я почти отвязала, когда была на крыше. Тяжелая стальная застежка на конце веревки только что прошла мимо и теперь летела назад, направляясь прямо на меня. Я стояла парализованная, не в состоянии двигаться, дышать, словно разрушительная сила смерти настигла меня.

— Скай! — Дамиан оттолкнул меня за полсекунды до удара.

Я покатилась по палубе, не удержавшись на ногах. Я слышала треск, звук разбитого стекла и открыла глаза. Веревка врезалась в окно, и крюк застал в рамке. Шлюпка еле держалась на двух оставшихся защелках, и выглядело так, будто они тоже собираются отлететь.

— Дамиан, — я повернулась к нему.

Он лежал рядом со мной, но не отвечал. На голове у него был большой, широкий разрез. Кровь сочилась и смешивалась с дождем.

— Дамиан! — я подскочила и упала на колени рядом с ним.

О, Боже. Пожалуйста, очнись.

Но его тело было вялым, и голова покачивалась из головы в сторону, когда лодка качалась, словно дикий мустанг.

— Дамиан, пожалуйста, — плакала я. *Я не справлюсь в одиночку.*

Океан окружил нас огромным ужасающим хаосом.

Я нуждалась в нем. Я нуждалась в его яростной грубости, чтобы покорить волны и привести нас к МаМаЛу. Я нуждалась в его стойкости, колкости, безжалостной ярости, чтобы провести нас сквозь шторм.

— Что ты творишь, Скай? — мне казалось, я услышала его слова, когда обхватила его кровоточащую голову своими ладонями.

Я посмотрела на рубку. Дамиан не запер радиостанцию. Она все еще потрескивала. Это был мой шанс — скрыться, уйти, сбежать от всего этого. Так почему же я все еще держу Дамиана?

Потому что он спас тебя.

Потому что он выбил тебя из колеи.

Потому что если ты позвонишь властям, ты знаешь, что они заберут его.

Не будь душой, Скай. Иди и позвони.

Я наткнулась на радио, мой желудок проваливался в пятки каждый раз, когда яхту подбрасывало на волнах. Я возилась с кнопками, пока не поняла, что нужно нажать, чтобы говорить. Я понятия не имела, кто ответит мне здесь, в мексиканских водах, или кто здесь вообще принимает сигналы бедствия.

— Это Скай Седжвик. Алло? Меня кто-то слышит?

Тишина.

— Я Скай Седжвик. Пропавшая дочь Уоррена Седжвика. Я была похищена. Я где-то у

тихоокеанского побережья Мексики. Наша лодка попала в шторм. Нам нужна срочная помощь. Пожалуйста, ответьте.

Я закрыла глаза и затаила дыхание. Вещи в рубке были разбросаны повсюду — книги, диаграммы, подушки, ручки.

Искаженное сообщение пришло с другого конца, и я подпрыгнула — Алло? Вы там?

Помехи, а затем мужской голос. Он сказал что-то о том, что он не мог разобрать четко, и потом я услышала слово «телефон».

— Подождите, — сказала я.

Ключ торчал из ящика, который Дамиан постоянно держал закрытым. Внутри было три вещи: заржавевшая металлическая коробка, револьвер и спутниковый телефон.

— У меня есть! — я схватила телефон. — Какой у вас номер?

Я записала то, что мужчина сказал мне, и позвонила ему. Мои руки тряслись, когда я объясняла ситуацию.

— Где тот мужчина, что похитил вас? — спросил он.

— Он пострадал. Он в отключке.

— Вы можете дать свои координаты?

— Я не знаю, как определить это по приборам.

Я слушала, пока он объяснял это, и потом я прочитала цифры в ответ.

— Яхта на автопилоте?

— Откуда мне знать?

Он говорил со мной и заставил меня установить курс правильно, чтобы мы встретили другое судно быстрее.

— Мы не далеко. Держитесь. Не паникуйте. Помощь уже в пути.

— Спасибо, — я выдохнула, глубоко и судорожно.

Это случилось. Я спасена. Я собиралась пройти сквозь темный туннель ада и стены из воды, я собиралась вернуться к трем поцелуям, я собиралась получать еще больше блинчиков по воскресеньям с разными начинками. Неожиданно меня наполнило желание услышать голос отца снова, рассказать ему, что я жива.

Я набрала его номер и стала ждать.

— Да ... — его голос звучал слабо и устало. Должно быть, уже наступила ночь там, где он находится.

— Пап? — я хотела плакать, но не хотела тревожить его, поэтому проглотила свои рыдания.

Было тихо на другом конце линии — неподвижность — в то время как все вокруг меня кружилось и пенилось.

— Скай? — он завозился. Я знала, что он ищет свои очки, словно если он их наденет, мой голос станет реальнее. — Скай? Это ты? — его голос стал совершенно бодрым, полностью проснувшимся.

— Пап... — я не сдержалась, мой голос надломился.

— Скай, — в этот раз это звучало не как вопрос. Он ухватился за мое имя, словно это был его спасательный круг, и теперь он нашел его.

— Я в порядке, пап, — я всхлипнула.

Никто из нас не мог найти слов, чтобы сказать что-либо еще. Я никогда раньше не слышала, как мой отец плачет.

— Скажи мне, где ты, — попросил он.

— Я на лодке. Я не знаю точно где, но меня спасут. Я свяжусь с тобой, ко... — вызов отключился, прежде чем я закончила.

— Алло? — я помолчала. — Алло?

Батарея разрядилась. Я прижала телефон к груди, зная, что отец еще на другом конце линии.

Останься со мной.

Останься со мной еще чуть-чуть.

Ветер уменьшился к тому времени, когда я отложила телефон. Шторм начал утихать. Шлюпка все еще держалась, но волны все еще были сильными. Дамиан был до сих пор в отключке, его тело покачивалось с каждым движением лодки.

Я схватила аптечку из рубки. Потом вернулась за пистолетом Дамиана. Я промыла и забинтовала его рану, с пистолетом, заправленным в штаны. У меня не было ни единого шанса. Рана была глубокой. Дамиану нужно наложить швы, но все, что я знала — только основы, поэтому я замотала его голову бинтом. Кровь просочилась почти сразу. Я прижала полотенце к его голове, надеясь, что давление хоть немного остановит кровь.

Мы плыли на автопилоте, когда радар начал пищать.

Мое спасение было почти здесь.

Я убрала волосы Дамиана со лба, они затвердели от крови.

Почему, Эстебандидо?

Я хотела плакать, потому что кто-то, кого я любила, умер в этом теле, и я не хотела знать, когда и как, и никогда не собиралась оплакивать его. И теперь они собирались забрать его, мальчика внутри мужчины.

Молния разделила небо, и на секунду я увидела его. Эстебан. Его пальцы были окрашены, улыбка была широкой, он только что пробовал землянику в первый раз.

Что случилось с тобой?

Что случилось?

Я прижала его голову к себе и начала баюкать.

И когда другая лодка приблизилась к нам, мужчина поднялся на борт.

— Все в порядке. Все будет хорошо, — сказал он. — Вы можете опустить пистолет.

Я не понимала, что держала его все это время, пока он не вырвал его из моих рук.

Он убрал полотенце из моей руки и осмотрел рану Дамиана. Полотенце было пропитано кровью.

Дамиан открыл глаза.

— Рафаэль, — прошептал он, когда увидел мужчину.

Кровь застыла в моих жилах. Я знала это имя. Я слышала, как Дамиан говорил с ним по телефону.

— Ты получил это? — говорил Дамиан Рафаэлю, мужчине на другом конце линии, который записывал мои крики.

— Я здесь, Дамиан, — сказал мужчина, который, как я думала, пришел спасать меня, — я здесь.

Мы проплывали бухту за бухтой, вдоль береговой линии, Рафаэль вел лодку Дамиана, а его друг, Мануэль, плыл следом на другой лодке. Я сидела, держа голову Дамиана у себя на коленях, так как он этой ночью потерял много крови. Несколько раз он открывал глаза, но они были мутными. И всякий раз туманная примитивная грусть охватывала меня, потому что я видела отблески Эстебана в этих глазах. Что бы он ни чувствовал, что бы ни думал, Дамиан теперь лежал незащищенный передо мной. Я могла *ощутить* его боль. Не ту, что медленно сочилась из него, а муку, запечатанную внутри. Он дрожал в железной клетке своего сердца, и не было выхода из нее. Дамиан ворочался и крутился, пока я пыталась удержать его.

— *Ш-ш, ш-ш,* — я не знаю, в какой момент начала напевать колыбельную МаМаЛу. Я не знала, для него ли это или для меня, но, по-видимому, она успокоила его, и он перестал вертеться.

Океан был спокойным теперь, но было холодно, и мы оба были насквозь мокрые. Дамиан дрожал. Я прижала его ближе, и он повернулся у меня на коленях, уткнувшись носом в мой живот.

Он думает, что он маленький мальчик. Он думает, что я МаМаЛу.

Я одновременно хотела и прижать его крепче, и оттолкнуть. Как я могла думать о том, чтобы утешить Дамиана? А могла ли не думать?

Я пела ему, пока солнце не взошло, пока мы не причалили к маленькому холмистому острову, поросшему лесом, что склонялся в сторону моря, чтобы встретиться с белыми песчаными пляжами. Насколько я могла видеть, на острове не было никаких построек, дорог, машин и телефонных линий.

Мужчины перенесли Дамиана из лодки на маленькую виллу, спрятанную среди пальм. Дамиан застонал, когда его положили на диван цвета фламинго. Я удивилась, что он продержался всю ночь. Никто не мог потерять так много крови и выжить. Рафаэль, кажется, думал иначе.

— Ты все выдержишь, Дамиан. Ты слышишь меня? — сказал он, несмотря на то, что Дамиан был бледен и не отвечал. Он отправил Мануэля в лодку, чтобы принести медикаменты, пока сам копался в аптечке первой помощи.

У него был такой же темный цвет кожи, как и у Дамиана. Рафаэль был на пару сантиметров выше, у него были светлые волосы и зеленые глаза. Он не носил уродливую безликую одежду. Его футболка была сшита из тонкого, чистого хлопка, с зигзагообразными швами. Его часы стоили больше, чем лодка Дамиана, и его обувь... его обувь напомнила мне ту, что я когда-то видела на Дамиане, когда он похитил меня. Мягкая, ручной выделки итальянская кожа.

Я пыталась понять, что произошло. Возможно, Дамиан говорил с Рафаэлем, когда ударил шторм, и они планировали встретиться здесь. Рафаэль был достаточно близко, чтобы перехватить нас, а это место было слишком далеко, чтобы просто на него наткнуться. Когда я включила радио, оно было установлено на канал, по которому они переговаривались, но любой мог на него настроиться, поэтому Рафаэль попросил меня взять телефон.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Он должен был прикончить тебя, — Рафаэль многозначительно взглянул на меня,

закончив зашивать рану на голове у Дамиана.

— Он вез меня, чтобы увидеться с МаМаЛу.

Я осознавала, что, если Дамиан умрет, у меня будут большие проблемы с Рафаэлем. Я не знала, кто он и как они связаны, но мне нужно найти способ удержаться на плаву. Единственное, что я должна была сделать — и сделала — это позвонить отцу. Он знал, что я была жива, и спутниковые телефоны используют GPS. Чтобы отследить местоположение и сузить круг поисков не нужно много времени.

— Дамиан вез тебя в Паза-дель-Мар? — Рафаэль приподнял брови. — Он никогда не берет кого-то, чтобы увидеться с ней.

— Ты знаешь МаМаЛу? — спросила я. Ну, по крайней мере, я знала, где она теперь.

— Я знаю Дамиана с двенадцати лет. Мы выросли вместе. Нет ничего, чего бы я ни сделал для него.

— А что, если что-то случится с ним... если он умрет... ты сдержишь его обещание? Ты отвезешь меня к МаМаЛу?

Рафаэль закончил зашивать голову Дамиану, прежде чем ответить.

— Я выгляжу как твой шофер? — он шагнул ко мне. — Твой слуга? — еще один шаг. — Твой гребаный консьерж?

Он сплюнул на меня.

— Ты ничего не знаешь о МаМаЛу и Дамиане. Поэтому не притворяйся, что хочешь увидеться с МаМаЛу, потому что все, что ты хочешь сделать, это спасти свою задницу. Ты живешь в своем высоком громадном замке, высоко задрал нос. И единственный человек, на которого ты можешь рассчитывать, это *ты*, потому что ты — всего лишь избалованный ребенок. Ладно, знаешь что? — он вытащил пистолет и приставил его к моему виску. — Я не могу позволить Дамиану сесть за решетку. Он был мягок с тобой, но тут ваша удача исчерпала себя, мисс Скай и Великий Седжвик. Пора с этим кончать. Сейчас.

Он подтолкнул меня к двери.

— Но я ... — мой взгляд переместился к Дамиану. Он забылся нелегким сном.

— Он не спасет тебя сейчас, принцесса, — сказал Рафаэль. — Марш. Пришло время расплаты.

Мы прошли сквозь панорамную веранду, мимо кокосовых пальм в джунгли.

— Стоп. Вот тут, — сказал Рафаэль, когда мы пришли на маленькую поляну.

Я отвернулась от него, глядя на свою тень на песке. Она была длинной и стройной в лучах заходящего солнца. Рафаэль стал рядом со мной. Вместе мы выглядели, словно два длинноголовых пришельца, и один из нас был готов переместить другого в соседнюю галактику.

Это было почти облегчение: отпустить, отступить, принять. Надежда — это колосс на глиняных ногах. Ей не под силу вечно выдерживать груз реальности. И я тоже устала это делать. Я устала чинить ее каждый раз, когда она ломалась. Ты можешь лишь временно обманывать смерть, тяжело и долго сражаясь.

— Только одна вещь, прежде чем ты выстрелишь, Рафаэль, — я повернулась и посмотрела ему в глаза. — Мне нужно знать. Скажи мне, что случилось с Эстебаном. Расскажи мне, почему он стал Дамианом.

ЧАСТЬ 2

ЭСТЕБАН

Глава 12

Впервые Эстебан увидел Скай сквозь деревянные прутья. Он не знал для чего они — для того, чтобы держать ее за ними, словно опасное животное в зоопарке, или же для того, чтобы держать его подальше, как те большие витрины, в которые он утыкался носом, когда они с МаМаЛу приезжали в большой город.

— Почему она в клетке? — спросил он.

— Это не клетка, — МаМаЛу рассмеялась.

— Это кроватка, — сказала Адриана Седжвик. Она была мамой ребеночка и выглядела так, словно сошла с обложки модных журналов, которые читает.

Эстебану было четыре. Он никогда не видел детскую кроватку. Он спал с МаМаЛу в маленькой комнатке, в крыле для прислуги. Ему нравилось это гораздо больше, чем когда они оставались ночевать у брата МаМаЛу, Фернандо. Иногда Фернандо приходил домой пьяным, и МаМаЛу приходилось от него запирается. В эти моменты он выкрикивал проклятия и долбил в дверь. А иногда он покупал им elote, вареную кукурузу в кожуре, и отвозил в открытое море. Эстебан никогда не знал, чем может обернуться день, так что с дядей приходилось держать ухо востро.

Однажды вечером Фернандо привел домой своего друга.

— Иди сюда, Эстебан, — он помахал рукой мальчику. — Поздоровайся с моим приятелем, Виктором Мадерой.

В этот момент вошла МаМаЛу, и взгляд Виктора Мадеры быстро метнулся к ней.

— А это?.. — спросил он

— Это моя сестра Мария Луиза, — ответил Фернандо.

Виктор не мог оторвать от нее взгляда. Он слышал о Марии Луизе. Это было его занятие — держать на мушке всех и вся. Фернандо рассказал ему о ней даже то, что ему следовало бы держать в секрете, но когда у мужчины есть слабость, будь то азартные игры, алкоголь или женщины, ты всегда сможешь заставить его заговорить.

— Фернандо сказал мне, что ты ищешь работу, — сказал Виктор.

— Да, — ответила она. Платье красиво облегалo ее талию.

— Кажется, у меня для тебя кое-что есть, — Виктор больше всего на свете захотел увидеть ее без одежды.

Тем вечером он пришел к Адриане Седжвик и сказал ей, что нашел няню.

— Скажи ей, чтобы она пришла завтра на собеседование, — ответила она.

Виктор работал телохранителем у ее отца, богатого бизнесмена, который имел дело с мексиканским преступным миром. Безопасность его семьи стояла на первом месте. Хотя Виктор работал на ее отца много лет, Адриане он не нравился. К сожалению, отец настаивал

чтоб Виктор сопровождал ее после того как она выйдет замуж, но это было одним из его условий. Вторым условием было вступление Уоррена в семейный бизнес.

— Каково это? — спросил Уоррен. Он водил пальцем по большому животу своей беременной жены и терся носом о ее шею.

Она не ответила, вместо этого переплела свои пальцы с его и положила руки на то место, где пинался ребенок.

— Ты когда-нибудь жалел об этом? — спросила она.

— Жалел о чем?

— О том, что женился на мне. Променил Сан-Диего на Паза-дель-Мар. Что связался с моей семьей.

— Адриана, мы уже говорили на эту тему. Кроме того, они не принимают непосредственного участия, также как и я.

— Отмывание денег для картеля является непосредственным участием, неважно, сколько людей разделяют нас и их. Я знаю, что ты сделал это ради меня. Мой отец...

— Твой отец увидел американского панка, который влюбился в его дочь, и предоставил ему выбор. Он увидел того, кто может трясти деньги с Мексики, а я видел возможность давать тебе все то, к чему ты привыкла. Мы собираем нашу прибыль и через несколько лет уходим. Это план, детка. Вот так просто, — он поцеловал ее. — А что нужно Виктору?

— Он сказал, что знает кого-то, кто может оказаться хорошей няней.

— Виктор теперь рекомендует няnek?

Адриана засмеялась.

— Если она такая же, как он, я не думаю, что мы с ней поладим.

Но Адриана была приятно удивлена. Она ожидала кого-то старше, холоднее, но МаМаЛу была яркой, умной и резкой. Она говорила на двух языках и легко переключалась между испанским и английским. Что Адриане понравилось больше всего, так это то, что она пришла вместе со своим сыном, который держался за ее юбку.

— Это Эстебан, — сказала она так, словно это было ее наибольшее достижение в жизни.

Адриана задавала вопросы, но пристально наблюдала за тем, как эти двое общались между собой. К концу интервью она знала: если кто-то и поможет ей вырастить ребенка, так это МаМаЛу. Она была простой воспитательницей, но не боялась учиться. Она знала, когда лучше уступить и когда наподдать. У нее было куча историй обо всем на свете, живом и выдуманном, что-то загадочное и магическое было в ней, в них.

— Ребенок появится только через неделю, но я хочу, чтобы вы адаптировались. Вы сможете начать завтра? — спросила Адриана.

И так началась глубокая, нерушимая дружба между двумя такими разными женщинами. Адриана умерла, когда Скай было три года. Она была в городе, навещала отца, когда это случилось. Все знали, что пуля предназначалась ему из-за тех разногласий, которые он имел с картелем. После того, как он похоронил дочь, он оборвал все контакты с ним, но не мог вытащить своего зятя. Картелю был нужен кто-то с американским паспортом, и он был нужен им так сильно, что это могло стать опасным для Скай. Уоррен потратил шесть лет, чтобы наконец-то завязать с картелем, и все это время МаМаЛу старалась, чтобы девочка не ощутила потерю своей матери. Она любила ее словно свою собственную дочь. Когда Скай просыпалась, МаМаЛу была первой, кого она видела, и когда Скай засыпала, последнее, что она слышала, это звук голоса МаМаЛу.

Эстебана возмущала эта маленькая девочка, которая украла его мать. Он хотел все улыбки МаМаЛу и все ее колыбельные. Ночью он ждал ее домой, и когда она не приходила, он залезал на дерево возле спальни Скай, смотрел в окно и дулся. Скай переросла детскую кроватку и теперь МаМаЛу сидела рядом с ней на кровати, укладывая ее спать. Иногда МаМаЛу звала Эстебана к ним, но он лишь качал головой. Он был уверен в том, что эта маленькая девочка не настоящая. Ее волосы были цвета нимбов, которые он видел у святых в церкви, и свет от ночника делал их похожими на мягкие, золотистые перышки. Но Эстебана не обманешь. Он знал, что однажды она улетит, но до этого времени она притворяется настоящей, поэтому МаМаЛу должна остаться и приглядеть за ней. Эстебан карабкался по веткам к окну в комнату Скай каждый день, чтобы застать кусочки историй МаМаЛу. Спустя некоторое время, он уже забирался внутрь и садился на пол, чтобы слышать все, что она говорила. Он придвигался вперед, шаг за шагом, пока он не упирался в ногу МаМаЛу. Однажды ночью, она пела колыбельную, которую пела, когда он был маленьким. Эстебан знал, что это для него, потому что Скай уже спала, но как только МаМаЛу закончила, она перевернулась.

— Еще раз, МаМаЛу, — сказала она.

— Нет! — Эстебан подскочил и отвел МаМаЛу от нее. — Это моя колыбельная!

— Бан? — она потеряла свои сонные глазки и уставилась на него.

— Эстебан, а не Бан.

— Бан, — она встала с кровати, таща свое одеяло за собой, и положила его на ноги Эстебана.

— Чего она хочет? — Эстебан с опаской посмотрел на нее.

— Она хочет, чтобы ты остался, — сказала МаМаЛу.

Маленькая девочка взяла его за руку, прежде чем он успел выпрыгнуть из окна. Ее пухленькие маленькие пальчики были на ощупь как настоящие, когда она потянула его вниз. Она растянулась на постели и положила голову к нему на колени. Эстебану стало стыдно. Он посмотрел на МаМаЛу, но она только укрыла девочку одеялом и продолжила петь. Эстебан не сдвинулся с места, пока Скай не заснула. И когда он убедился, что она уже не проснется, он прикоснулся к ее ангельским волосам. Хах. Они тоже были как настоящие.

Каждый день после этого, маленькая девочка искала Эстебана. Она отказывалась спать, пока он не залезет в окно.

Бан стал Эбаном.

А Эбан стал Тебаном.

А Тебан стал Эстебаном.

Раньше Эстебан приходил к МаМаЛу, теперь он приходил к Скай. Со временем их дружба только крепла. Он научил ее, как делать воздушного змея из газетной бумаги и метлы, она же познакомила его с CD проигрывателем, который отец ей привез из Штатов. Когда они слушали Drops of Jupiter, солнце сияло в волосах Скай, и Эстебан думал, что Юпитер наверняка сделан из самого белого золота. А иногда он представлял себе, что вся Вселенная заключена в медальоне на шее Скай.

Когда Эстебан видел Уоррена Седжвика и Скай вместе, он задумывался, каково это — иметь отца. Он надеялся, что МаМаЛу не выйдет замуж за Виктора Мадеру, который появлялся у нее ночью, когда они думали, что он спит. В такие ночи МаМаЛу устанавливала в комнате самодельную перегородку. Он не мог видеть сквозь толстую ткань, но он ненавидел жадные, тяжелые звуки, которые издавал Виктор. Эстебан всегда знал, когда

Виктор придет, потому что МаМаЛу в те дни совсем не пела.

Однажды ночью Виктор и МаМаЛу поругались, и МаМаЛу выгнала его. На следующий вечер он появился с букетом белых лилий в терракотовой вазе.

— Выходи за меня, Мария Луиза, — сказал он.

Он настаивал на том, чтобы называть ее так, потому что не мог вынести мысли о том, что она МаМаЛу Эстебана, или о том, что ее касался еще какой-то мужчина.

МаМаЛу не ответила. Она начала закрывать дверь прямо перед его носом.

— Так вот, к чему это все привело? — он просунул в дверь ногу. — Ты забыла, кто спас тебя от Фернандо, кто нашел тебе работу и жилье для тебя и твоего сына.

— Это было давно, Виктор. Я уже заплатила по счетам. Довольно. У нас больше нет ничего общего.

Виктор толкнул дверь и швырнул вазу с цветами. МаМаЛу попятилась, идя по осколкам и упавшим лилиям.

— Ты думаешь, что слишком хороша для меня, так ведь? — Виктор издевался. — Сказала ли ты своему сыну, что он бастард?

МаМаЛу ахнула.

— Ты думала, я не знал? О да. Фернандо сказал мне. Отец Эстебана не умер на рыбалке. Он свалил, пока ты планировала свою скромную свадьбу. Он не хотел иметь дел ни с тобой, ни с твоим маленьким бастардом. Я даю тебе шанс вернуть свою честь. Ты должна быть благодарна, потому что я собираюсь дать мальчику мое имя.

— Ему не нужно твое имя. Так же, как и мне. Я лучше буду жить без чести, чем приму предложение человека, который торгует жизнями других ради наживы.

— Я охранник. Я защищаю людей.

— Тогда где ты был, когда Адриану Седжвик застрелили? Ты должен был быть с ней. Очень кстати, что тебя отозвали. На самом деле, я бы л...

— Заткись! — Виктор схватил МаМаЛу за шею и начал трясти ее, пока она не стала задыхаться.

Эстебан выскочил из кровати и кинулся на него. Он протаранил головой живот Виктора и выбил воздух из него.

— Отпусти ее!

Но Виктор был сильнее. Он отпустил МаМаЛу, пока удерживал Эстебана на расстоянии от себя. Эстебан брыкался и толкался ногами в воздухе, пока Виктор не швырнул его на пол.

— Ты пожалеешь об этом, — Виктор указал пальцем на МаМаЛу. Его голос был холодным и резким.

— Убирайся, — сказал МаМаЛу. — Уходи, пока я не позвала сеньора Седжвика.

Виктор плюнул ей под ноги, развернулся и ушел. МаМаЛу стояла гордо и прямо, пока он не ушел. Потом она кинулась к Эстебану. — Все в порядке, сагiño?

Эстебан проглотил комок в горле.

— Это правда — то, что он сказал? Мой отец не умер? Он просто... ушел? Он никогда не хотел меня.

— Это не твоя вина, Эстебан. А моя. Я была молода и глупа. Я думала, он любит меня.

С тех пор, как себя помнил, Эстебан знал, что МаМаЛу была бойцом. Она была гордой и сильной, и никогда не плакала. Но теперь большие, крупные слезы дрожали на ее ресницах. Она сдерживалась так долго, как только могла, но стоило моргнуть, как они покатались по щекам.

А потом МаМаЛу рыдала — тяжелыми, жестокими всхлипами, которые разрывали душу Эстебана на куски. У него не было возможности защитить ее. Он не знал, как успокоить ее. Поэтому Эстебан сделал то, что успокаивало его. Он положил ее голову на колени и спел для нее.

Ай-яй-яй-яй

Пой и не плачь.

После этого случая, Эстебан попадал в кучу неприятностей. Он допоздна оставался в деревне, глядя на то, как хорошие парни били плохих парней в первом западном фильме, который он полюбил. Он был Блондином, профессиональным стрелком в фильме «Хороший, плохой, злой», правда, он не зарабатывал деньги. (*Примеч. «Хороший, плохой, злой» (итал. Il buono, il brutto, il cattivo; англ. The Good, the Bad and the Ugly) — вестерн Серджио Леоне, в главной роли Клинт Иствуд*). Он был тем засранцем, который приходил на помощь МаМаЛу. Но была одна проблема. Когда он приходил домой, он был единственным, кого следовало защищать. От МаМаЛу.

— Эстебандидо! — она называла его так, только когда была злая. А когда МаМаЛу была злая, она бегала за ним с веником.

Каждый раз, когда Эстебан чувствовал, как жесткие волокна метлы царапают его ногу, начинал бежать быстрее, пока МаМаЛу не сдавалась. Она обычно возвращалась обратно и ставила метлу у двери. Немного подождав, Эстебан возвращался.

— МаМаЛу, это я, — он переминался с ноги на ногу у входа. — Твой Эстебандидо вернулся домой.

Обычно, МаМаЛу открывала дверь и, не мигая, смотрела на него. Когда он уже достаточно съезжился под ее взглядом, она отворачивалась и шла обратно в постель. Она всегда оставляла ему тарелку тостадос (*Примеч. Тостадос — мексиканская лепешка с начинкой*) и стакан орчаты (*Примеч. Орчата — безалкогольный напиток, готовится из молотого миндаля, кунжута, риса, ячменя или клубеньков чуфы*). Он ел в темноте и улыбался, мечтая о том дне, когда сможет надрать Виктору задницу.

Когда Эстебан впервые увидел фильм о боевых искусствах, он нарисовал лицо Виктора на заборе и пинал его. В наказание, он получил год хозяйственных работ. МаМаЛу не верила, что он отделается легко. И конечно, это было не так, потому что Виктор постоянно его дергал. Это был единственный способ добраться до МаМаЛу, и Виктор с большим удовольствием издевался над ней за то, что она отвергла его. Когда Эстебан пнул одного из детей на дне рождения Скай, Виктор не смог скрыть своего ликования. Он схватил Эстебана за воротник, надеясь, что МаМаЛу последует за ним, умоляя отпустить, но она была слишком горда для этого. Виктору пришлось обломаться.

Обрезка грубой, кишащей сорняками травы, парочкой ножниц должна была сломать Эстебана, но мальчик не жаловался. Удовольствие от того, что он выбил зуб Гидеону Бенедикту Сен Джону, полностью затмило обиду. Плюс тот факт, что Уоррен пригласил его посещать классы вместе со Скай, заставлял его улыбаться, несмотря на то, что его колени и локти были красными и потертыми, когда он закончил работу.

Виктор больше всего на свете хотел согнать эту ухмылку с лица Эстебана, но у него были дела. Большие дела. У Уоррена была назначена встреча с Эль-Чарро, легендарным наркобароном, который управлял дочерней прибылью картеля Синалоа. Это была его первая встреча лицом к лицу с *капо*, и Виктор должен был обеспечить охрану. Эль-Чарро путешествовал с личными телохранителями, но Виктору нужно было убедиться, что все пройдет гладко, и что в главном доме ни кого не будет. До сих пор никто не мог подтвердить связи Уоррена с картелем, и поэтому было важно, чтобы не было никаких свидетелей

встречи.

В день встречи, люди Виктора были расставлены у главного входа и по всему периметру. Уоррен ждал этого дня шесть лет. Он *должен* убедить Эль-Чарро освободить его от обязанностей в картеле, но это будет нелегко. Никто еще не вышел сухим из воды.

Уоррен взял в руки фотографию, сделанную в день его свадьбы с Адрианой, и улыбнулся.

Я скучаю по тебе, малышка.

Он услышал смех в комнате Скай и поставил рамку на место.

Я освобожу ее от всего этого, Адриана. Как бы сложно ни было. Я обещаю.

— МаМаЛу, — он постучал в дверь спальни Скай. — Я жду важного гостя, — сказал он когда она открыла дверь. — Убедитесь, что ты и Скай будете здесь до окончания встречи. Нас не должны беспокоить. Ни при каких обстоятельствах.

— Хорошо, сеньор Седжвик, — МаМаЛу смотрела, как он спускался вниз по лестнице.

Он вышел вместе с Виктором, чтобы встретить автомобиль, который только что подъехал.

МаМаЛу уже собиралась закрыть дверь, когда появился Эстебан с карандашом и блокнотом в руке. Она забыла сказать ему, что урок с мисс Эдмондс отменили.

— Эстебан! — она помахала ему с лестницы. — Иди домой. Сегодня нет уроков. И убедись, что сеньор Седжвик тебя не видел. Никого не должно быть здесь. Ты меня слышишь?

— Хорошо. — Эстебан не знал, к чему эта вся суета, но когда МаМаЛу говорила таким тоном, то лучше слушаться.

МаМаЛу вернулась в комнату к Скай и закрыла дверь. Мгновение Эстебан обдумывал, сможет ли прокрасться наверх, но в этот момент входная дверь распахнулась, и Уоррен вошел вместе с группой людей. Эстебан не хотел больше попадать в неприятности и поэтому побежал в столовую. Он залез в свой тайник, ожидая, что они пройдут мимо в другую комнату, но они остановились и сели за стол. Виктор закрыл двери и стал рядом с Уорреном. Эстебан не мог разглядеть остальных мужчин, но видел их скрещенные ноги.

— Это большая честь, — сказал Уоррен. — Я не ожидал увидеть вас всех.

— Мы ведем бизнес на протяжении достаточно долгого времени. Вот и встретились, — сказал мужчина, сидящий возле Уоррена.

— Конечно. Могу я предложить вам выпить? — Уоррен поднялся и прошел к клетке. Эстебан услышал звон льда.

В тот момент дверь распахнулась и вбежала Скай.

— Эстебан! Я забыла сказать ему...

— Скай! — МаМаЛу бежала за ней, пытаясь остановить. — Извините, сеньор Седжвик.

В этот момент наступила гробовая тишина. Уоррен медленно развернулся к ней лицом. МаМаЛу оглядела стол и быстро отвела взгляд.

— Извините что беспокоили. Пошли, Скай. — она стала подталкивать ее.

— Но... — Скай обернулась, пытаясь разглядеть за отцом место, где прятался Эстебан.

— Возвращайся наверх, Скай, — голос Уоррена был вялым и тусклым. — Джентльмены, извините за неудобства, — сказал он после того, как МаМаЛу и Скай ушли.

Эстебану показалось, что тишина в комнате слишком затянулась.

— Вы нас скомпрометировали, — сказал мужчина, который говорил ранее.

— Это была няня моей дочери. Она работает здесь очень много лет. Ей можно доверять,

Эль-Чарро, даю слово, — ответил Уоррен.

Мужчина, что сидел рядом с Эль-Чарро, прошептал ему что-то. Остальные начали между собой переговариваться.

— Нам нужно больше уверенности в этом, особенно, если ты собираешься уходить. У нас есть твои условия ухода, но мы не можем разрешить никаких вольностей. Это не то, о чем мы беспокоимся, ты понял? У тебя есть маленькая дочь. Я уверен, что ты не хочешь, чтобы она была замешана в этом всем.

Уоррен начал что-то говорить, но понял, что лучше бы этого не делал. Эль-Чарро схватил его за яйца. И если он не сделает что-то с МаМаЛу, жизнь Скай будет в опасности. Также он знал, что одной из причин, почему Эль-Чарро не хотел отпускать его, был его свекр, отец Адрианы. Это он подергал за свои ниточки, что позволило ему и Скай покинуть страну, чтобы быть подальше от картеля.

— Я понимаю, — ответил он. — Я позабочусь об этом.

— Чем раньше, тем лучше, — сказал Эль-Чарро.

Их встреча продолжилась, но то, о чем они говорили, не имело никакого смысла для Эстебана. Он обрадовался, когда мужчины поднялись и пожали друг другу руки.

После того, как они покинули комнату, Уоррен подошел к Виктору.

— Эта ситуация с МаМаЛу. Позаботься об этом. Ничего... серьезного. Ты понял?

Виктор коротко кивнул и последовал за ним. Эстебан смотрел, как они уходили, он не понимал, что произошло, но знал, что должен рассказать об этом МаМаЛу. Он еще никогда не видел Уоррена Седжвика таким подавленным и угрюмым.

Эстебан дождался, когда в доме наступит тишина, прежде чем выбраться из убежища. Было уже темно, когда он пробрался к крылу для персонала. Тут он увидел Виктора, выходящего из их комнаты. Эстебан спрятался за деревом, когда тот прошел мимо. Странно, Виктор не навещал МаМаЛу с того момента, когда она выгнала его. Что-то происходило, и Эстебану это не нравилось. Он решил дождаться МаМаЛу, но уснул прежде, чем она пришла.

Она подоткнула ему одеяло и поцеловала в щеку. Ее сердце ушло в пятки от мысли, что он, наверное, лег спать голодным.

— *Mi chiquito*. *Mi Estebandido* (Мой защитник, мой Эстебандидо).

МаМаЛу завела будильник на раннее утро. Она собиралась приготовить ему большой завтрак. Пан-де-йема, мягкий хлеб, приготовленный на яичных желтках, опущенный в пропахший корицей горячий шоколад.

Но Эстебан так и не получил свой завтрак. Он проснулся от того, что кто-то светил фонариком ему в лицо. Была ночь, и комната была наполнена мужчинами в темной одежде.

— Эстебан! — он услышал, как МаМаЛу кричала, но был ослеплен.

— МаМаЛу! — он подскочил на ее голос, но они уже тащили ее прочь.

Кто-то схватил его за шиворот. Эстебан изо всех сил пытался освободиться, но все, что он мог сделать, это смотреть, как ее посадили в машину и увезли.

— Ты пойдешь со мной, — сказал Виктор.

— Куда они забрали МаМаЛу? — Эстебан освободился от хватки и уставился на него.

— Если хочешь увидеть ее снова, делай, как я скажу. *Понял?*

Эстебан кивнул. Он знал, что все это из-за того, что произошло сегодня днем, поэтому прошел с Виктором в другую машину.

— Я везу тебя к твоему дяде, Фернандо. Ты побудешь там, пока ситуация с МаМаЛу не решится.

— Какая ситуация? — Эстебан укутался плотнее в свою пижаму, когда они проезжали мимо густых деревьев в Паза-дель-Мар. Он оставил свои ботинки в доме.

Виктор не ответил.

Когда они приехали к Фернандо, Виктор сказал ему ждать снаружи. Эстебан мог слышать, как двое мужчин разговаривают. Фернандо вышел. Он него пахло мочой и дешевым спиртным.

— Посмотри, что сеньор Седжвик дал мне, чтобы я ухаживал за тобой, — у него в руках была пачка денег. — Иди, мой маленький джек-пот. Иди и позволь себя обнять.

Эстебан прошел мимо него в дом. Он ненавидел все, что касалось этого дома — темноту, холодный цементный пол, воспоминания о нем и МаМаЛу, которые прятались в их комнате. Почему Уоррен отправил его сюда?

— Где МаМаЛу? — спросил он Виктора.

— Твоей матери нужно было принять мое предложение, но она не считала меня хорошей партией. И теперь она там, где заслуживает быть, и никто ее не защитит, — от его улыбки у Эстебана по коже пошел озноб.

— Скажи мне, где она! — крикнул Эстебан ему вслед.

— Закрой свой рот! — Фернандо приложил руки к ушам, успокаивая вечное похмелье. Он сложил пачку денег, которую ему дал Виктор, и направился прочь. — Иди спать. Твою мать доставили в Вальдеморо, и ты ничего не сможешь с этим поделать.

Вальдеморо.

Эстебан был в ужасе. Вальдеморо был женской тюрьмой, в паре километров от Паза-дель-Мар. Эстебан не знал, почему они забрали ее, и как долго она будет там. Он открыл дверь в свою бывшую комнату и упал на кровать. Матрац был тонким, простыни износившимися. Он сомневался, что Фернандо стирал их с того момента, когда он и МаМаЛу уехали в Каса Палома. Новая работа МаМаЛу казалась благословением в то время но теперь Эстебан понял, что это было началом катастрофы, которую никто из них не предвидел.

Тюрьма Вальдеморо представляла собой бесконечную бетонную стену, увенчанную колючей проволокой и сторожевыми башнями. В центре находились тяжелые металлические ворота, через которые бронированные машины въезжали и выезжали из здания. В дальнем конце была пристройка — тоскливый маленький уголок для посетителей. Он выглядел неуместно, слово случайно попавший сюда вагон огромного серого поезда.

Эстебан ощущал себя маленьким и беспомощным, стоя в тени зловеще нависающей стены. Строгие офицеры со снайперскими винтовками оккупировали башни. На главных воротах вооруженные охранники патрулировали заграждение без единого окошка. МаМаЛу была где-то за этим несокрушимым фронтом, и Эстебан должен был найти путь, чтобы освободить ее.

Эстебан отстоял длинную очередь у гостевых ворот. Когда подошла его очередь, охранник обыскал его дважды.

— Извините, — сказал Эстебан, подойдя к следующему охраннику, — я здесь, чтобы увидеть свою маму.

Но охранник притворился, что не услышал его. Эстебан провел весь день, слоняясь вокруг, но не сдался. Когда охранники сменились, его надежда возросла, но и они тоже игнорировали его.

— Эй, — мужчина, ожидавший здесь своей очереди почти так же долго, как и Эстебан, подал ему бумажный кулек, наполненный жареным арахисом, — они не впустят тебя, пока ты не заплатишь.

Эстебан уставился на него.

— Иди домой, мальчик, — мужчина отряхнул штаны и поднялся, — ты теряешь время.

Вечером, когда очередь иссякла, он пытался опять пройти. Эстебан был уверен, что если будет ждать достаточно долго, один из охранников пропустит его, но в этот раз ему попался настолько злой, что даже погнался за ним с дубинкой.

Эстебан пробовал назавтра. И на следующий день. И на следующий день после этого дня. В конце концов, один из охранников решил снизойти до него.

— Имя заключенной?

— Мария Луиза Альварес.

— Твое имя?

— Эстебан Самюел Альварес.

— Ты принес мне обед? — спросил мужчина.

— Обед?

Мужчина скрестил руки и нахмурился.

— Я наблюдаю тебя здесь уже давно. Неужели ты еще не понял? Кто заплатит за мой «обед»?

Эстебан внезапно понял, как это работает.

— Как много стоит... твой «обед»?

— Триста пятьдесят песо, *амиго*. И ты можешь видеться со своей мамой каждый день на протяжении месяца.

— А сколько за один день?

— Столько же.

— Пожалуйста. У меня нет денег. Просто позвольте мне увидеться с ней. Завтра я вернусь с дядей. Я принесу тебе «обед» и... — сказал Эстебан.

— Нет денег — нет *madre*, — и охранник прогнал его прочь.

Подошла очередь следующего. Эстебан смотрел, как женщина что-то тайно передала охраннику. Совершенно точно, все знали о правиле. Эстебан вспомнил о большой пачке денег, которую Виктор отдал Фернандо.

Вернувшись домой, он наткнулся на Фернандо, который уже вырубился в луже из собственной слюны.

— Фернандо, — он пытался поднять его, это было бессмысленно. Он нашел только пару монет в его куртке, видимо Фернандо пропил все деньги, которые имел.

— Нет, нет, нет! — Эстебану хотелось разрезать его, чтобы вырвать эти триста пятьдесят песо из его черной, пропитанной ликером печени. Он обыскал весь дом, но ничего не нашел, даже банки фасоли, которую он смог бы продать за приличные деньги.

У Эстебана не было другого выхода, кроме как обратиться к единственному человеку, который мог бы помочь ему — к Уоррену Седжвику.

«*Присмотри за этим*», — сказал бы он Виктору, как тогда, когда Эстебан выбил зуб Гидиоту.

Эстебан был уверен, что Уоррен вмешался, если бы знал, какое наказание дал ему Виктор, и был уверен, что вмешается, если узнает, как Виктор «присматривает» за МаМаЛу. Он верил, что отец Скай был честным человеком. Он пытался защитить МаМаЛу от Эль-Чарро, человека, лица которого он никогда не видел. Уоррен посылал деньги, много денег, чтобы об Эстебана заботились, пусть он и не знал, что Фернандо был грязным, гнилым алкоголиком. Эстебан был уверен, что если бы Уоррен узнал, то освободил бы МаМаЛу из Вальдеморо.

Дорога от дома Фернандо до Паза-дель-Мар, в Каса Палома, занимала тридцать минут. Эстебан бежал всю дорогу, его ступни все были в порезах от маленьких зазубренных камней, которыми была усыпана дорога сквозь джунгли, но его вела надежда. Он бежал сквозь густую листву, прикрывая лицо руками от хлещущих веток, пока деревья, наконец, не расступились, и Эстебан не увидел перед собой ворота Каса Палома.

Он застал Уоррена и Скай садящимися в их серебристый Пежо. Водитель выезжал с объездной дороги. Когда появился Эстебан, только-только открылись кованые железные ворота.

— Подождите! — он побежал за автомобилем, по грязной дороге, которая вела из Каса Палома. Колеса оставляли облака пыли позади. Легкие Эстебана наполнились сухой мелкой пылью.

— Скай! — закричал он.

Она обернулась и посмотрела на него сквозь облако песка и пыли.

— Стойте! Скай! — он замахал, остановившись от острой боли, резанувшей его в бок. Он согнулся, чтобы облегчить ее хоть немного.

Скай отвернулась, и машина поехала дальше по дороге.

— Скай, — прохрипел он, падая на колени.

Капли пота падали с его бровей и смешивались с землей.

Эстебан не понимал, почему Скай не попросила своего отца остановиться. Он не видел ее с той ночи, когда МаМаЛу забрали. Спрашивала ли она, где он? Скучала ли она по нему?

У Скай должна была быть причина, и когда они вернутся, она расскажет ему. Эстебан решил подождать. Чем раньше он поговорит с Уорреном о МаМаЛу, тем раньше он заберет ее.

Эстебан вернулся обратно к воротам. Он видел, как Виктор закрывал их цепями и замком. Виктор.

Он ответственен за это. Он отправил МаМаЛу в тюрьму. Гнев и ненависть Эстебана закипели с двойной силой. Он забыл, что он всего лишь двенадцатилетний мальчик, и идет против наемного охранника. Он забыл, что даже Блонди и Брюс Ли не связывались с такими мешками дерьма. Он забыл все, кроме того, что Виктор был причиной тому, что МаМаЛу сейчас в Вальдеморо.

— Виктор! — у Эстебана было преимущество в неожиданном нападении, и он практиковал высокие удары ногами и руками в течение нескольких месяцев. Он нацелился прямо в торс Виктора.

— Гребаный выродок, ты спятил? — Виктор отшатнулся, и цепь лязгнула по створке ворот. — Я думал, что тебе велено оставаться у Фернандо. Ты должен научиться слушать! — он обошел Эстебана.

Борьба была недолгой. Эстебан закрыл глаза, когда почувствовал удары по спине и груди. Когда он упал на землю, Виктор пнул его в живот.

— Иди домой, маленькое дерьмо, — сказал он.

Но Эстебан покачал головой, прижимая к животу руки.

— Я не уйду, пока не поговорю с сеньором Седжвиком.

— Ты думаешь, ему не насрать на тебя? Ты думаешь, что он вернет МаМаЛу обратно? — Виктор засмеялся. — Жалкий, наивный *бастард*. Ты нужен этим богатым *гринго*, как вчерашняя газета.

— Неправда! — лицо Эстебана было покрыто грязью, и когда он вытирал слезы, они оставляли коричневые следы у него на щеках. — Скай мой друг.

— Действительно? — Виктор покачал головой в притворном сожалении. — Скажи мне, твой *друг* попрощался с тобой? Сказала ли она, что уезжает и никогда не вернется?

— Ты врешь. Ты грязный, подлый лжец!

— Жди тогда. Жди, и твой «*друг*» и ее отец вернутся, чтобы спасти тебя.

Эстебан очень устал, и у него слишком болело тело, чтобы драться, когда Виктор пошел прочь. Он был в синяках и побоях снаружи и кипел от гнева и стыда внутри. Он ощущал себя слабым, беспомощным, убитым. Он лежал, скорчившись, у закрытых ворот, под палящим солнцем.

Прошло уже много часов, но Эстебан ждал. Было тихо. Слишком тихо. Никто не помог ему, никто не открыл ворота. Где охрана? Где садовник? Эстебан отказывался верить в то, что они все ушли. Он знал, что Скай не уйдет не сказав «прощай». Он *знал*.

Когда звезды сменили солнце, Эстебан похромал к входу и заглянул через ворота. Огни не освещали путь к крылу прислуги, он оставалось в темноте. Эстебан перелез через забор, поднялся по дереву к окну Скай и попытался открыть его — как оказалось, оно все еще было не заперто.

Эстебан включил свет и огляделся. Странное ощущение — быть в комнате Скай без нее самой. Он чувствовал себя не в своей тарелке. Ее кровать была заправлена, но шкаф выглядел так, словно кто-то собирался в спешке. Все ее любимые книги и одежда пропали. Он посмотрел на пол и обнаружил, что он был завален бумажками — магическими,

мифическими существами, которые он создавал из самых ярких бумажек, какие только мог найти. Они были небрежно разбросаны. Некоторые из них были растоптаны, разорваны на уродливые бесформенные куски.

Эстебан поднял оригами скорпиона. Ему потребовалось много времени, чтобы сделать все сгибы правильно. Тело было плоским, но жало смотрело вверх. Он думал о том, что сказал Виктор. Возможно, он был прав. Возможно, Уоррену плевать на них с МаМаЛу. Так же, как и Скай. Видимо, он и МаМаЛу были как эти бумажки — правильные и нужные до определенного момента, а потом растоптанные по пути к новому.

Эстебан отбросил скорпиона прочь, морщась от боли в тех местах, на которые пришлись удары Виктора. Он выглянул в окно и увидел молодую луну, отражавшуюся в зеркальной глади пруда. Он вспомнил, как Скай ворочалась в кровати и МаМаЛу рассказала им историю о загадочном лебеде, который скрывался в прудах Каса Палома. Лебеде, который появляется только однажды, во время растущей фазы луны.

«Если ты увидишь его хотя бы мельком, ты вскоре отыщешь величайшее сокровище», — сказала она.

Эстебан не верил ей тогда и не верил и сейчас. Это все было придумано — вся магия, все ее истории, все счастливые концы. Они все были пустышками, бессмысленными и лживыми. Его отец не был отличным рыбаком. Он никогда не любил МаМаЛу. МаМаЛу врал. Скай никогда не была его другом.

Ты думаешь, Уоррену Седжвику не насрать на тебя? Ты думаешь, он освободит МаМаЛу? Ты нужен этим богатеньким гринго, как вчерашняя газета.

Это была холодная, жестокая правда.

Эстебан выключил свет и постоял один в крошечной темноте. Вылезая из окна комнаты Скай в ту ночь, он оставил кое-что в ее спальне — свое детство, свою невинность, свои яркие наивные идеалы — все они были отброшены им как те бумажки на полу, как разорванные бумажные мечты.

Эстебан сидел на бетонной лестнице «Ла Сомбра», одного из маленьких ресторанчиков в Паза-дель-Мар. Жестяная крыша защищала его от проливного дождя. Он смотрел на воду, бегущую ручьями вниз по грязной улице. В ней отражались желтые огоньки керосиновых ламп, которые освещали вывески еще закрытых магазинов. В колонках звучала мелодия Луиса Мигеля «La Vikiña», о красивой, женщине со шрамом, чья боль была настолько глубокой, что вызывала ручьи слез.

— Эй, мальчик! — позвал мужчина из глубины ресторана.

Эстебан обернулся.

— Я?

— Да. Ты голодный? — спросил тот.

Эстебан заметил, что мужчина разглядывает его. Наверное, это потому, что его лицо было опухшее и хмурое. Было очевидно, что он дрался.

— Хуан Пабло, — мужчина позвал официанта, — принеси мальчишке отбивную и что-нибудь попить. Как тебя зовут?

— Эстебан.

Мужчина кивнул и продолжил уплетать еду за обе щеки, запивая ее *Michelada* — пивом с лимоном и специями. У него было детское лицо, на котором нелепо смотрелись густые брови, из которых топорщились серые непослушные волоски. Его волосы черные как уголь, похоже, крашенные, были зачесаны назад. На вид ему было под пятьдесят, может, чуть больше. Полированная деревянная трость лежала рядом на столе. Она была глянцево-черной, и золотой наконечник сверкал как блестящее обещание в этой захудалой столовой.

Эстебан сел напротив. Его живот заурчал, когда он увидел ужин мужчины. Красные энчилады, фаршированные сыром и покрытые соусом. (*Примеч. Энчилáда (исп. enchilada, дословно «приправленная соусом чили») — традиционное блюдо мексиканской кухни, тонкая лепешка, в которую завернута начинка*). Официант принес ему теплые кукурузные лепешки, чашу зеленых халапеньос и свежую воду. (*Примеч. (исп. jalapeño) — сорт перца чили*). Он заставил себя есть медленно, растягивая время, пока не принесли ужин — два больших куса телятины, которые выглядели, словно уши слона.

Они ели в тишине за пластмассовым столиком, слушая дождь и музыку, в то время как Педро Инфанте и Мария Феликс, звезды мексиканского кино, смотрели на них с плаката со стены, сплошь изрешеченной пулями. Каса Палома давала Эстебану спасение от реальности, раскинувшейся за ее железными воротами, но теперь он окунулся в другой мир. И ему придется не только заботиться о себе самому, но и найти путь к освобождению МаМаЛу.

Мужчина прикончил энчиладу и развернул газету. Он посмотрел заголовки и хмыкнул.

— Эй, Хуан Пабло. — Когда официант пришел, чтобы забрать тарелку, он ткнул пальцем в текст. — Бабах! — сказал он, имитируя руками взрыв. Оба мужчины рассмеялись.

Дождь перешел в мелкую морось, когда Эстебан закончил свой ужин. Было бы неловко просто уйти, и не сказать «спасибо» за неожиданно проявленную этим мужчиной доброту, поэтому Эстебан задержался. Он не горел желанием бежать домой к дяде Фернандо.

— Тяжелый день? — спросил мужчина.

Эстебан не ответил. Синяк вокруг его глаза увеличился почти в два раза.

— Камилла, — позвал мужчина низенькую, крупную женщину с кухни. На ней был надет фартук, испачканный красным соусом и помидорами. — Принеси мальчику лед.

— Спасибо, — сказал Эстебан, когда она протянула ему маленький сверток со льдом, укутанный в полотенце. Он постарался не ойкнуть, когда приложил его к глазу.

— Хочешь заработать немного денег, мальчик? — спросил мужчина. Ему не нужно было ждать ответа. Лицо Эстебана сказала все за него. — Пятнадцать песо, — продолжил он. — Оставь эту газету в урне возле статуи Архангела Михаила. Знаешь где это?

Эстебан кивнул. Он наблюдал, как мужчина наполнил пустую пластиковую бутылку белым порошком и завернул ее в газету. — Встретимся здесь завтра ночью, и я заплачу тебе. Ты понимаешь?

— Да.

Эстебан знал, что то, что он делает — это неправильно, но пятнадцать песо. Еще очень далеко до трехсот пятидесяти песо, которые ему нужны, чтобы увидеть МаМаЛу, но это хороший старт.

Он взял газету. Ему некуда было ее спрятать. Он все еще был одет в то, что и в ту ночь, когда забрали МаМаЛу — зеленая футболка с обезьянками и ярко-желтыми полосками. «Мастер разрушений» было написано в кривом смайлике под ними. Шорты были того же зеленого цвета, только с узором из бананов.

Путь к вилле был пустынный. Люди сидели дома, смотрели свои ночные сериалы. Дожди превратили улицы в болото, и Эстебан с благодарностью ступал по прохладной влажной земле своими усталыми, покалеченными ногами.

Церковь Архангела Михаила была в конце деревни Паза-дель-Мар. Белое здание окружали цитрусовые сады, пальмы и фонтаны. Позади находилось кладбище. Надгробия стояли, словно стражники в темноте. МаМаЛу приводила его сюда каждое воскресенье, когда они жили с Фернандо. Эстебан помнил мерцающие свечи, деревянные иконы и запах старого ладана, но больше всего он помнил, как крепко МаМаЛу держала его за руку, когда они сидели на скамье под высокими сводами.

Блестящая белая статуя Архангела Михаила стояла возле входа. Местные говорили, что он плюет на головы грешников, проходящих через главный вход. МаМаЛу всегда водила его через боковой.

Эстебан отыскал урну, о которой сказал ему мужчина. Она была около метра высотой, сделана из мрамора и наполнена папоротником и цветами. Он бросил газету в узкий зазор между вазоном с цветами и урной. Потом развернулся и пошел домой.

В следующую ночь, когда Эстебан вернулся в «Ла Сомбра», чтобы получить свои пятнадцать песо, мужчина дал ему еще один сверток для доставки. Скоро Эстебан делал регулярные поставки. Иногда это были незнакомые люди, на седанах с тонированными стеклами, иногда это были красивые женщины, которые приглашали его внутрь громких накуренных домов. Иногда он получал больше денег, иногда меньше, но он никогда не спрашивал мужчину из ресторанчика ни о чем, только всегда благодарил.

Каждую ночь, Эстебан считал свои деньги.

Пятнадцать песо.

Пятьдесят.

Сто сорок песо.

Мужчина из кантины не приходил каждую ночь. (*Примеч. (исп. Cantina) — бар, подвальный кабачок, таверна*). Иногда он пропадал на недели. В такие ночи официант или повар, Хуан Пабло или Камилла, приносили ему тарелку цыпленка в зеленом соусе, или фрикадельки с хлебом, или то, что у них оставалось. Эстебан расплачивался мытьем посуды, уборкой столов, подметал зал в конце ночи. Другие ресторанчики всегда были забиты, хотя он считал, что до стряпни Камиллы им было очень далеко. Когда он смотрел, как она суетится на кухне, вытирая руки об фартук, он скучал по своей матери так сильно, что приходилось бросать работу и уходить. Он стоял рядом, в темном переулке между «Ла Сомбра» и рыбным магазином, глубоко дыша, пока не успокаивался.

Каждый день он возвращался к Вальдеморо и сидел в тени на другой стороне улицы, там, где располагались продавцы. Эстебан был осторожен со своими деньгами. Он покупал любимый жареный арахис, и когда солнце припекало, он позволял себе баночку Кока-Колы. Также купил себе пару футболок, шорты и обувь. И у него было готово объяснение, откуда они взялись, если Фернандо спросит. Но тот никогда не обращал внимания, и Эстебан был достаточно аккуратен, чтобы прятать свою добычу.

Однажды вечером, когда Эстебан сидел возле тюрьмы, ему показалось, что он услышал голос МаМаЛу из-за холодных серых стен. Ее голос перекрывал играющий весь день бумбокс. Она пела «Mexico Lindo у Querido».

И пусть эта песня была о тоске по дому и всему дорогому и знакомому, это утешило Эстебана. Прошло чуть более трех недель с тех пор, как он видел МаМаЛу в последний раз но пока она поет, он знал, что все в порядке.

Эстебан продолжать работать на человека из кантины. Он начал присматриваться к поручениям. Зеленые самокрутки продаются дешевле, чем прозрачные кристаллы, которые выглядели как стекло. Он начал брать задания, которые становились все более и более опасными. Были времена, когда он встречался лицом к лицу со сверкающим лезвием ножа, когда ему приходилось бежать, чтобы спасти свою жизнь. Мужчина из кантины не радовался тому, что он терял товар, и заставлял Эстебана оплачивать его. Вскоре Эстебан был должен больше, чем заработал, и он обнаружил, что запутался в паутине и не может из нее выбраться. Недели превратились в месяцы, но мысль о встрече с МаМаЛу держала его на плаву. Триста пятьдесят песо накопить оказалось гораздо сложнее, чем Эстебан думал, но в один прекрасный день ему это удалось. *Почти*. Ему нужно было сделать еще один рывок.

Когда в ту ночь Эстебан возвращался домой, он был в восторге. Завтра он увидится с МаМаЛу. Его сердце ушло в пятки, когда он вытащил шатающийся кирпич из забора, за которым он прятал заработанное, но там ничего не было.

Все его сбережение пропали.

Пальцы Эстебана нащупали пустоту жесткого пространства.

— Эстебан, присоединяйся ко мне, — Фернандо привалился к двери, размахивая пустой бутылкой из-под текилы.

Эстебан сжал кулаки, чтобы не взорваться. Он знал, что бессмысленно обвинять его в краже денег, знал, что бессмысленно спорить. Его дядя ничего не помнил и не заботился ни о чем, кроме того, чтобы получить очередной стакан спиртного.

Эстебан засунул заработанные этой ночью деньги в карман. Его глаза жгли слезы, которые он не смог пролить. Он вернулся туда, откуда начал. Ему хотелось что-то разбить, кого-то ударить, схватить Фернандо за шею и душить, пока его остекленевшие глаза не выпадут из орбит. Он будет топтать их, и они будут на ощупь как мягкие, влажные виноградинки.

Фернандо зашел внутрь и плюхнулся на диван, пустая бутылка текилы выпала из его рук. Эстебан прошел мимо него и пошел в свою комнату.

Он должен найти способ заработать больше денег. Он поговорит с человеком из кантины в следующий раз, когда будет в городе. Отправляясь спать, Эстебан привязал деньги к груди. И если Фернандо хочет его деньги, ему придется прийти и взять их.

Эстебан начал брать больше обязанностей от человека из кантины. Он докладывал о том, что видел за пределами тюрьмы, описывал охранников и заключенных, которые входили и выходили, записывал время, когда бронемашина приезжала и когда сменялись охранники в башнях. Он записывал имена чиновников, которые приезжали, и номерные знаки их автомобилей. Эстебан не знал этого, но теперь он был частью членов *хальконес* — «соколов» — мелкой сошкой в наркокартеле, ушами и глазами этой организации. Все, что Эстебану нужно было знать — то, что его записи принесут ему больше денег, а больше денег означает, что он увидится с МаМаЛу раньше. По вечерам он продолжал делать работу, которую давал ему человек из кантины.

— Ты знаешь, во что ты ввязался, пацан? — спросил Эстебана однажды Хуан Пабло, официант из «Ла Сомбра».

Они сидели на лестнице. Хуан Пабло курил красные «Мальборо». Он и Камилла полюбили Эстебана. Он был хорошим ребенком, который попал в плохой бизнес.

— Ты знаешь, почему никто не приводит свою семью, друзей, девушек и детей в кантину? — спросил Хуан Пабло. Он позволил своему фартуку сползти набок, и Эстебан увидел пистолет в кобуре у него на поясе.

— Человек, на которого ты работаешь — владелец «Ла Сомбра». Он не платит мне за работу в кухне. Он платит мне за защиту. Это место для бизнеса. Встречи, сделки. Ты понимаешь?

Эстебан кивнул. И хотя в основном он работал с Хуаном Пабло и Камиллой, он о многом догадывался. Но он почти достиг цели. Он не мог остановиться.

— У всех есть свои причины, — Хуан Пабло смахнул пепел с сигареты. *Причины ввязаться и испачкать руки.* — Какая у тебя?

— Моя мама. Она в тюрьме, но она невиновна.

— Здесь каждый виновен, пока не доказана невиновность. Ты идешь в тюрьму и ждешь суда. И если кто-то приложил руку к тому, чтобы задержать тебя там — ревнивый парень, бизнес-партнер — это будет длиться вечно. Не верь никому, Эстебан. Ни полиции, ни судьям, ни охранникам. Они все хотят лакомый кусочек.

«Не надейся ни на что», — посоветовал ему Хуан Пабло.

Эстебан убрал волосы со лба. Надежда — это все, что он имел, и если деньги смогут открыть замок на двери МаМаЛу, он достанет их.

В «Ла Сомбра» был еще один человек, он сидел за столом с человеком из кантины. Они говорили шепотом. Ну, человек говорил, мужчина из кантины слушал. Эстебан обошел кантину и вошел на кухню. На плите что-то давно кипело, и кастрюля почернела от копоти.

Эстебан выключил горелку и подошел к окну обслуживания, через которое Камилла подавала блюда Хуану Пабло. Он подкрепился кукурузными чипсами, ожидая, когда незнакомец уйдет. У человека из кантины было много встреч, когда он был в городе — разные люди, разное время.

Эстебан высунул голову в окно, надеясь увидеть Камиллу или Хуана Пабло. Их не было, но кто-то разбрызгал кетчуп по стенам и столу. Эстебан взглядом прошелся по пятнам и замер. Не кетчуп. *Кровь*.

Камилла лежала на полу, рядом Хуан Пабло. Они оба были застрелены в голову. Лицо Хуана Пабло было искажено, глаза открыты. Пистолет, который он только наполовину успел вытащить из кобуры, лежал рядом.

Незнакомец держал в руке пистолет, направленный прямо на человека из кантины. Он положил его на стол, и со стороны все выглядело так, словно двое мужчин просто ужинают, но его палец был на курке. Суставы человека из кантины побелели, когда он сжал трость.

Эстебан знал, что ему нужно отступить, вернуться тем путем, каким пришел, и бежать отсюда со всех ног. Он знал, не стоило заходить на кухню, подбирать пистолет Хуана Пабло и вытирать его, чтобы он не выскользнул из его рук. Он знал, что не должен прицеливаться в голову человека и пытаться удержать дрожь в руках.

Эстебан знал все это, но все, что он видел — это то, что незнакомец убил Камиллу и Хуана Пабло. Он видел, как этот мужчина целится в человека из кантины. Видел, как пуля вонзается в тело человека из кантины, заливая кровью единственный шанс Эстебана увидеться с матерью. Эстебан видел, как *пятнадцать песо* разлетаются вокруг. Он видел тюремного охранника, который просил свой «обед». Видел самого себя, сидящего в тени тюрьмы, день за днем, всегда рядом, всегда близко, и щелкающего орешек за орешком, как гребаный идиот.

Он нажал на курок. Отдача от выстрела оттолкнула его прямо на один из столов.

Эстебан не знал, попал ли он в человека, сидящего на стуле. Но вот тот опрокинулся и упал на пол. Поток крови полился из его затылка.

Человек из кантины и Эстебан посмотрели друг на друга.

Дерьмо!

Эстебан выронил пистолет, будто тот обжег ему руку. В ушах звенело от громкого *хлопка* выстрела.

Человек из кантины подошел к нему и поцеловал в обе щеки.

— Я только хотел увидеться с мамой, — Эстебана трясло. Он не мог поверить, что он только что убил человека. — Я только хотел увидеться с мамой.

Человек из кантины поднял пистолет и вытер его. Потом положил обратно в руку Хуана Пабло.

— Я отведу тебя к ней, — сказал он.

Он сделал несколько звонков. Через несколько минут черная машины подъехала ко входу.

— Где твоя мать, мальчик? — спросил человек из кантины. Он подтолкнул Эстебана к

заднему сиденью.

— Вальдеморо. Но они не пускают никого в это время.

Сирена полицейского автомобиля завизжала возле остановки к кantine. Два полицейских в форме вышли из машины.

Человек из кантины опустил окно.

— Позаботитесь об этом.

Когда машина сдвинулась с места, Эстебан увидел, как полисмены застилают заднее сиденье своего автомобиля мусорными мешками и забрасывают туда три мертвых тела.

— Хуан Пабло... Камилла... — Эстебан не узнал свой голос. Он чувствовал себя так, будто из него вытряхнули тело и душу. Его друзья мертвы, и он убил человека.

Человек из кантины не проронил ни слова. Он постучал тростью по стеклянной перегородке между задним сиденьем и водителем.

— Вальдеморо. Поехали!

Вальдеморо казался ночью еще массивнее. Без шума и суеты продавцов и посетителей он выглядел словно огромный корабль-призрак, плывущий в никуда. Прожекторы светили по всему периметру, и кто-то в башне направил один прямо на машину человека из кантины.

Водитель вышел и окликнул женщину из числа охранников.

— Конча!

Она подошла к машине и поприветствовала человека из кантины.

— Проводи этого молодого человека внутрь. Он здесь, чтобы увидеться с матерью, — сказал он.

— Да, сеньор. Пожалуйста, пройдемте со мной, — она нажала на кнопку у огромных металлических ворот и они поднялись с громким гремящим звуком.

И все, Эстебан был внутри. Никакого ожидания в очереди, никаких денег на «обед», никакой регистрации.

— Как зовут твою мать?

— Мария Луиза Альварес.

Сердце Эстебана было готово выпрыгнуть из груди. Он хотел причесаться. Он хотел выглядеть хорошо для МаМаЛу.

— Моя футболка чистая? — спросил он у Кончи.

Видно ли что-то, похожее на кровь? Пожалуйста, не говорите, что там есть кровь. Я не хочу позориться перед своей мамой кровью человека, которого я только что убил.

— Мария Луиза Альварес! — прокричала Конча, когда они прошли через узкий туннель и вошли в огромное открытое пространство. Разные комнаты окружали тюремный двор: общие спальни, мастерские и тюремные камеры. Почти никто не был заперт в камере. Женщины и маленькие дети, одетые в потертую уличную одежду, выглядывали из окон спален.

Конча поговорила с женщиной в темной военной форме. Та исчезла в офисе и начала рыться в шкафчиках в кабинете.

— Вы ищете Марию Луизу Альварес? — спросила одна из заключенных.

— Да, — сказала Конча.

Заключенная долго смотрел на Эстебана, прежде чем позвать их в свою комнату.

Женщины соорудили себе отдельные комнаты в этом огромном пространстве, используя палки и одеяла. У некоторых были узкие двухъярусные кровати, у других — принадлежности для готовки, у третьих — полки для одежды, но все женщины разместились

на грубом цементном полу, словно фрагменты мозаики. Дети сосали молоко из груди матерей, пока остальные спали на самодельных матрасах. Воздух был затхлым, вокруг стоял запах масла для волос, мочи и пота.

— Мария Луиза Альварес, — женщина подошла к своему месту и вручила мальчику металлическую коробку. Она была зеленой, с красным кругом посередине, где было написано «Лаки Страйк», а под ним, золотистыми буквами «Сигареты».

— Нет, — сказал Эстебан. — Я ищу маму.

— Да, — заключенная толкнула коробку обратно в его руки, — *tu madre*.

Эстебан открыл коробку. Внутри были сережки, которые носила МаМаЛу, заколка для волос и обрывок газеты. Эстебан собирался захлопнуть коробку, но увидел заголовок. Он распрямил гофрированную бумагу и подошел к фонарю, чтобы прочитать.

«МЕСТНАЯ НЯНЯ ОБВИНЯЕТСЯ В ХИЩЕНИИ ФАМИЛЬНЫХ ДРАГОЦЕННОСТЕЙ»

Эстебан прочитал статью. Она была полна лжи о том, как МаМаЛу украла ожерелье Скай, и о том, как оно было найдено в ее вещах. В заявлении для полиции, уже после того, как ему вернули ожерелье, Уоррен Седжвик выразил свой шок и недоверие:

— *Мария Луиза была работником, которому мы доверяли, она была другом моей жены. Это ожерелье принадлежало Адриане и много значит для моей дочери. Мне очень тяжело осознавать, что няня Скай была способна совершить такое преступление против нашей семьи.*

Теперь все стало на свои места. Ночь, когда он видел Виктора, покидающего их комнату, была ночью, когда он оставил там ожерелье. Копы, которые пришли в ту ночь, чтобы забрать МаМаЛу, обо всем знали. Эстебан был наивным, но теперь он понял, как это работает.

«Ничего... серьезного», — сказал Уоррен Виктору.

Виктор обвинил МаМаЛу в преступлении, которое она не совершала, а Уоррен позаботился о том, чтобы она осталась здесь, для своего призрачного успокоения. Эстебан чувствовал, что был идиотом, бегущим к Каса Палома, надеясь на помощь Уоррена. Виктор следовал указаниям, которые отдавал Уоррен Седжвик.

Он был виноват в этом. Он и мужчина, которого зовут Эль-Чарро. Им пришлось защищаться, потому что МаМаЛу увидела их и всех остальных членов картеля, которые приехали в Каса Палома тем вечером.

«Разберись с этим», — сказал Уоррен, потому что не хотел пачкать руки; он никогда не хотел пачкать руки. Он собирался в спешке, чтобы его не поймали, если вдруг МаМаЛу проговорится, если Эль-Чарро поменяет свое намерение и не разрешит ему покинуть страну.

Они двое заставили МаМаЛу гнить в тюрьме.

— Где она? — Эстебан развернулся к охраннику. — Где моя мать?

— Конча, — надзирательница, которая искала документы, стояла возле входа и протягивала им листок бумаги.

Конча подошла к ней и прочитала написанное.

— К сожалению, — она посмотрела на Эстебана. — Мария Луиза Альварес мертва.

Это было нелепо. Эстебан рассмеялся.

— *Что?* Вы с ума сошли? Я слышал недавно, как она пела.

Он начал искать ее, отбрасывая в сторону все перегородки и занавески.

— МаМаЛу! — он ходил из спальни в спальню, оставляя позади себя испуганных плачущих младенцев. — Пой, МаМаЛу. Пой для своего Эстебандидо, так я смогу найти тебя.

Конча и надзирательница схватили его и вывели во двор.

— Прекрати! Твоя мать заболела туберкулезом и умерла от его последствий, — они держали перед ним бумагу. — Мы уведомили ее ближайших родственников, ее брата Фернандо, но никто не пришел. Ее похоронили вместе с другими невостребованными заключенными. Вот ее заключение и номер камеры.

Эстебан хотел, чтобы они заткнулись. С каждым словом становилось только хуже. Он хотел ослепнуть и оглохнуть. Он хотел вернуться, подобрать пистолет Хуана Пабло и приложить к виску.

— Нет.

— Нет.

— Нет.

Он повторял это снова и снова.

Ему было ненавистно то, как женщины смотрели на него из общих спален — кто-то с жалостью, некоторые с раздражением, но большинство пустыми, отрешенными взглядами. Они видели это бесчисленное количество раз. Заключенные должны покупать кровати, одежду, привилегии. Если ты не можешь позволить себе доктора, никто не придет проверить тебя. И здесь, в тесном пространстве, они видели все: СПИД, грипп, корь, туберкулез. Это место было рассадником для всех видов клопов и болезней, которые, если их не лечить, приводят к летальному исходу.

Конча подняла коробку, которую уронил Эстебан, и отдала ему. Маленький ржавый кусок олова — все, что осталось от его матери. МаМаЛу не курила, но это, пожалуй, единственная вещь, которую ей удалось раздобыть в этой чертовой дыре. Он удивился тому, как человек, который имел так много места в сердце, может оставить после себя только красно-зеленый металл, пахнущий табаком.

— *Mi madre está muerta*, — сказал он тихо, словно пробовал эти слова.

— Моя мать умерла! — прокричал он, осведомляя об этом всю тюрьму. Его голос отдавался от мрачных серых стен, окружавших двор.

Всем было наплевать. Никто не сказал ему. Никто не спросил, какие похороны она бы хотела. Положили ли они цветы ей в волосы? Знали ли они ее любимый цвет? Эстебан надеялся, что они хоронили ее в оранжевом платье цвета мандаринов. МаМаЛу была похожа на них — полна цедры, золота, солнечного света и горечи.

Он держал в руках ее сережки. Она всегда носила только их: два голубя, соединены клювом в серебряном круге. Эстебан больше всего на свете хотел услышать звон бирюзовых камушков, свисающих с обручей — они так звенели, когда МаМаЛу гонялась за ним. Он хотел быть плохим. Очень, очень плохим.

Возьми свой веник, МаМаЛу. Я обещаю, что сегодня не буду убегать. Мне жаль, что я не сделал это вовремя. Я пытался. Я пытался изо всех сил. Я делал плохие вещи. Я убил человека. Ты должна прийти за мной, МаМаЛу. Приди, потому что только ты можешь спасти меня. Только ты сможешь все исправить.

Но серьги МаМаЛу безжизненно лежали на его ладонях. Она не придет, чтобы спасти его, любить его или чтобы петь для него.

Эстебан ждал слез. Ему было все равно, если стражники на башнях, или женщины и дети увидят его. Он хотел высвободить бушевавшее внутри себя море горя и печали, но слез не было. Все, что он чувствовал, был гнев. Он хотел колотить бетонные стены, пока они не обрушатся и не уничтожат все. Всю беспомощность, несправедливость и предательство, что

превратили его сердце в холодный твердый камень. Эстебан не плакал, когда оно опустилось на дно его души, словно одинокий якорь, не плакал, когда следовал за Кончей по туннелю, возвращаясь в машину к человеку из кантины.

— Увиделся с матерью? — спросил тот.

— Моя мать мертва, — голос Эстебана был таким же грубым и проржавевшим, как коробка, которую он держал.

— Мне жаль, — человек из кантины сделал паузу. — У тебя есть семья?

Эстебан подумал об отце, который оставил его. Он подумал о пустой бутылке текилы, которая выкатилась из рук дяди. О друге, который оставил его в облаке пыли. Он думал об помятых бумажных зверьках и о трехстах пятидесяти песо, о Хуане Пабло и Камилле и разлагающейся мандариновой кожице.

— У меня нет никого, — сказал он.

Человек из кантины замолчал на мгновение.

— Ты спас мне жизнь сегодня. Я позабочусь о тебе. Теперь ты не Эстебан. Ты Дамиан — укротитель, убийца.

Да-ми-ан. Эстебану нравилось, как это звучит — словно это кто-то, кому все равно. Все, о чем он думал — это то, как свершить правосудие над Уорреном Седжвиком и Эль-Чарро, то правосудие, которое они не смогут подкупить, правосудие, в котором было отказано МаМаЛу.

Дамиан собирался отплатить им за то, что они сделали с его матерью.

Водитель человека из кантины отдал Конче пачку денег. Остальные охранники смотрели, готовые при необходимости схватиться за ножи.

— Куда едем, Эль-Чарро? — спросил водитель, когда вернулся в машину.

Эль-Чарро.

Имя, которое заставило каменное сердце Дамиана забиться в бешеном ритме. Он посмотрел на водителя, потом на человека из кантины, потом опять на водителя, словно больная, запутанная реальность пнула его.

Человек из кантины — это Эль-Чарро.

Дамиан спас жизнь человеку, который был ответственен за смерть его матери — одному из двух, которым он поклялся отомстить.

— Домой, Гектор, — сказал Эль-Чарро. — Мы везем Дамиана домой.

«Домом» оказался город Каборас, в трех часах езды от Паза-дель-Мар. И хоть у Эль-Чарро было много денег, он жил за большим забором, в туманных холмах вокруг Каборас, и даже если Дамиан спас его жизнь, он не собирался приглашать его в свой дом. Эль-Чарро не был настолько сентиментальным.

— Держи свой рот на замке и уйди на дно, пока я не позову тебя, — сказал он, когда они припарковались возле трехэтажного розового здания в одном из районов города, где жил средний класс. Оно выглядело безобидным, но это был один из безопасных домов, которые принадлежали картелю.

Дамиан понял. Не нужно рассказывать, что двенадцатилетний мальчишка спас Эль-Чарро. Репутация должна быть незапятнанной, мужественность должна остаться нетронутой, и Дамиан был рад подыграть, ожидая, пока не появится подходящая возможность.

Гектор, водитель, отвел его на второй этаж. Запах марихуаны пропитал помещение. Дюжина молодых мужчин лежали на диванах и смотрели телевизор.

— Эй, это ваш новый *compadre*, — представил его Гектор.

Они были больше заинтересованы в том, что шло по телевизору. Новенькие были самым слабым звеном — бесполезные и едва стоящие внимания.

Гектор провел Эстебану небольшую экскурсию и проводил его спальню, где трое мужчин спали на матрасах, выложенных в ряд.

— Отдохни немного. Тренировки начинаются завтра, — сказал он и вышел.

Дамиан лежал в темноте и слушал шум телевизора. Он положил коробочку МаМаЛу под подушку и гладил ее потертые края. Он не ощущал того покоя, которого жаждал. Становилось все хуже и хуже. Он собирался тренироваться. Он собирался научиться всему, чему Эль-Чарро может его научить, и потом он использует эти знания против него, чтобы уничтожить.

Эль-Чарро ненадолго оставил Дамиана без внимания. Новости о покушении начали вызывать разные слухи, и Эль-Чарро жаждал отправить послание своим врагам.

— Ты будешь сопровождать этого мальчика в церковь, — сказал Эль-Чарро, когда они ехали по Каборасу, городу из бетона и стекла.

Дамиан посмотрел на мальчика, который сидел между ним и Эль-Чарро. Он выглядел на девять-десять лет, и смотрел вперед отсутствующим взглядом. Пальцами он сжимал брезентовый мешок, держа в руках словно младенца.

Им потребовалось четыре часа, чтобы добраться до места.

— Ты знаешь, что нужно сделать, — Эль-Чарро обернулся к мальчику, когда они подъехали к церкви.

Мальчик посмотрел в окно, на высокие башни, которые обрамляли вход, и кивнул.

— Дамиан, ты подождешь его возле двери, — сказал Эль-Чарро.

Дамиан вышел из машины и последовал за мальчиком, держась от него на расстоянии.

Только когда они были возле входа, он заметил следы крови на мешке, который держал мальчик. Он остановился возле двери, как ему и было сказано.

Люди внутри собрались для похорон. Посередине, рядом с гробом, в рамке стояла фотография мужчины.

Надпись гласила: «В память о любимом Альфредо Рубена Замора».

Его вдова и дети сидели в первом ряду. Священник совершал молитву. Все они замерли, когда мальчик вошел внутрь. Он открыл мешок, и что-то покатилося по проходу.

За пару секунд до того, как поднялся хаос, всего лишь за пару коротких секунд Дамиан понял, что это была отрезанная голова человека, на чьи похороны они пришли.

— За моих родителей, — сказал мальчик, развернулся и пошел прочь.

Дамиан мельком увидел вырезанную букву «Ч» на лбу у мертвеца.

— Эль-Чарро! — услышал он чьи-то слова, когда уводил мальчика.

Они сели в машину, мальчик вытер испачканные руки о свою футболку. Никто не проронил ни слова до конца поездки.

— Дамиан, — сказал Эль-Чарро, когда они вернулись в убежище. — Возьми его с собой. Он будет работать на меня.

— Как его зовут? — спросил Дамиан, когда мальчик открыл двери и вылез из машины.

— Рафаэль. Он сын Хуана Пабло и Камиллы.

— Я не знал, что у них есть дети.

— Они держали его подальше от кантины.

«За моих родителей», — сказал Рафаэль.

Дамиан кивнул.

— Так это похороны...

— Кого-то из Лос-Зетас, конкурирующего картеля, человека, который застрелил родителей Рафаэля и пытался убить меня.

«Человека, которого я убил вместо тебя», — подумал Дамиан.

Эль-Чарро вывалил обезглавленное тело Альфредо Рубена Замора возле его дома, а голову доставил ему на похороны. Одним движением Эль-Чарро привел Рафаэля в мир криминала и жестокости и убедился, что Дамиан увидел похороны человека, которого убил, тем самым заставляя его признать последствия своих действий. Для обоих мальчиков теперь не было пути назад. Они были похожи на мух, попавших в сплетенную Эль-Чарро паутину.

— Видишь? — Эль-Чарро указал на золотой наконечник своей трости. На конце было выдвижное лезвие в форме буквы «Ч». — Таким способом я люблю оставлять сообщения. Перейдешь мне дорогу, и твое мертвое тело найдут с моей меткой, меткой Эль-Чарро — меткой всадника. Я не сразу стал *бароном*, знаешь. Я начинал как клеймовщик лошадей. Я клеймил животных тогда и клеймлю сейчас, — он задвинул наконечник обратно. — Завтра мы отправляемся в следующую церковь, еще на одни похороны.

Хуан Пабло и Камилла были похоронены как герои, окруженные цветами, свечами и длинной толпой доброжелателей, которые целовали Рафаэля в щеки после церемонии. Насколько они знали, Хуан Пабло спас жизнь Эль-Чарро, приняв удар на себя, а Камилла умерла рядом с ним.

Дамиан и Рафаэль стояли возле их гробов, когда последние шаги отдались эхом по церкви.

— Я знаю, что это ты, — сказал Рафаэль.

Дамиан впервые услышал, как он разговаривает.

— Что ты имеешь в виду?

— Я видел, как мужчина застрелил моих родителей. Я был в ванной, но я был слишком напуган, чтобы выйти. Я просто стоял там. Я не мог двигаться. Я не мог ничего сделать, — Рафаэль посмотрел на свою обувь.

Несмотря на то, что внутри было чертовски жарко, он был одет в пиджак, потому что не смог стереть кровь Альфредо Рубена Замора со своей футболки.

— Эй, — Дамиан взял его за руку. Она была холодной и влажной. — Ты не сделал ничего плохого. Тебе нечего стыдиться. Он бы застрелил тебя тоже.

— Я хочу быть как ты, — сказал Рафаэль. — Ты научишь меня быть смелым и стрелять в плохих парней?

Дамиан подумал о мужчине, которого он убил, о семье, которую оставил без отца. Он должен был застрелить Эль-Чарро вместо него. Он задался вопросом, что бы он сделал, если бы Хуан Пабло не вмешался.

— Мы все облажались, Рафаэль. Нет плохих или хороших парней. На все есть причина.

Хуан Пабло сказал ему это на ступенях «Ла Сомбра». *На все есть причина.* Дамиан не думал тогда о том, что будет стоять возле его гроба спустя несколько недель, повторяя эти слова его же сыну.

Дамиан и Рафаэль были юны, но не так, как многие другие дети, которых картель использовал — дети перевозили кокаин и героин через границу, служили одноразовыми разведчиками или передатчиками информации. Одни делали это добровольно, поддавшись на соблазн денег и власти, других заставили. Их родители были убиты или похищены, или они были без денег и в отчаянии. Они называли друг друга кличками, которые давали им ощущения сопричастности, силы и непобедимости в этом большом плохом мире: Тонкий Луи, Тефлоновый Марко, Овечка Эдди, Два Шрама.

Сначала они называли Дамиана «Одноглазый Дэми», потому что он спал с одним открытым глазом и выглядел так пугающе, что они отступали. Дамиан был жестоким одиноким волком, которому никто не мог перечить или перейти дорогу. Он не отдыхал ни минуты. В то время как остальные пели тупые наркоманские песни, Дамиан выстраивал в ряд банки и целился в них с рогатки. Когда зритель заставлял их подтягиваться дюжину раз, Дамиан приходил домой и делал в три раза больше подтягиваний.

Единственным, кого не пугала темнота и неисчерпаемая сила Дамиана, был Рафаэль. Он следовал за ним по пятам, молчаливый и наблюдающий. Он не спрашивал Дамиана о коробке из-под сигарет, которую Дамиан каждую ночь брал в руки, или газетной вырезке, которую он читал, когда думал что, никто не замечает.

Каждый день прибывали новички. Девочки и женщины жили на третьем этаже, грубые, закаленные мужчины на первом, а второй этаж отдавался мальчикам и молодым парням. Каждый день, кто-то уходил и не возвращался. Все, кого персонально завербовал Эль-Чарро, имели общую отличительную черту. Они все были кем-то преданы: семьей, друзьями, боссом, человеком или обществом — кем-то более могущественным, чем они. Им не хватало возможностей. Они были злыми и необразованными, у них не было перспектив найти работу или построить будущее. Они были теми, кого злили все окружающие. Независимо от того как они все сюда попали, у каждого была своя роль. Дамиан, Рафаэль и несколько других мальчиков тренировались, чтобы стать sicarios — киллерами. Наемники были пехотой картеля, ответственной за совершение убийств, похищение людей, кражи, вымогательства и защиту территории от конкурирующих групп и мексиканской милиции. Каборас был идеальным местом для временных тренировочных лагерей, которые содержал картель, разбросанных среди городских джунглей из бетона и металла. Здесь молодые мужчины и женщины практиковались жить на полигонах и в боевых учебных корпусах, которые к тому времени были заброшены или редко использовались. Избранные, показавшие свою верность и твердую руку, обучались в специальных учреждениях, где учились работать со взрывчатыми веществами. Дамиан подходил идеально по всем критериям. Годы сворачивания бумажек в самые разнообразные углы и формы сделали из него профессионала для создания и обезвреживания бомбы. Он выучил разницу между С-4 и динамитом, порохом и фейерверками; он узнал о радиусах взрыва, печатных платах, таймерах и спусковых механизмах.

Дамиан брал некоторые задачи домой. Однажды он сражался с расчетами, когда пришел Рафаэль.

— Я сейчас, — сказал Дамиан. Когда он вернулся с калькулятором, Рафаэль вписал все

числа. Дамиан перепроверил.

— Как, черт возьми, ты это делаешь? — спросил он. Все было правильно.

— В голове.

Дамиан недоверчиво посмотрел на него.

— Мне нравится математика, — ответил Рафаэль. — Я занимался, пока родители были в кантине.

— Как насчет этого? — Дамиан указал на следующий вопрос.

Рафаэль улыбнулся. Он был рад, что хоть чем-то мог удивить Дамиана. Двое мальчишек склонили головы вместе и доделали остаток расчетов.

Новобранцы начали получать более серьезные задания: проследить за информатором, украсть машину, ограбить магазин. Каждый раз, когда у них получалось, их награждали деньгами, наркотиками, алкоголем, одеждой и оружием. Кто проваливал, забирали в тюрьму, они становились жертвами самосуда или заканчивали свои дни в крови в придорожных канавах. Если бы они вернулись, их бы покрыли позором.

Дамиан знал, что настоящее испытание наступит, когда их позовут на ранчо Эль-Чарро, в уединенное место вблизи гор. Это было место, где мужчин отделяли от мальчиков. Тут Эль-Чарро или пустит вас в свой мир, или отрежет от него. В то время как остальные не придавали значения этому дню, Дамиан готовился к нему. Ему нужно попасть в этот внутренний мир, уничтожить Эль-Чарро и уйти. В выходные дни Дамиан исчезал. Он купил лодку и удочку, и многие часы проводил на воде; он научился вязать узлы и ориентироваться по небу и воде. Дамиан любил уединение океана. Он был огромен, бесконечен, беспощаден — как дыра, в которой билось его сердце. Иногда, когда он закрывал глаза и лежал в маленьком каноэ, он мог слышать голос МаМаЛу в ветре и волнах.

Однажды, когда Дамиан вернулся со своего небольшого путешествия, он обнаружил Рафаэля, свернувшимся в клубочек в углу. Дамиан почувствовал, как закипела его кровь, когда он увидел его побитое кровоточащее тело. Рафаэль отличался от остальных мальчишек. Воспоминания о смерти его родителей все еще преследовали его. У него был панический страх перед огнестрельным оружием. Он вздрагивал каждый раз, когда слышал выстрел, и ненавидел себя за это. Остальные издевались и высмеивали его, называя трусом.

— Кто это сделал? — спросил Дамиан Мануэля, маленького мальчика, который сидел с Рафаэлем, пытаясь помочь ему.

— Это неважно.

Рафаэль тоже отказался назвать мальчиков, которые побили его. После этого случая, куда бы Дамиан ни шел, Рафаэль был рядом. Если кто-то захочет доебаться до Рафаэля, им нужно будет сначала разобраться с Дамианом.

Команданте не обрадовался, когда обнаружил, что Дамиан взял Рафаэля на свое попечение. Он стал зрителем номер 19, когда восемнадцатый недавно умер. Дважды он предупреждал Дамиана. Когда Дамиан отказался, он вытащил свой пистолет и наставил на него. Дамиан подошел к команданте номер 19 и уперся лбом в дуло.

— Ну, давай, — сказал он. — Сделай мой день.

Все остановились, чтобы увидеть, что произойдет дальше. Все знали, что зритель всегда выигрывает. Если ты не слушаешь его — ты не живешь. Они затаили дыхание.

— Грязный Гарри, — сказал зритель номер 19. — Этот ублюдок цитирует Грязного Гарри, — он засмеялся и осмотрелся вокруг. — Вы меня разыгрываете? — спросил он, когда никто не среагировал. — Мой любимый фильм, и этот лузер — единственный, кто его видел?

Он махнул рукой и дал Дамиану дополнительную нагрузку, пока не взошло солнце. После этого случая все оставили Дамиана и Рафаэля в покое. Дамиан подозревал, что Эль-Чарро каким-то образом замешан в этом. Дамиан либо был его слабым местом, или на него были далеко идущие планы.

Их позвали на ранчо Эль-Чарро спустя год. К тому времени остались лишь немногие из начального состава. Команданте номер 19 разместил оставшихся ребят в своем пикапе и повез в горы на рассвете. Дамиан знал, что это не просто ранчо — это место, где Эль-Чарро казнит своих врагов.

Мальчиков загнали в душную, жаркую комнату с голыми стенами и цементным полом. Зловоние там было тошнотворным. Дюжина пленников — мужчины и женщины — члены соперничающей банды, доносчики, дезертиры, люди, которые воровали у картеля или должны были деньги и не смогли заплатить. Некоторые были украдены и держались здесь с целью получения выкупа. От них все несло страхом, потом и кровью.

— Кто станет следующим *sicario*? — поприветствовал Эль-Чарро приехавших, как только те вышли из грузовика.

— Ты? — он ткнул дулом пистолета в подбородок одного из мальчиков и надавил на него. — Ты? — он подошел к следующему. — Или вы собираетесь закончить так же, как они сегодня? — он указал на черные мешки, уложенные под ноги каждому мальчику. — Давайте посмотрим, а?

Он вложил нож в руку мальчику с золотистыми волосами и указал на одного из заключенных.

— Принеси мне его ухо, Эдуардо.

Эдуардо подошел к мужчине, который был привязан к стулу. Его лицо было покрыто заживающими ожогами от тушения сигарет.

— Чего ты ждешь? — Эль-Чарро помахал пистолетом.

— Какое именно ты хочешь? — спросил Эдуардо. — Левое или правое?

Смех Эль-Чарро смешался с поскуливанием мужчины.

— Ты мне нравишься, Эдуардо, — он осмотрел пленника, наклоняя голову то влево, то вправо. — Я хочу левое.

Эдуардо принес ему левое. Эль-Чарро держал ухо мужчины, пока его крики наполняли комнату.

— Вот как это делается, — сказал он, показывая мальчикам изуродованное ухо. Эдуардо сел возле команданте номер 19.

Одного за другим Эль-Чарро тестировал мальчиков. Он давал им молотки, чтобы разбить колени, кислоту, чтобы спалить кожу, ведра и тряпки для водных пыток. На эти два часа эта маленькая комната превратилась в адскую церемонию посвящения. Эль-Чарро воровал души этих мальчиков одну за другой. Он был дьяволом, который закалял их в огне, крови и сере.

Дойдя до мальчика, который стоял возле Рафаэля, он передал ему заряженный пистолет.

— Эта, — он указал на женщину, которая свернулась на полу, напуганная воплями и криками вокруг нее.

Мальчик навел пистолет, но не смог выстрелить. Он попробовал опять, пока она корчилась на земле, ее запястья были связаны за спиной.

— Эль-Чарро... — сказал мальчик.

Прежде чем он мог сказать что-либо еще, Эль-Чарро выстрелил ему в грудь. Он наклонился набок и упал на женщину. Эль-Чарро подошел к телу, вывинтил кончик трости и поставил на теле кровавую букву «Ч». Смотритель номер 19 оттащил его тело и убрал в мешок.

— Ты! — Эль-Чарро передал пистолет Рафаэлю. Он был все еще теплым от рук того мальчика. — Прикончи ее.

Рафаэль шагнул вперед.

— Пожалуйста, — умоляла женщина.

Рафаэль поднял пистолет и прицелился. Капли пота стекали по его лбу. Дамиан сжал кулаки. Он знал, что Рафаэль переживал ужас смерти Хуана Пабло и Камиллы. Он знал, что никто не защитит Рафаэля от этого.

— Я не могу, — Рафаэль опустил пистолет.

Дамиана разрывало на части. Часть его хотела, чтобы Рафаэль выстрелил, спас свою жизнь, а другая часть радовалась, что он не ступил на сторону тьмы. Эль-Чарро не смог подкупить его.

— Дамиан, — Эль-Чарро взял пистолет из рук Рафаэля и дал ему. — Застрели мальчика, — он махнул тростью в сторону Рафаэля.

Дамиан стал блее полотно.

— Ты не слышал, что я сказал? Блядь, да прикончи ты уже его.

Дамиан понял, что все это время его и Рафаэля не трогали только потому, что Эль-Чарро позволил это, потому что это был тест для него — убить Рафаэля, единственного человека из всей группы, к которому он привык. Эль-Чарро хотел убрать все его эмоции, ограждения. Он не хотел, чтобы наемники вздрагивали или колебались, выполняя его приказы. Если Дамиан сделает это сейчас, если убьет Рафаэля, он покажет себя Эль-Чарро. Он приблизится к мести за МаМаЛу. И это единственное, что заставило Дамиана пойти так далеко.

Дамиан поднял пистолет. Слезы текли по лицу Рафаэля, но он не двигался. Он знал, что у Дамиана не было выбора. Если он не сделает того, что приказал Эль-Чарро, они оба умрут.

— Рафаэль, — Дамиан смотрел на ствол пистолета, — сколько граммов кокаина я могу получить за тысячу песо?

Рафаэль растерянно посмотрел на него.

— Ответь на вопрос, — сказал Дамиан.

Рафаэль назвал число.

— А сколько граммов за тысячу долларов США?

Рафаэль снова ответил.

Дамиан задавал вопросы о евро, йенах, рублях, рупиях... Каждый раз Рафаэль четко и быстро выдавал ответ.

— Это правильно? — спросил Эль-Чарро у команданте номер 19.

— Я не знаю. Позвольте мне проверить.

Команданте номер 19 достал свой телефон и стал набирать цифры. Его челюсть отвисла.

— Он назвал все правильно, Эль-Чарро.

— Хорошо. Знаешь, что? — сказал Эль-Чарро. — Мальчик не наемник, но у него есть способности к числам. Мы можем использовать такого, как он.

Эль-Чарро опустил руку Дамиана.

— Молодец, Дамиан. Тебе удалось спасти жизнь твоего друга и удивить меня. Наемники! — все еще обнимая Дамиана, он повернулся к мальчикам, прошедшим инициацию. — Ты тоже, мой маленький вундеркинд, — сказал он Рафаэлю. — Поздравляю! Это начало новой главы. Пойдемте. Давайте праздновать.

Дамиан проследовал за Эль-Чарро, ужасающие картинки черных мешков, изуродованных частей тела и забрызганные кровью стены навсегда остались в его памяти.

«Да. Это начало новой главы, Эль-Чарро. Начало твоего конца, — подумал он. — Потому что я не остановлюсь, пока не уничтожу вас обоих, тебя и Уоррена Седжвика».

Уничтожение Эль-Чарро потребовало времени и тщательного расчета. Дамиан знал, что у него будет только один шанс, поэтому он должен был приложить все усилия. Даже если ему удастся убить Эль-Чарро, остальные члены картеля будут его преследовать, а Дамиан не готов отказаться от идеи прикончить Уоррена Седжвика. Дамиан должен был не только спланировать план нападения, но и составить план спасения.

Две вещи работали в пользу Дамиана. Первая — то, что Эль-Чарро держал его в стороне. После того, как Команданте номер 19 погиб в перестрелке, Дамиан зарекомендовал себя как эксперт по взрывчатке, он был слишком ценным, чтобы шляться по улицам, продавая наркотики. Эль-Чарро советовался с ним, когда ему нужно было уничтожить «явку» конкурента, улики или тела — к Дамиану было абсолютное доверие. Второй вещью, за которую Дамиан был признателен Эль-Чарро, было то, что тот отослал Рафаэля в частную школу за пределами Каборас. Эль-Чарро хотел иметь в своей организации нечто большее, чем просто мускулы. Он видел пользу от вложения денег в молодых профессионалов в начале их карьеры. Дамиан знал, что Рафаэлю придется работать на Эль-Чарро, но он рассчитывал покончить с *sapo* задолго до того, как тот должен приступить к выполнению своих обязанностей. (*Примеч. Капо — представитель одной из высших «ступеней» в криминальной лестнице, который подчиняется непосредственно боссу криминальной «семьи» или его заместителю. Сленг от итальянского сапо — главарь, глава банды, крестный отец.*)

Последние несколько лет Дамиан копил деньги, и их у него уже было много. К тому времени, когда ему исполнилось шестнадцать, он переехал в квартиру напротив океана и разъезжал на панге, продавая подержанные яхты.

Увидев приближающихся рыбаков на лодках, набитых дневным уловом, Дамиан спускался и покупал свежую рыбу, крабов и креветки. Он давал им рассрочку на ремонт их потертых траулеров и рыболовных сетей. В свою очередь они приглашали его с собой в плаванье и делились с ним морскими секретами. А если и замечали взгляды своих дочерей, направленные в сторону Дамиана, когда приглашали его к себе на ужин, ничего не говорили. Дамиан не только работал с взрывчатыми веществами, но и сам был как медленно горящий фитиль в ожидании взрыва. Флюиды плохиша, которые окружали его, возбуждали и пугали девушек. Факт что он был отстраненным — недостижимым и не заинтересованным, только подстегивал их желание. Но Дамиан обходил стороной романтические связи, бурные порывы первой любви, потные руки и неуверенные слова, сладкие, томимые жаждой поцелуи любовниц. Он помнил свой первый поцелуй в ночь обряда посвящения, но не губы или лицо. Эль-Чарро устроил тогда вечеринку в честь новых *sicarios*. (*Примеч. В переводе с испанского sicarios — наемники, наемные убийцы*). Еда, выпивка, наркотики и женщины. Дамиан был введен в мир секса, и ему подходил способ получать разрядку от женщин, которым платили за удовольствие. Отношения были слабостью, которую он не мог себе позволить.

Каждый год Дамиан оставлял букет титоний на могиле МаМаЛу. (*Примеч. Титония — мексиканский подсолнух, ботаническое название титонии — Tithonia rotundifolia (круглолистная)*). Он подбирал цветы насыщенного оранжевого цвета с яркими центрами.

МаМаЛу была похоронена на кладбище в Паза-дель-Мар, позади церкви Архангела Михаил — той самой церкви, где Дамиан сделал свой первый вклад в Эль-Чарро, той же церкви, которую он мальчишкой посещал с МаМаЛу. Ее могила была окружена другими мертвыми, неостребованными заключенными Вальдеморо — кучей камней с плоскими бетонными плитами, с выгравированным именем и номером заключенного. Не было никакой даты смерти, потому что кто-то забыл ее записать, и это разбивало Дамиану сердце, ведь у нее отняли эту дань уважения. Дамиан не стал ставить новую плиту для МаМаЛу. Он нуждался в этих памятных знаках. Каждый год, когда он видел эту выщербленную плиту, огонь воспламенялся в нем заново, а ему было нужно пылать так долго, чтобы он успел взять резак и вырвать сердца тех двоих мужчин, которые положили ее туда, и добиться возмездия. Тогда и только тогда он поставит достойное надгробие для МаМаЛу.

Однажды, когда Рафаэль навещал Дамиана на каникулах, они отправились в «Ла Сомбра», кантину, где работали родители Рафаэля. Она все еще была владением Эль-Чарро, одна из многих точек, которую он посещал.

Новая пара управляла заведением. Они были моложе, чем Хуан Пабло и Камилла. Заляпанный передник беременной женщины обтягивал ее большой живот. Дамиан и Рафаэль не могли заставить себя поесть там, так что они купили рыбные тако у уличного торговца.

— Я никогда бы не выжил, если бы не ты, — сказал Рафаэль. Ему было тринадцать, но он был высоким для своего возраста. — Ты спас мне жизнь.

Они сидели на капоте автомобиля за пределами Каса Палома.

— Я спас свою жизнь, Рафаэль, — он понял, что Рафаэль вспоминал небольшую, забрызганную кровью комнату в горах. — Если бы ты стоял у меня на пути, я бы убил тебя. Уж поверь мне.

Рафаэль сделал глоток пива и произнес, смеясь:

— Тебе нравится думать, что ты весь такой *cojones, no corazón*. Только железные яйца и никакого сердца. Но мне виднее.

— Ты не знаешь ни хера, — Дамиан подошел к высоким кованым железным воротам, которыми теперь уже никто не пользовался.

Каса Палома была разрушена. Колючие сорняки захватили сад. Все окна были заколочены, и замок с цепью, которыми Виктор запер главные ворота, были грязными и покрыты ржавчиной. Дамиану не понравилось это. Они походили на его воспоминания об этом месте — мертвые и брошенные, связанные ржавой цепью.

Посторонним вход воспрещен.

Это было место, где МаМаЛу стала жертвой борьбы за богатство и власть, жертвой алчных мужчин, которые уничтожили ее жизнь без малейшего сожаления.

— Однажды я буду владеть этим местом, — сказал Дамиан, когда они вернулись в машину.

Однажды он собирался уничтожить Уоррена тем же оружием, которое он использовал против МаМаЛу — деньги и безжалостность. Однажды он отнимет у Уоррена абсолютно все, чем тот дорожит.

— Это будет до или после того, как ты уничтожишь Эль-Чарро? — спросил Рафаэль, закатив глаза. Он желал, чтобы Дамиан отказался от своих планов. Эль-Чарро был непобедим, и он не хотел, чтобы его друг пострадал.

Дамиан сомневался, помнит ли Эль-Чарро няню, которая появилась, догоняя

маленькую девочку, и наткнулась на слет черных воронов. Нет. Эль-Чарро был гнилой падалью. Один труп не отличался от остальных. Дамиан не зря потратил свое время, пытаюсь сохранить его в своей памяти. Эль-Чарро не заслуживал объяснений или оправданий. Он заслуживал огонь и пепел, вечное горение в аду.

— Сперва Эль-Чарро, затем Уоррен Седжвик, — Дамиан запустил двигатель. — А потом я захожу место, откуда это все началось.

С тех пор, как они уехали, Дамиан не думал о Скай. Он ни разу не думал о Скай. Она была заперта в комнате с окнами, заколоченными листами фанеры. И Дамиан всегда, всегда сторонился земляники и щербатых девочек с подобными золотым нитям волосами.

Конкуренция между картелями *Синалоа* и *Лос Зетас* усиливалась. Каждый день появлялись тела в канавах, кровь натекала в водостоки. Эль-Чарро созвал собрание своих наиболее проверенных союзников и советников.

— Дамиан, — сказал он, рассматривая букву «Ч», которую только что вырезал на жертве, распростертой у его ног. — Мне нужно заменить лезвие, — он передал Дамиану свою трость. Каждый год Дамиан доставлял трость Эль-Чарро кузнецу в Каборас, который снабжал его новым, острым, как бритва, специальным лезвием. — Завтра встречаемся на новом складе в Паза-дель-Мар, в три часа дня. Возьмите подкрепление с собой, — сказал Эль-Чарро. — Команданте номер 21, убери тела, — он переступил через них, прижимая носовой платок к своему носу.

Дамиан последовал за Эль-Чарро к выходу и наблюдал, как тот уезжает в своем седане с кондиционером. Он поменял сим-карту в своем телефоне и позвонил.

— У меня есть информация для Эмилио Замора.

Ему не пришлось ждать долго. Эмилио Замора был младшим братом Альфредо Рубена Заморы, человека, который пытался убить Эль-Чарро, человека, в которого Дамиан стрелял в кантине. Конечно, Эмилио, как и все остальные, думал, что Хуан Пабло был тем, кто виновен в смерти его брата. С того времени, как Эль-Чарро бросил отрезанную голову Альфредо на его похоронах, Эмилио планировал месть.

— Завтра. Склад в Паза-дель-Мар. 15:00. Эль-Чарро и все его верные люди.

— Кто это? — спросил Эмилио, но Дамиан уже отключился.

Наконец-то подвернулась идеальная возможность.

Дамиан караулил у двери, пока Команданте номер 21 сопровождал Эль-Чарро на склад. Один за другим мужчины со своими телохранителями подъезжали на автомобилях и занимали места вокруг длинного стола, а мускулистые мужчины становились немного позади них. Расположение места встречи раскрыли в последний момент, ради соблюдения мер безопасности. По большому счету, склад использовался для хранения и транспортировки консервированных сардин, но Дамиан знал, что картонные коробки и деревянные ящики вокруг них были заполнены полиэтиленовыми пакетами с марихуаной, блоками кокаина и метамфетамина, и с тщательно запечатанными мешками неочищенного героина. Каждый мужчина в комнате был так или иначе связан с картелем. Одни владели фермами, на которых выращивали местную марихуану, у других были связи в Колумбии, Перу или Боливии. Некоторые управляли тайными лабораториями по производству метамфетамина. Все они были связаны с изготовлением, перевозкой и распространением наркотиков, поставляя их через американскую границу с помощью автомобилей, грузовиков, быстроходных катеров, туннелей для транспортировки наркотиков и международными курьерами. У них были продажные копы и судьи, притоны в Лос-Анжелесе, Эль Пасо,

Хьюстоне, Тусоне. Оттуда наркотики проникали в остальные крупные города, просачивались дальше в сотни населенных пунктов за их пределами. Дамиан задумался, кто из них присутствовал в тот день, когда МаМаЛу прервала встречу в Каса Палома. Он поглядел на свои часы. Было 14:45.

— Дамиан! Как делишки, чувак? — он почувствовал жесткий толчок в спину.

Дамиан побледнел.

— Рафаэль. Что ты здесь делаешь?

— Я позвал его. Он мой математик, — сказал Эль-Чарро, он похлопал по месту рядом с собой. Рафаэль должен был продемонстрировать авторитет. Эль-Чарро дал ему заметки для этой важной встречи, а Рафаэль пришел с цифрами, которые помогут ему правильно сделать расчеты.

— Послушай, Рафаэль... — Дамиан придержал его.

— Закрой дверь, Дамиан, — сказал Эль-Чарро. — И принеси мне мою трость. Время начинать.

Дамиан распаковал трость Эль-Чарро из пластиковой оболочки и передал ее ему. Снаружи парни Эль-Чарро слонялись по периметру. Внутри король вершил правосудие со своими темными рыцарями.

Дамиан снова поглядел на свои часы. Все частички пазла были на месте, кроме одной. Дамиан должен был действовать быстро. Он незаметно передал записку Рафаэлю под столом и поднялся. Эль-Чарро приподнял бровь.

— Я мигом, — сказал Дамиан.

Он вышел через черный вход. Двое мужчин разместились там, поприветствовав его. Дамиан остановился в тени высокого дерева, делая вид, что собрался отлить. Позади него свисали листья кокосовых пальм, закрывая вершушки холмов. Стайка обезьян-ревунов, перепрыгивая с ветки на ветку в верхушках деревьев, неожиданно исторгла шумные лающие вопли, напугав одного из охранников у двери.

— *Chupame la verga*, — сказал он, когда другой засмеялся над ним. Отсоси мой член. Они все еще смеялись, когда люди Эмилио Замора перерезали им горло. Дамиан нырнул за дерево. Листья скрыли его.

Los Zetas были жестокими. И тихими. У них было преимущество за счет неожиданности, и они использовали его, методично ликвидировав охранников снаружи. Мачете, ножи, веревки, цепи, камни, дубинки. Никакого огнестрельного оружия.

Эмилио Замора не хотел спугнуть Эль-Чарро или подстрелить его во время обстрела. Он хотел его живым, именно так он мог прикончить его наиболее мучительным способом. Само собой, все пошло не по плану. Люди Эль-Чарро начали стрелять, когда поняли, что происходит, но у них не было ни малейшего шанса. Эмилио Замора не верил телефонным анонимам. У него были свои кроты, которые все проверили, и только тогда он привел настоящую армию с собой. Это окупилось.

Они перебили охрану снаружи и взяли штурмом склад, с пистолетами наголо. Дамиан подполз к черному входу, прямо по телам мертвых охранников. Вернуться внутрь было глупой затеей, но он должен был вывести оттуда Рафаэля. Он двигался за счет боевой подготовки и приливу адреналина, вибрирующего в его организме. Он игнорировал свист пуль, осколки, разлетающиеся в воздухе, непрерывный поток отстреленных гильз, которые лязгали, падая на пол. Первая часть нападения закончилась, электролампы разбились, и тела валялись вокруг него, одни мертвые, другие вопящие в агонии.

Склад был затуманен дымной пылью и порошком из разбитых ящиков с наркотиками. Было трудно дышать, трудно смотреть, но Дамиан продолжал ползти до тех пор, пока не достиг стола. Рафаэль сжался на другом конце. Руками он прикрывал свои уши и качался взад-вперед на пятках.

Дамиан почти достиг его, когда двое мужчин повалились на пол, опрокинув стулья. Они катались по полу, пытаясь отобрать пистолет друг у друга. Сальные темные волосы блестели в полумраке. Эль-Чарро боролся с Эмилио Замора.

— Дамиан! — Эль-Чарро увидел его под столом. Они оба заметили пистолет, отброшенный к ноге Дамиана. — Дай его мне! — Эль-Чарро протянул руку.

Их глаза встретились на долю секунды. Дамиан хотел схватить пистолет и изрешетить тело Эль-Чарро свинцом, но он знал, что это может разрушить его план. С другой стороны, он не мог позволить Эль-Чарро убить Эмилио, пока он и Рафаэль не окажутся в безопасности за пределами здания.

Дамиан отбросил ногой пистолет от зоны досягаемости Эль-Чарро.

— Мария Луиза Альварес, — произнес он. — Вспомни имя моей матери, когда встретишься с создателем.

Лицо Эль-Чарро выражало шок и неверие, и не потому, что Дамиан дал ему ключ к разгадке, а из-за предательства. Это длилось лишь миг, а потом Эмилио поднял Эль-Чарро за шиворот, и у того появились более важные вещи для осмысления. Например, его жизнь.

Дамиан продолжил свой путь к Рафаэлю. Отступать было поздно. Он озвучил правду, позволив Эль-Чарро увидеть ненависть в его глазах. Если бы Эль-Чарро выжил, то это был бы конец для Дамиана.

Но Дамиану он был нужен живым еще немного.

— Рафаэль, — он встряхнул парня.

Но Рафаэль был в шоке, как и тогда, когда выглянул через дверь ванной и стал свидетелем смерти родителей. Стрельба из оружия была его сильнейшей фобией.

— Рафаэль! — Дамиан влепил ему пару пощечин. Этого было достаточно, чтобы вернуть парня из его персонального ада.

— Я спрятался под столом. Как ты написал, — Рафаэль все еще держал скомканную записку Дамиана в кулаке.

— Хорошо. Теперь послушай меня, — сказал Дамиан. — Не высовывайся, продолжай ползти, пока не доберешься до двери, — он указал на выход позади.

— А как же ты?

— Я буду прямо за тобой. Не оборачивайся. Просто продолжай двигаться. Когда доберешься до двери, беги за деревья. Ты понял?

Рафаэль вздрогнул — град пуль изрешетил ящики позади них.

— Рафаэль? Ты понял?

Рафаэль кивнул и начал ползти под столом.

Дамиан обнаружил на полу Команданте номер 21. Его глаза были открыты, но он был мертв. Дамиан ощупал ремешок вокруг его лодыжки. Он достал нож, который Команданте номер 21 всегда носил с собой. Эль-Чарро с Эмилио Замора по-прежнему боролись подобно титанам на арене. Забравшись назад под стол, Дамиан подождал, пока их ноги оказались в нескольких сантиметрах от него. Тогда он дотянулся и резанул по ногам Эмилио Замора, разрезав сухожилия, которые удерживали его на ногах. Эмилио Замора рухнул на колени.

— Зачем ты это сделал? — Рафаэль смотрел на Дамиана с открытым ртом.

— Я сказал тебе продолжать двигаться.

— Но Эмилио почти убил Эль...

— Пошевеливайся, Рафаэль!

Рафаэль не спорил. Юноши выбрались со склада и помчались к деревьям. Позади них продолжалась кровавая бойня. Когда они взобрались на холм, Дамиан обернулся.

— Я не понимаю, — Рафаэль согнулся, пытаясь отдышаться. — Почему ты не убил Эль-Чарро?

— Он нужен мне живым, — произнес Дамиан.

— Но...

В этот момент огненный шар разорвал склад с оглушительным взрывом, разнесшим волну тепла и дыма. Все, что они смогли услышать, прикрыв уши, было громкое «уууууу», и тут вторая яркая вспышка выбила окна, и осколки разлетелись в воздухе. Одна сторона склада еще стояла, неустойчиво подрагивая, прежде чем разрушилась в клубе пыли и пепла. Все замерло: качание деревьев на ветру, звуки птиц и животных. Это была необыкновенная тишина, наполненная звуком машинных сигнализаций.

— Что ты сделал? — спросил Рафаэль сквозь наполненный дымом зной.

— Я расставил взрывчатку по складу и поместил пусковой механизм в трость Эль-Чарро. В тот момент, когда он выдвинул выдвижное лезвие... Ба-бах.

— Вот из-за чего ты помешал Эмилио одержать победу. Ты хотел, чтоб Эль-Чарро убил его. Ты знал, что Эль-Чарро будет не в силах устоять, не пометив его, в точности как отметил его брата.

Дамиан продолжал пристально смотреть на склад. Ничего не уцелело, ни один человек, ни наркотики, ни липовые банки копченых сардин.

— Твою мать, Дамиан, — произнес Рафаэль, когда осознание реальности происходящего поразило его. — Мы свободны от Эль-Чарро и картеля. Все будут думать, что мы погибли там, как и все остальные. Они будут думать, что это была смертельная битва между Эль-Чарро и Эмилио Замора. 'C' for cesado. Конец. Свобода. Ты, блядь, поджарил на углях Эль-Чарро и всех остальных.

— Мы не в безопасности еще, Рафаэль. Они найдут следы взрывчатки, если внимательно осмотрят место.

— Да, но картель *Синалоа* укажет пальцем на *Лос Зетас*, а те обвинят их. Гениально, Дамиан. Ожидание того стоило.

— Один есть, второй на очереди, — сказал Дамиан, стряхивая пыль со своих штанов.

Рафаэль знал, что он говорил об Уоррене Седжвике.

— Господи, Дамиан. Ты должен дать себе передышку. Даже в фильмах есть перерывы.

— Серьезно? И где бы была твоя задница, если бы я пошел за попкорном и конфетами?

— Верно. Ты уже дважды спас мне жизнь, — проговорил Рафаэль. — Итак, что теперь?

— Теперь мы ляжем на дно и подождем, пока пыль уляжется. Думай об этом как о перерыве.

— И как долго будет длиться этот перерыв?

— Сколько потребуется, чтобы вместе разработать следующий план, Рафаэль. Сколько потребуется.

— Мы проделали длинный путь от Каборас, — сказал Рафаэль, чокаясь пивом с Дамианом.

Дамиан разглядывал бамбуковый факел, освещающий патио с видом на Мишн-Бэй (*Примеч. Мишн-Бэй — современный прибрежный район, преимущественно застроенный многоэтажными жилыми и офисными зданиями*), экзотическую тропическую рыбку, плавающую в высоком — до потолка — аквариуме и безупречный стол за которым они сидели.

— Прошло много времени, — сказал он.

— Одиннадцать чертовых лет, — Рафаэль просматривал меню. — Что ты будешь?

— Бургер, — ответил Дамиан, не открывая свое меню. Он нервно теребил свои запонки. — Это действительно было так необходимо? — спросил он.

— Ты хотел смешаться с людской массой, тебе полагается выглядеть соответственно. Тебе нравится обувь? У меня есть чувак, который делает их на заказ.

— Я считаю, что это стандартный образец для такого мачо — финансового консультанта, как ты, но проклятье, Рафаэль, нет ничего плохого в паре обуви, заработанной тяжелым трудом и потом.

— К черту тяжелую работу и пот. Ты заслужил это. Когда ты намерен начать тратить в свое удовольствие хоть часть заработанных тяжелым трудом денег? Если ты не расслабишься, Дамиан, твое лицо превратится в злобную гримасу, ты распугаешь всех девчонок. Навсегда.

Дамиан обреченно махнул рукой. К двадцати семи годам он уже пресытился бурной реакцией женщин на свою внешность. Когда Дамиан входил в комнату, он держался в тени и в темных углах. Он никогда не был таким, как все, и никогда не пытался. Но то внимание, которого он пытался избегать, всегда находило его, потому что зверь в клетке притягивал. Женщины толпились вокруг него, боясь дотронуться до него, боясь заговорить с ним, но в то же время были полностью очарованы им.

— Деньги ничего не значат, — сказал он. — Они — лишь средство для достижения цели.

— Я знаю это, но возьми немного кредита для того, чтобы добиться успеха. После Эль-Чарро у нас ничего не было, кроме денег, которые ты накопил. И тебе стоит попытаться это изменить. От одной лодки — к двум, к пяти, к десяти. От небольшой компании до, мать твою, транспортного конгломерата. Ты отправил меня в колледж, в то время как сам работал, надрывая задницу. Всем, чего я достиг, я обязан тебе. И сейчас ты здесь. В шаге от того, чтобы уничтожить Уоррена Седжвика.

Дамиан мысленно вернулся в те первые годы после смерти Эль-Чарро. Он держал на прицеле Уоррена. Эль-Чарро был незнакомцем, который отдал приказ устранить угрозу, но Уоррен... Уоррен знал МаМаЛу. Она заботилась о его дочери девять лет — девять гребаных лет, шесть из которых она всеми силами пыталась заполнить пустое место, оставшееся после смерти его жены. Она любила Скай так же нежно, как собственного сына, и даже отводила Дамиану второе место, когда дело касалось времени и заботы. Как Уоррен отплатил ей? Предал ее для спасения собственной шкуры. Он был трусом, которому придется искупить

свои грехи, но не смертью, а жизнью. Дамиан хотел, чтобы тот чувствовал боль на протяжении всей своей гребаной жизни. Он собирался отнять у Уоррена его экстравагантный особняк в Ла Холла, его парк арендованных машин с водителями, сеть безупречных элитных курортов, разбросанных по всем голубым точкам мира. (*Примеч. Pale Blue Dot («Пэйл Блу Дот»; в переводе с английского — «бледно-синяя точка», «бледная голубая точка», «голубое пятнышко»)* — знаменитая фотография планеты Земля, сделанная зондом «Вояджер-1» с рекордного расстояния. На этом фото, карта мира состоит из множества голубых точек. Обычно, это выражение «во всех голубых точках» означает — «езде», «повсеместно», «в каждом уголке»). Одно за другим Дамиан собирался забрать все это, его славу, его состояние, его имидж — именно ту основу, с помощью которой он и построил свой мир. И чтобы добиться этого, сразившись с Уорреном в его башне из слоновой кости, Дамиан должен был собрать свое оружие, сделать себе состояние, состояние, которое будет стоять на чем-то более могучем, чем то, что имеет Уоррен в своем арсенале: заржавевшая коробка от сигарет и память о выщербленной плите на могиле МаМаЛу. Везде, куда Дамиан отправлялся, жестяная коробка Lucky Strike находилась с ним. Она была с ним, когда он разыскивал удаленные острова и атоллы, присматривая место для него и Рафаэля, чтобы залечь на дно. Она была с ним, когда страсти от смерти Эль-Чарро и Эмилио Замора улеглись, и все позабыли про двух мелких мальчишек, которые были там в тот день. Она была с ним, когда они приехали в рыбацкий порт, где Дамиан купил свой первый траулер, «Эль Кабальеро», он взял это имя как часть его новой личности. Она была там, когда он провожал Рафаэля в престижную школу-интернат, и еще раз, когда он присутствовал в колледже на вручении Рафаэлю диплома. Она была там, когда Дамиан уже стал достаточно взрослым и весьма состоятельным, чтобы подать заявление на получение грин-карты как инвестор и через несколько лет получить гражданство. И она была с ним теперь, во внутреннем кармане его пиджака, во время ужина с Рафаэлем, на полинезийском флагманском курорте Уоррена: Седжвик, Сан-Диего.

Когда Уоррен начинал свою новую жизнь, он все еще был на коротком поводке у картеля. Ему удалось уехать из Мексики, но только потому, что это было выгодно им. Им нужен был способ отмыть грязные деньги от продажи наркотиков и другой незаконной деятельности, сделав их чистыми для свободного использования. Уоррен был одним из винтиков в механизме отмывания денег. Дамиан хорошо понимал его позицию. Уоррен купил элитный кусок американской недвижимости. Он построил пятизвездочный курорт, снабдил высококачественным бельем, столовыми приборами, фарфором, лучшей мебелью. Он мог каждый день докладывать, что его отель забит под завязку, хотя, конечно, такого никогда не было. Каждый день служба безопасности могла бы забирать деньги, полученные от сдачи номеров, ночных клубов, казино, баров, и ресторанов — грязные деньги смешивались бы с законным доходом... Остальная часть отправлялась на оффшорные счета, принадлежащие Эль-Чарро, который в дальнейшем распределял их среди важных персон. Но Уоррен прекратил эту деятельность

Смерть Эль-Чарро освободила Уоррена от цепей картеля. Прямая связь была разорвана. Этой руки картеля Синалоа больше не существовало. Уоррен закрыл нелегальные сделки и стал расширять свою сеть отелей на собственные средства. Пару лет спустя он вышел на открытый рынок. Отели Седжвик стали товаром повышенного спроса на фондовой бирже. Уоррен думал, что был чист. Он не сомневался в том, что и кто от него уходит и приходит.

Когда Уоррен вошел в ресторан тем вечером, Рафаэль повернулся к Дамиану.

— Вот он, точный, как часы. Каждый вторник, восемь часов ровно.

Дамиан почувствовал прилив злости. Он проигнорировал сильное желание обернуться и откусил кусок своего бургера.

Он годами покупал акции Седжвика с помощью фиктивных компаний, которые Рафаэль создал для него. Уоррен не знал этого, но сейчас Дамиан Кабальеро владел достаточным количеством акций, чтобы руководить будущим отелем Седжвик и этим местом, и сейчас, в канун расплаты, которая задумывалась добрый десяток лет, Дамиан хотел в последний раз посмотреть на мужчину, ответственного за убийство МаМаЛу. Завтра он проснется другим человеком, бедным человеком.

— Все готово? — спросил он Рафаэля.

— Скажи слово — и будет сделано.

Дамиан отодвинул свою тарелку.

— Мне нужно выпить. Я пойду к бару, — оттуда он мог наблюдать за Уорреном и наслаждаться последним осадком горько-сладкого яда, который наполнял его слишком долго.

Рафаэль кивнул. Он знал Дамиана достаточно хорошо, чтобы понять, когда ему требуется какое-то время побыть наедине с собой.

— Не торопись. Я буду здесь.

Дамиан сел на другом конце глянцевой сверкающей стойки, вдали от толпы, где свет был тусклым и музыка приглушенная. Он сделал большой глоток пива, а затем посмотрел на Уоррена. Он сидел в отдельной кабинке. Персонал, очевидно, знал, кем он является и что ему нравится. Они, не задавая вопросов, принесли ему напиток и какую-то закуску на длинной прямоугольной тарелке. Дамиан видел фотографии Уоррена, но ничто не подготовило к встрече с ним во плоти спустя пятнадцать лет — пятнадцать лет спустя с момента, когда он бежал за серебристым «Пежо» Уоррена вниз по пыльной дороге. Уоррен выглядел более худым, казался ниже ростом и не таким всемогущим, каким Дамиан себе его представлял. Ему было пятьдесят, но он выглядел старше, с густыми, почти седыми усами. Как он мог сидеть там, поедая и выпивая, такой радостный и живой, когда МаМаЛу лежала промерзшими костями в сырой земле? Как он мог оставаться таким безразличным и таким непринужденным, зная, что он уничтожил весь мир — и мечты, и колыбельные? Уоррен был хуже Эль-Чарро. Потому что Эль-Чарро не притворялся, что не был монстром, Уоррен же создал видимость благопристойности.

И если бы Дамиан уехал в этот вечер, он бы реализовал свой первоначальный план — отобрать у Уоррена компанию, обобрать его, лишить его власти и репутации, на которые он променял свою человечность. Но, поднеся стакан к губам, он остановился на половине глотка. Молодая девушка проскользнула в кабинку Уоррена. Она не села напротив него, она села рядом с ним и обняла его долгим, крепким объятием. Дамиан не видел ее лица, но было ясно, что Уоррен ждал ее. Все его лицо преобразилось. Что-то неопределенное и непостижимое отражалось на нем, что-то, что Дамиан видел раньше только в глазах МаМаЛу — когда он собирал цветы, чтобы украсить ее волосы, когда делал для нее ожерелье из морских ракушек, когда был болен, когда был в ушибах, когда заставлял ее смеяться и иногда, когда заставлял ее кричать. Тот взгляд, за который Дамиан готов был отдать что угодно, был взглядом Уоррена, направленным на его спутницу — весь блядский мир был в его глазах. Дамиан втянул в себя воздух.

Отвернись, отвернись.

Но он не мог. И в этот момент Скай Седжвик тряхнула длинными золотистыми волосами и поцеловала отца в щеку.

Черт.

Дамиан почувствовал, будто его ударили в живот. Воспоминания, запертые за железными воротами, скрепленные цепями.

— Еще одно, — Дамиан со стуком опустил стакан на стойку. Бармен подпрыгнула. Когда она налила ему еще пива, он схватил его и осушил одним долгим жадным глотком, заглушив все, что грозило вырваться на свободу — эхо бумажных змеев, пирогов и деревьев с яркими желтыми цветами.

Взяв себя в руки, он посмотрел на Скай снова, она была в восторге от чего-то, что дал ей отец. Она открыла коробку с логотипом известной марки и вытащила сумку.

— *Hermès!* — взвизгнула она. (*Примеч. Hermès International S.A. (сокращенно Hermès) — французский дом моды, основанный в 1837 году. Фирменный логотип — запряженный экипаж. Культовыми стали сумки «Kelly» и «Birkin», названные в честь актрисы Грейс Келли и певицы Джейн Биркин.*)

Исчезла ее очаровательная щель между зубов, запломбированная и отшлифованная, как и ее сердце. Она была той девушкой, которая не остановилась, когда Дамиан гнался за ее машиной. Она была девушкой, которая не потрудилась сказать «прощай». Она была девушкой, которая растоптала его сердце и его бумажных животных, любовь, песни и истории МаМаЛу. Она была — каждой своей клеточкой — дочерью Уоррена, бессердечной и равнодушной, корыстной и фальшивой. Фальшивый друг, фальшивая женщина, фальшивые детские воспоминания. Она была подделкой, завернутой в подлинную дизайнерскую упаковку. Но больше всего ... больше всего... она была всем для Уоррена. Взгляд Уоррена, которым он смотрел на дочь, не оставил Дамиану сомнений. Не было ничего дороже для Уоррена, чем его дочь — ни его особняк, ни автомобили, ни его компания. Если Дамиан хотел заставить Уоррена страдать, действительно страдать, он должен был отнять у него дочь. Навсегда.

— Женщина за женщину, — произнес Дамиан, возвращаясь к столу.

— Что? — спросил Рафаэль.

— Женщина за женщину. Он убил мою мать, я убью его дочь.

— О чем ты говоришь?

— Видишь вот это? — Дамиан указал на кабинку Уоррена. — Это — отец, обожающий свою дочь. Нет большей боли в этом мире, чем потеря ребенка, Рафаэль. И я собираюсь обеспечить Уоррену боль, длиною в его собственную жизнь.

Глаза Рафаэля метались от Скай к Дамиану.

— Насилие? Ты реально хочешь этого? Мы провели полжизни, убегая от насилия.

— Не насилие, Рафаэль. Расплата. Скай Седжвик за МаМаЛу. *Una mujer por una mujer.* (*Примеч. Дословно фраза звучит как «Женщина за женщину».*)

— Я думал, твоя цель — его компания.

Дамиан вытащил коробку Lucky Strike из пиджака.

— Я передумал, — он провел по потрепанным желтым письмам и подумал о газетной статье внутри, наполненной ложью, которую Уоррен выплеснул на его мать. — Моя цель — Скай Седжвик.

ЧАСТЬ 3 СКАЙ

Глава 20

— И вот так Эстебан стал Дамианом, — сказал Рафаэль. — Когда ты начала молиться за него и МаМаЛу, то застала его врасплох. Он не мог заставить себя убить тебя, но мог заставить твоего отца думать, что ты мертва. И сейчас, — Рафаэль поднял пистолет, — твое время и в самом деле закончилось, принцесса.

Было почти темно. Я слышала, как волны разбиваются о берег, пищат и трепещут ночные насекомые, вьющиеся вокруг нас, как пронзительно кричит островная птица — как звук с CD «Звуки джунглей».

Закрой глаза. Расслабься. Не борись с этим. Позволь Рафаэлю выстрелить тебе в голову. Я уже была мертва. Правда не всегда делает вас свободными. Правда может убить, вскрыть и распотрошить внутренности. Все, во что я верила, все, что я считала реальным, перевернулось с ног на голову. Мой отец не был человеком, которым, как я думала, он был, Дамиан не был мужчиной, которым, как я думала, он был, и МаМаЛу не жила в доме с белыми стенами и заполненным цветами задним двориком.

— Ты врешь, — произнесла я. — МаМаЛу не мертва. Дамиан вез меня увидеться с ней.

— Он вез тебя на ее могилу, чтобы ты могла собственными глазами увидеть то, что сделал твой отец. Для него было важно, чтобы ты поняла, почему он делает то, что делает. Он бывает там каждый год. В этом году он думал, что наконец-то сдержит свое обещание и поменяет ее надгробную плиту. Он наконец-то собрался обрести свой мир, но ты ... ты, как выяснилось, была трещиной в его броне. Я знал, что он расколется. Чем дольше времени он проводил с тобой, тем тяжелее ему было оставаться верным себе. Я мог услышать это в его голосе. Блядски расстроенный. Я должен был остановить его раньше, но я здесь сейчас, и пора покончить с этим.

Руки Рафаэля дрожали, когда он прицелился.

Я отвернулась. Я хотела вернуться в тот последний день на пыльной дороге в Каса Палома, которая осталась позади. Я хотела разогнать облако пыли, чтобы увидеть очертания моего лучшего друга, остановить машину и побежать к нему. Эстебан. Я хотела бы, чтобы пошел дождь.

— Отпусти ее, — произнес Дамиан.

Я открыла глаза и увидела его: темная, шатающаяся фигура, стоящая возле нас. Он еле стоял, но все же каким-то непостижимым образом удерживался на ногах.

— Мы оба знаем, что ты не выстрелишь. Ты не сможешь, — сказал он Рафаэлю.

— Смогу, — Рафаэль держал пистолет, сжав его обеими руками и нацелив на меня. — Ради тебя — смогу. Я перешагну через свой чертов страх оружия и вышибу ей мозги. Либо ты, либо она, Дамиан. Она звонила своему отцу. Проверь исходящие звонки в своем

телефоне. Ты знаешь, что это значит, верно? Они придут за тобой. Это только вопрос времени.

— Я сказал, отпусти ее, — Дамиан вытащил пистолет и прицелился в Рафаэля. Он пошатывался.

Мы образовали напряженный треугольник — я на коленях между двумя мужчинами, Рафаэль целился из пистолета в меня, Дамиан направил пистолет на него. Их невидимая связь стала для меня очевидной. Пистолеты были отвлекающим маневром. Они решали что-то более важное — каждый пытался удержать другого от неправильного поступка.

Рафаэль был готов ликвидировать что угодно, представляющее угрозу для Дамиана, а Дамиан знал, что, отняв человеческую жизнь, Рафаэль будет переживать это всю жизнь. Дамиан посмотрел на Рафаэля и увидел, что кое-что он все-таки сделал правильно. Он увидел луч искупления. Дамиан оберегал Рафаэля слишком долго, чтобы теперь позволить ему испачкать руки кровью.

Но был еще один фактор, который имел значение. Я. Дамиан оттолкнул меня в сторону и принял удар на себя. Я знала, что он сделал это, чтобы защитить меня. Я знала, почему инстинктивно обратилась к нему, когда я решила, что окружена акулами. Отчасти я понимала, что где-то в глубине его души осталась еще маленькая частица, частица Эстебана, которая все еще жива, но захоронена под слоями боли и гнева.

— Мы оба знаем, что ты не будешь стрелять в меня, — сказал Рафаэль Дамиану, его палец по-прежнему лежал на спусковом крючке, взгляд не отрывался от меня.

— Испытай меня, — сказал Дамиан. — Я говорил тебе прежде. Станешь у меня на пути, я убью тебя.

Рафаэль не выглядел до конца убежденным.

— Ты ранен, Дамиан. Бредишь. Ты не знаешь что творишь. Пока она жива, ты в опасности. Они не остановятся, пока не найдут ее. Мы должны замести следы прямо здесь и сейчас.

— Я решаю, — прорычал Дамиан. — Я решаю, что, как и когда это делать. Это не имеет никакого отношения к тебе, поэтому, блядь, не вмешивайся. Садись в свою лодку, убирайся с этого острова и не оглядывайся. Это моя жизнь, моя битва, мои правила.

Рафаэль не двигался. Дамиан не двигался. Они оба стояли на месте с нацеленным оружием, слишком упрямые, чтобы признать, что каждый из них заботился друг о друге.

— Я получил деньги, которые ты просил, Рафаэль, — это был Мануэль, вернувшийся из своего путешествия. — Твое лицо во всех выпусках новостей, Дамиан. Большая часть острова кишит копами и парнями из охраны, нанятыми Уорреном Седжвиком.

Он проследил взглядом от Рафаэля к Дамиану, внезапно осознав, что попал между двух огней.

— Эй, мужики, что происходит?

Рафаэль и Дамиан не ответили. Новости Мануэля только подлили масла в огонь. Они продолжали безмолвную борьбу, сконцентрировавшись на своей дуэли, которая проходила в напряженной тишине. Тогда Рафаэль прервал противостояние.

— Это — полная фигня Дамиан, и ты знаешь это, — сказал он. — Если ты решил пойти ко дну, не надейся, что я буду бродить вокруг и наблюдать за этим.

Он отобрал у Мануэля сумку и всучил Дамиану.

— Медикаменты, — указал он. — Но, как погляжу, тебе поебать на свою жизнь, по всей видимости, ты не воспользуешься ими.

Он был раздражен, так зол, что даже не захотел смотреть Дамиану в глаза.

— Ты не неуязвим, ты знаешь это? Ты упрямый осел, который едва может стоять. Тебе необходимо вернуться внутрь и не рыпаться. Хотя бы до того, как жар спадет. Я позабочусь о делах и отправлю Мануэля подкинуть твой телефон в Каборас. Пускай они отправятся искать тебя там, — сказал он. — И в следующий раз, когда я увижу тебя, постарайся хотя бы удержать свою чертову задницу на ногах.

Дамиан оставался на ногах, пока Рафаэль и Мануэль не скрылись из виду. Его колени не подкосились до тех пор, пока он не услышал отплывающую лодку. Тогда он свалился подобно мешку с картошкой. Я побежала к нему, чувствуя на себе груз всего того, что узнала о нем. Я откинула назад его волосы со лба. Он горел, его дыхание было горячим, кожа холодной и влажной. Мало того, что он потерял много крови, похоже, что инфекция от его раны распространяется.

Вчера я отдала бы что угодно, лишь бы освободится от него.

Умри, Да-ми-ан, умри!

Сегодня же, я рылась в содержимом аптечки, которую принес Мануэль. Мне нужны антибиотики, чтобы убить инфекцию. Мне нужно что-то, что поможет снизить температуру его тела. Мне нужно, чтоб он открыл свои глаза, посмотрел на меня, сказал хоть что-то, что угодно.

Живи, Да-ми-ан, живи!

Дамиан всю ночь балансировал на грани жизни и смерти, то приходя в сознание, то теряя его. Его пульс был неустойчивым, иногда сильным и быстрым, иногда — едва ощутимым. Я сидела рядом, следила за его температурой, отжимала полотенце и клала его ему на лоб, подобно тому, как делала в моих воспоминаниях МаМаЛу, когда мы болели.

Когда холодные компрессы становились прохладными, я меняла воду. Снова и снова, и снова. К утру мне не приходилось менять их так часто. Дамиан, видимо, прошел самое худшее. Я растянулась возле него, эмоционально и физически опустошенная. Мне удалось затащить его назад на виллу и на кровать, справившись с его весом, мучительно волоча его шаг за шагом. Мы лежали под тонким белым сетчатым балдахином. Дом был неухоженным, но очаровательным. Без стекол в окнах, открытый внешнему миру, впуская внутрь воздух океана. Сетка защищала от комаров и других насекомых и отделяла нас от остального мира. Мне удалось наконец-то посмотреть на Дамиана — по-настоящему посмотреть. Если вы закроете глаза и подумаете о ком-то, кто дорог вам, то в памяти всплывут конкретные детали, такие, как цвет волос и глаз, или данные, указанные в водительском удостоверении. Скорее всего, это будут частички, которые прошли через ваше сознание, что-то, что вы даже не думали и хранили в памяти.

Например, форма ушей Дамиана и то, как блестели его веки. Все остальное изменилось: его адамово яблоко — оно стало отчетливее, щетина на его челюсти, вечно поджатые губы. Но я по-прежнему узнаю мочку его уха, я помню ее с тех пор, как мы лежали близко друг к другу на траве. Когда деревья качались на ветру, желтые цветы опускались на наши лица. Я раскрыла ладонь Дамиана и очертила линии. Теперь это была рука мужчины, большая, сильная и грубая. Я ощутила нежное пожатие. Это была та самая рука, которая качала меня в гамаке, чтобы я уснула, та самая, что создавала бумажный мир, та самая, что показывала мне, как правильно сжимать кулак, не девчачий кулак, а настоящий, вырубаящий Гидиота кулак.

Я прижалась щекой к ладони Дамиана и позволила себе представить, лишь на минуту,

что мы снова дети.

— Мне так сильно тебя не хватало, — произнесла я в его прижатый к ладони большой палец. — Я писала тебе и МаМаЛу каждый день. Я не понимала, почему ты никогда не отвечал. Мое сердце треснуло от боли в нескольких местах. Я не видела, как ты бежал вслед за автомобилем в тот день, когда мы покинули Каса Палома. Я не знала, в каком аду ты побывал. Мне жаль, Эстебандидо, — я поцеловала его в центр ладони. — Так жаль, — мои слезы капали на его руку.

Когда я проснулась несколькими часами позже, глаза Дамиана были открыты, его рука все также подпирала мое лицо.

— Это правда? — спросил он. — То, что ты говорила?

Дамиан говорил нежно. Я никогда не слышала, чтобы он использовал со мной этот тон. Его голос. Господи, его голос. Я пыталась ответить, но он так на меня смотрел, что я не могла найти слов. Он смотрел на меня. Скай. Не дочь Уоррена Седжвика. Не средство для достижения цели. Впервые Дамиан видел меня.

Я позволяю ему смотреть на меня, потому что знаю, ему это необходимо, точно так же, как мне необходим он. Я позволяю ему увидеть девочку, которая поклонялась ему, девочку, которая тайно приносила ему землянику в покрытом пятнами подоле платья, девочку, которая так сильно хотела произвести на него впечатление, что просила отпустить ее велосипед, хотя еще не была готова покатиться самостоятельно.

— Почему ты так заботишься обо мне? Почему так мила со мной? — спросил он.

— Почему ты оттолкнул меня на корабле? Почему защитил от Рафаэля?

Я протянула руку, чтобы прикоснуться к его ране, но он вздрогнул и отвел мою руку в сторону. Он опустил взгляд на мой перевязанный палец, и на лице его отпечатались такая мука, что мне захотелось его обнять. Но прямо на моих глазах Дамиан пришел в себя. Он отключился, взгляд стал пустым, как протертая начисто доска. Он отвернулся от меня — и я так и осталась таращиться ему в спину.

Потихоньку все стало на свои места. Когда боли становится слишком много, Дамиан закрывается. Он все блокировал. Это был механизм психологической адаптации. Я могла только представить себе, чему он был свидетелем на протяжении всех тех лет с Эль-Чарро. Он научился отключать свои эмоции. Я помнила, когда он отрезал мой палец. Он продолжил нарезать картофельный салат так, как если бы он калечил людей каждый день. Вот он поправил свою подушку. Я знала, что спать на том боку, должно быть, очень больно, ведь швы были еще свежи. Поэтому я перевернулась на другую сторону и уставилась на стену. Несколько минут спустя, он перекатился обратно. Я почувствовала, как он уставился на мою спину. Вскоре я встану и дам ему еще одну дозу таблеток, но в настоящий момент я довольствовалась тем, что уже не была невидимкой — из-за вырвавшегося признания, несмотря на то, что я знала, он отведет взгляд в тот же момент, как я поверну к нему лицо. И к тому же, внутри меня все еще жило это чувство страха. Не считая этого момента, я не боялась за Дамиана. Я боялась его.

Всю мою жизнь люди заботились обо мне. Каждой моей прихоти старались угодить, каждая просьба была выполнена. Я стояла в кухне, уставившись на полки, и поняла, насколько не подготовлена, чтобы заботиться о ком-то. Я могла бы сделать кофе и тост, или тарелку овсяной каши, но теперь я смотрела на специи и банки консервов, которые, без сомнения, можно было бы смешать и приготовить что-нибудь вкусное, но я понятия не имела, как это сделать. Я вытащила банку томатного супа. Больным людям полезен суп. И

крекеры. Я схватила пакет. Я выглянула в окно, пока суп нагревался на плите. Контраст лазурной воды и незаконченной стены из известняка выглядел как иллюстрация из журналов про путешествия. Тропический бриз пронесся по кухне. Помещение было декорировано в мягких естественных тонах, как марципан и тыквенное масло. Я не могла представить себе Дамиана, выбирающего эту цветовую гамму. С другой стороны, это было идеальным убежищем от холодного, жестокого мира, в котором он жил. Здесь было тепло, солнечно и светло. Дамиан настороженно наблюдал за мной, когда я вошла в комнату с его ланчем на подносе. Очевидно, он не любил полагаться на кого-либо, но я знала, он просто использовал свою угрюмость, скрывая уязвимость. Он ненавидел быть слабым и нуждаться в заботе. Он ненавидел чувство вины, пришедшее вместе с моей заботой. Но это было именно тем, в чем он нуждался. Ему нужно знать, что он достоин заботы, что я не собиралась оставлять его, как, по его мнению, я поступила много лет тому назад, что, несмотря на все то, что случилось, я все еще рядом с ним. Я не знала, как надолго, потому что — да, Господи, просто потому, что даже уговорить его поесть мне казалось сейчас нереально сложной задачей. Я поставила поднос на кровать и перевернула ложку ручкой в его сторону. Он просто уставился на поднос. Я знала, он думал о времени, когда он делал то же самое для меня на корабле, принося мне еду, но обстоятельства были несколько другими. Я знала, что он думал об этом, беря в руки ту же самую ложку. Он поковырялся в тарелке и отложил ложку. Его горло сжалось, он боролся с тем, что мучило его.

Меня осенило. Никто не заботился о Дамиане со времени МаМаЛу, ни когда он болел, ни когда был ранен. Мир отказал ему в доброте, и он не знал, что с этим делать теперь или как реагировать. Он своими руками убил наркобарона, а тарелка супа сломала его. Он хотел, чтоб я ненавидела его за то, что он сделал. Это было бы понятнее для него. Но не это, не доброта там, где он ожидал неприязни. Это перевернуло весь его мир верх тормашками.

Я хотела положить свою руку на его сжатые кулаки и сказать, что все в порядке, но я встала и ушла. Я знала, что он ни за что не будет есть, если я буду наблюдать. Спустя несколько часов, когда я вернулась в его комнату, он спал. Он принял таблетки, но еду оставил нетронутой.

Рафаэль был прав.

Он был упертый, как осел.

Я открывала еще много банок с супом. Еще много подносов оставались нетронуты. Я уже была готова привязать его и насильно кормить, когда нашла баночку жареного арахиса. Когда Дамиан открыл глаза после полуденного сна, я сидела на стуле и наблюдала за ним.

— Наконец-то, — произнесла я, забрасывая горсть арахиса в свой рот. Хрусь, хрусь, хрусь.

Он проследил взглядом от меня к кулечку с арахисом, который я сделала из обложки журнала, но ничего не сказал.

Я продолжила жевать. Хрусь, хрусь, хрусь.

Он, должно быть, был голоден. Умирал от голода. Просто он был чертовски горд, чтобы позволить мне сделать что-либо для него.

— Я думал, у тебя аллергия на арахис, — сказал он.

— Тебе прекрасно известно, что нет.

На долю секунды тень улыбки промелькнула на его губах. В ней были воспоминания — воспоминания, пробившие брешь в его защите — о том, как я прячу контейнер с шоколадным мороженым и арахисовым маслом под свою кровать, чтобы поделиться

лакомством с ним. Ничего не осталось, когда он влез через окно тем вечером. Я съела все и очень старалась не показать, что мне плохо. Не вышло — и Эстебан помог мне убрать улики.

— Ты знал, — сказала я, понимая, почему он и глазом не моргнул, когда я говорила ему об аллергии на арахис. Я помнила, как он увлажнял свои ноги. — Ты осел.

Он рассмеялся, поймав арахис, который я бросила в него.

Дамиан чертов Кабальеро смеялся. И это была самое прекрасное, что я когда-либо видела. Я прикинулась, что для меня это не имело значения, как и то, что у меня перехватило дыхание и горло в волнении сжалось, когда я вывалила остальной арахис ему на колени и ушла.

Мне нужно побыть одной, иначе я бы обняла его в этот момент, в момент, когда маска на его лице дала трещину. Ему нужно было побыть одному, так он мог бы поесть тот арахис, не чувствуя, что я что-либо приготовила специально для него. Дамиан пересилил себя. Он закончил выкидоны с едой. Когда мы истощили запасы супа, я перешла к фасолевым подливкам и банкам с чили, персиками и грушами. Я наткнулась на золотую жилу, когда открыла морозилку и нашла замороженные обеды, которые могла разморозить в микроволновой печи. Я поступила как настоящий гурман, добавив щепотку паприки к макаронам с сыром и веточку оттаявшего брокколи (которую Дамиан оставил на тарелке, неблагодарная скотина). Иногда, когда он спал, я включала радио. Здесь не было никакого кабельного телевидения, таким образом, я была вынуждена довольствоваться «скрипящими» новостями из радиоприемника. Они повторяли мое имя и описание внешности, а также словесный портрет и имя Дамиана. Его считали вооруженным и опасным. Я слышала краткое заявление своего отца, обращенное к Дамиану.

Была выделена горячая линия и обещано денежное вознаграждение за любого рода информацию. Я исчезла две недели назад, и в голосе моего отца слышался надрыв. Он был уже у нас на хвосте, с пистолетами наголо, не зная ничего о том, что происходило на самом деле. Он понятия не имел, что Дамиан — это Эстебан, что это плата за его собственные грехи. Я разрывалась между гневом за то, что он сделал, ложью, которую он выдавал за правду, и глубоким убеждением, что в этой истории было что-то еще. Я знала своего отца, точно так же, как знала Дамиана. Я хотела сообщить отцу, где я, чтобы положить конец его страданиям, дать шанс объясниться, но это подразумевало, что мне придется выдать Дамиана, а я не хотела предавать его так, как он думал, я предала его много лет назад.

Я загрузила себя заботой о здоровье Дамиана и не думала больше ни о чем. Однажды вечером я открыла банку тунца и решила, что пришло время что-нибудь приготовить. Я заглянула в холодильник и нашла несколько лимонов, перезревший томат и одинокую луковицу, катающуюся по одному из выдвижных ящиков. Я подумала, что могла бы сделать севиче. (*Примеч. Севиче (исп. ceviche, seviche или sebiche, sebiche) — блюдо из рыбы или морепродуктов, получило распространение во многих кухнях латиноамериканских стран*). Это было главным блюдом в летний сезон в моем любимом ресторане. Я заказывала его сто пятьдесят раз, но давайте начистоту, как можно сделать это из консервированной рыбы в лимонном соку? Это притом, что обычно его делают со свежими сырыми морепродуктами, но я собиралась стать новатором. Переложила рыбу в тарелку и сбрызнула его лимонным соком, осторожно, чтобы не задеть свой перевязанный мизинец.

Маринад. Готово.

На очереди помидор и лук. Я пыталась нарезать помидор, но он был весь мягкий, поэтому я пропустила его в блендере вместе с луком, добавив чуточку острого соуса, и

перемешала смесь с рыбой.

Вуаля!

Почувствовав, что кулинарная авантюра вполне удалась, я положила тортильи на поднос и по центру тарелки. Я принесла его в спальню и положила на колени Дамиана.

— Я кое-что приготовила для тебя, — объявила я.

Он смотрел на комковатую стряпню, не притрагиваясь к ней. Боже милостивый, он выглядел таким грубым и суровым с этой отросшей щетиной.

— Вперед, — сказала я. — Это севиче.

— Севиче? — он присмотрелся.

— Да. Это рыба с...

— Я знаю, что такое севиче, — он явно был настроен подозрительно. — Ты первая.

— Отлично, — я пожала плечами, зачерпнув немного на тортилью.

— Мммм, — озвучила я. — Это и в самом деле вкусно.

Дамиан попробовал. Мы ели молча. Я проглотила. Он выплюнул лимонные зернышки и проглотил. Я зачерпнула еще раз. Он тоже. Ни один из нас не прервал зрительного контакта. Это было самой мерзкой, вонючей, тягучей смесью в мире. Имело привкус горечи, тухлых помидоров и жопы Барта Симпсона. *(Примеч. Бартоломью Джо-Джо «Барт» Симпсон (англ. Bartholomew Jo-Jo «Bart» Simpson) — герой мультипликационного сериала «Симпсоны»).*

Я выплюнула, но Дамиан продолжал есть, глотая гнилой, протухший кусок за куском, пока все не съел. Когда он закончил, он откинулся на спину, удерживая свой живот, как будто пытался пропихнуть все это.

— Что?.. — я уставилась на него. — Почему ты доел это?

— Потому что это ты приготовила, — ответил он. — Не делай так снова, — и он отвернулся на свою сторону и уснул.

Дамиан рано поднялся с кровати на следующее утро. Угроза съесть еще одно — или несколько — блюд моего собственного приготовления, видимо, ускорила процесс его выздоровления. Первое, что он сделал, это передвинул лодку под полог кокосовых деревьев. Он прикрыл ее пальмовыми ветками и скрепил их веревками, так что никто не смог бы распознать лодку сверху.

Наблюдая за его работой, за тем, как он наклонялся, и, смотря на его тело без рубашки, я недоумевала, как могла подумать о нем как об обычном парне. Он был стройным, но не слишком мускулистым, как будто спина и плечи налились силой от тяжелой работы. Его кожа была такого же цвета, как я запомнила — теплый песок с бронзой. Он редко расчесывал свои волосы, но это был отнюдь не спутанный беспорядок, это выглядело, как будто волосы раздуло ветром — сексуально, с влажными завитками на кончиках.

Когда Дамиан посмотрел в мою сторону, я прикинулась, что сосредоточилась на ракушках рядом с моими ногами. Я думала о наших воскресных прогулках по пляжу, о том, как мы гонялись наперегонки, опережая МаМаЛу, готовые к прыжку, прежде чем следующая волна утянет свои соковыща обратно в океан. Мы подбирали ракушки, которые потеряли былую красоту, разбившись о волны. Разбитые вдребезги, они были такими хрупкими, что превращались в радужный луч света. Они были самыми любимыми у МаМаЛу. Мы делали для нее ожерелья. Я отбирала их по размеру и форме, а он аккуратно проделывал отверстия. Это было самым сложным этапом — с помощью гвоздика пробить хрупкие ракушки, при этом не раскрошив их. Я собрала несколько ракушек, прежде чем вернуться внутрь, чувствуя,

как внутри меня несколько мелких кусочков словно собрались воедино. Здесь, на глухом острове, без шезлонгов, громкой музыки и внимательных официантов, обновляющих мой коктейль, я будто вернулась к себе, возобновила связь с собой. Меня не заботило, как уложены мои волосы, во сколько подается обед, сеансы массажа, или частные экскурсии. Здесь было чувство свободы, чувство легкости, и я не чувствовала себя потерявшейся.

Тем вечером Дамиан готовил крабов на пляже, на небольшом костре в котелке с водой. Мы ели их с растопленным маслом, стекавшим вниз по нашим подбородкам. Хорошо, он был лучший повар, чем я, и он первоклассно бы уделал конкурента на шоу «Последний герой». *(Примеч. В американском варианте шоу о выживании в естественных условиях на необитаемом острове носит название «Выживший»)*. Как ни крути, я считала, что он был, мать вашу, крутым мужиком, раз уж пережил мое севиче.

Он сделал разрезы на нескольких кокосах, и мы потягивали сладкую, легкую жидкость. Дамиан не смотрел на меня. Совсем. Он опускал взгляд на воду. Иногда он смотрел вверх на небо. Мне было любопытно, осматривал ли он место возможного появления лодки или вертолета. Я была почти уверена, что он слушал новости.

Несколько раз, когда его глаза останавливались на мне, он быстро отводил взгляд. Я понятия не имела, о чем он думал или как долго мы должны были прятаться. Было столько всего, что я хотела спросить у него, так много, чего хотела узнать, но сидя возле него, наблюдая за огнем, в то время как покачивалось море, я чувствовала покой. Я ощущала себя в безопасности с Дамианом. Я хотела свернуться калачиком и положить свою голову ему на колени, как делала много лет назад в начале нашей дружбы. Но Дамиан был занят. Он делал дырки в ракушках, которые я собрала. Он был так нежен, так осторожен с каждым кусочком, что я не могла отвести от него глаз. Его пальцы ощупывали каждую ракушку, перед тем как выбрать правильное место. Иногда он поглаживал ракушку, поворачивал, уделяя ей все внимание, прежде чем отложить в сторону. Это были те, что могли треснуть от малейшего усилия, и Дамиан не хотел навредить ни одной.

Закончив, Дамиан продел нитку через отверстия ракушек и связал концы. Он подержал их над огнем. Ожерелье засверкало легким золотом, хрупкое и изящное.

— Вот, — он дал его мне.

Дамиан никогда не делал ожерелье из морских ракушек ни для кого, кроме МаМаЛу. Внезапно я поняла, что он сделал. Он извинялся. Он компенсировал то ожерелье, которое выкинул за борт, ожерелье, которое отняло у него его мать. *Ты когда-либо держала жизнь в руке? Он опустил медальон в мою руку и согнул мои пальцы вокруг него. Вот, почувствуй это.* Я подумала, что он чокнулся, но ожерелье моей матери стоило жизни его матери. Однако он был здесь, подарив мне память о своей матери, чтобы возместить потерю памяти о моей.

— Она была и моей матерью, — сказала я. — МаМаЛу была единственной мамой, которую я знала.

Мучительные, тяжелые рыдания вырвались из меня. Я приблизилась, обвила его руками, желая разделить эту боль, это горе. Кто-нибудь обнимал его, когда она умерла? Кто-нибудь утешал его? Он застыл, но позволил мне плакать. Я плакала о нем. Я плакала о МаМаЛу. Я плакала по нашим матерям, которых больше нет, и о всех тех годах вдали друг от друга, что мы потеряли.

Когда я успокоилась, я поняла, что он обнимал меня, также крепко, как я обнимала его. Я чувствовала, что Дамиан ступил на свой тернистый путь, ведущий через все сломанные,

разрушенные, прекрасные частички его души, возвращаясь ко мне.

Спать рядом с Дамианом, не прикасаясь к нему, было пыткой, но не в романтическом или сексуальном смысле. Я чувствовала, как будто часть меня, отброшенная в сторону за ненужностью, возвращалась ко мне, и я хотела схватить ее, прижать к себе и удержать. Я знала, что Дамиан взбесится, поэтому я подавила порыв. Однако позже, сделала попытку как бы случайно, как бы во сне приобнять его. На протяжении нескольких секунд я позволила себе насладиться прикосновением к уже знакомому теплу его кожи, присутствием моего давно потерянного лучшего друга, лежащего рядом со мной. Затем Дамиан медленно снял с себя мою руку и вернул ее на мою сторону. Кажется, он догадался, что это была уловка. Я ведь всегда твердо держалась своей стороны кровати на лодке, мое тело в то время было жесткое и прямое как доска, чтобы не задеть его даже кончиком пальца. А теперь я двигала руками и ногами. Я знала, что он знал, и это вызвало у меня улыбку, когда он немного отодвинулся, а я чуть придвинулась, и так до тех пор, пока он не оказался на краю кровати, и единственной вещью, удерживающей его от падения, была москитная сетка, подоткнутая под матрас.

Неважно, спала я со своей стороны или вторгалась на его, Дамиан поднимался ни свет ни заря.

Я не удивилась, когда он занялся готовкой. Мне же по умолчанию досталась работа по дому: веник и швабра стояли по центру кухни, моющие средства — на стеллаже с полотенцами, ершик для унитаза свисал с ручки ванной двери. Я немного растерялась, но если Дамиан и заметил, что я мыла шваброй пол, прежде чем подмести его, или что полотенца теперь странного розового цвета, он ничего не сказал.

Он принес из лодки все мои пакеты, и хотя моя украшенная блестками юбка однозначно не была одеянием для чистки туалета, я поймала его за оглядыванием моей блестящей задницы. Я следовала за ним весь день в той юбке, топике и в ожерелье из ракушек, что он дал мне.

Я так заиклилась на Дамиане, пока он восстанавливался, что только сейчас впервые по-настоящему взглянула на остров. Его площадь была всего лишь несколько квадратных километров, с одной стороны его окаймлял белый песчаный пляж, с другой — густой тропический лес. Небольшой дом был расположен посередине, под тенью больших деревьев. Прямо перед домом — зеркало спокойных вод, защищенное коралловыми рифами, а с задней стороны к дому подступали пальмовые рощи, деревья папайи и кустарники с пышными гладкими листьями.

Было ясно, что Дамиан знал остров как свои пять пальцев. Он знал, где найти маленькие красные бананы с такой сливочной консистенцией, что на вкус они были как жирный сладкий заварной крем с ноткой малины. Он знал, в каком месте солнце припекало, и где с океана дул самый свежий бриз.

— Ты часто сюда приезжаешь? — спросила я, когда он проверял генератор. По всей видимости, место было снабжено всем необходимым. Генератор, баки для сбора и очистки дождевой воды, пропан, чтобы нагревать воду, которую мы использовали для уборки и купания.

— Это было домом некоторое время, — ответил он.

— Ты имеешь в виду, когда ты и Рафаэль скрывались после случившегося с Эль-Чарро?

— Как ты узнала об Эль-Чарро?

— Рафаэль рассказал мне.

Кажется, это его не обеспокоило. Он был тем, кем он был, не скрывая своего прошлого или поступков, которые совершил.

— Кто-нибудь знает, что ты здесь? То есть, чья это собственность? — спросила я.

— Теперь моя, — сказал он. — В общем-то, она бесполезна. Слишком маленькая для туризма, слишком большой пляж для сельского хозяйства, слишком удаленно для рыбаков.

— Но ты не живешь здесь?

— Нет. Я иду туда, куда ведет меня работа.

— Итак... — я возилась с каймой на моем топе. — Мы здесь в безопасности?

Дамиан остановил меня.

— Нет «нас», Скай. Мы выросли. Мы стали разными людьми. Мы живем в разных мирах. Как только станет безопасно, я вывезу тебя на материк.

— Ты просто собираешься высадить меня? — я уставилась на него недоверчиво. — Что насчет МаМаЛу? Ты говорил, что отведешь меня туда. Мне нужно увидеть ее, Дамиан. Мне нужно увидеть ее могилу. У меня никогда не было возможности сказать «прощай».

— Не у тебя одной, — выплюнул он. — Я взял тебя в плен, чтобы ты могла увидеть, чтобы ты поняла, почему я делал то, что сделал. Но теперь ты знаешь правду.

— Вот оно что? Ты выгружаешь меня где-то, где они смогут найти меня, как будто я просто хлам? И что я, предполагается, должна сделать? Забыть обо всем, что случилось? Забыть, что ты похитил меня, перевернув мою жизнь верх дном, и затем отпустил меня? Вот так запросто? Ну, знаешь, что? Я и в самом деле забыла. Я забыла о тебе, пока ты не вернулся обратно в мою жизнь. Ты эгоистичный чертов ублюдок, Дамиан. Ловишь меня, когда тебе удобно, выбрасываешь меня, когда тебе удобно. Я не какая-то безмозгая, бесчувственная игрушка, которую ты можешь переставлять туда-сюда в игре, в которую играешь с моим отцом. Я живая, я здесь, и я беспокоюсь за тебя.

Вот она, вспышка эмоции на лице Дамиана, сорвавшееся дыхание, как будто от удара в живот. И так же быстро она исчезла.

— Не беспокойся обо мне, — промолвил он. — Я эгоистичный чертов ублюдок. Я убивал людей, спланировал, подготовил и организовал все это и ни капельки не чувствовал угрызений совести. И я планировал, готовил и организовывал твое убийство. Поэтому не беспокойся за меня, потому что я только разочарую тебя.

— Бред собачий! Ты просто боишься подпустить меня, ты боишься подпустить любого.

Мы сердито смотрели друг на друга, ни один из нас не желал отступить.

Потом Дамиан повернулся и скрылся за деревьями.

Прекрасно.

Я в бешенстве помчалась на пляж.

Я выскользнула из своей юбки, сбросила топ на песок и шагнула в воду. Она была теплой и настолько прозрачной, что солнечные лучи танцевали на моих ногах. Я легла на спину и отдалась океану.

«Возьми это. Забери это прочь, — думала я. — Я не знаю, что делать со всем этим».

Я плыла как щепка, покачиваясь на волнах. Мой палец все еще покалывал, но это было терпимо. Я открыла глаза, когда чайка пронеслась над головой, закрыв на мгновение солнце. Я повернулась к берегу, проследив ее путь, и заметила Дамиана, наблюдавшего за мной с

террасы. На мне было нижнее белье, но оно прилипло к моему телу как вторая кожа. Он уже видел меня голой, но это было другое. Он не смотрел на меня тогда так, как смотрел сейчас, почти что с желанием. Это заставило меня ощутить себя священным Граалем, который он искал. Я была оазисом — а он был парой обожженных песками пустыни ног. Он отвел взгляд и снова принялся строгать, или чем он там занимался.

Я вышла из воды и подняла свою одежду. Дамиан продолжал избегать моего взгляда. Когда я вышла из душа, вымыв свои черно-белые волосы, он ожидал меня в спальнной комнате.

— Позволь осмотреть твой палец, — он снял влажный, грязный бинт и внимательно осмотрел рану. Все зажило, хотя кожа была еще очень нежной. — Так будет лучше, — он сделал для меня деревянный фиксатор, оббитый ватой со всех сторон, но не настолько объемистый, чтобы мешать.

Я уселась на кровати и позволила ему надеть его.

— Как ощущения? — спросил он, закрепив его лейкопластырем.

— Хорошо, — честное слово, действительно хорошо. Посмотри на меня так еще раз. С нежностью в глазах. — Что насчет тебя? — я провела пальцами по швам на его виске. Одна, две, три, четыре. Четыре крестообразные стяжки.

— Я в порядке, — сказал он, но позволил моим пальцам оставаться на его коже.

Он стоял на коленях на полу. Все еще держал меня за руку, хотя фиксатор был уже прикреплен. Наши глаза были на одном уровне, спрятаться было негде.

Каждый раз, когда МаМаЛу пела о горах Сьерра-Морена, я думала о глазах Дамиана. Я не знала, как выглядели те горы, но я всегда представляла их темными, с черными деревьями и угольными пещерами. Конечно, я тогда понятия не имела, что мои собственные чувства станут гангстерами, подстерегающими жертву, и набросятся на меня из засады со всех сторон.

Дамиан украдкой бросал на меня взгляды, а когда его взгляд упал на мои губы, я почувствовала, что теряю и дыхание и мысли. Я гадала, чувствовал ли он то самое неизбежное притяжение, колотилось ли его сердце так же быстро как мое, когда прошлое и настоящие дрались, будто одичавшие подростки, на задворках его сознания.

Капли воды капали с волос в ложбинку между моими грудями. Ничто не отделяло меня от Дамиана, кроме моего полотенца. Мои чувства были открыты: мои губы, моя кожа, мои глаза — все открыто и обнажено. И наконец, это было моим уничтожением, его уничтожением. Дамиан мог забрать мой палец, но не мое сердце.

Затем он отпустил мою руку и покинул комнату.

Я позабыла, какие на вкус округлые, сочные манго, которые теперь ела, сорвав прямо с дерева. Манго на острове были небольшими, но удивительно сладкими. Я могла вместить три штуки в своей ладони, и когда я обдирала мягкую, толстую кожицу, сок стекал по моим рукам и превращался в липкую массу. Стоило следить за муравьями, пока я ела — они так и норовили заползти на ноги. Эти паразиты любили сок манго и заползали куда угодно. Такова была цена, которую я готова была платить за наслаждение сидеть в тени мангового дерева и вонзаться зубами в нежную оранжевую мякоть. Лучше всего было, когда я могла засунуть целое манго в рот и высосать из него все, пока не оставалась сухая бородатая косточка. Спелые, крупные фрукты падали с дерева сами, поэтому несколько всегда валялось на земле, но они были помяты или подточены насекомыми и мелкими животными. Дамиан забрался на дерево и тряс ветку, пока я стояла внизу, пытаюсь поймать их в плетеную корзину.

— Ой, — повторила я в пятый раз, когда фрукт отскочил от моей головы. — Погоди! На счет пять, хорошо?

Мы вместе собирали манго. Это была одна из тех мелочей, которые вернулись так неожиданно, что Дамиан даже не заметил. И это превосходно работало.

Я все еще упивалась нашим небольшим перемирием, когда небеса разверзлись. Это не был приятный, легкий дождик, это было как одна большая волна с шапкой пены на вершине. Тропический душ сбросил еще больше манго на мою голову. Я перевернула корзину вверх дном, прикрывая себя. Все манго, что мы собирали, градом посыпались на мою голову. Я побежала к укрытию, но земля быстро превращалась в жижу, и я скользила на шаг назад, когда ступала вперед. Дамиан спрыгнул с дерева, и в несколько шагов оказался передо мной, в том же самом положении, что и я, с той лишь разницей, что он был тяжелее, так что с каждым шагом погружался глубже. Мы были похожи на двух промокших зомби с негнущимися и неловкими руками и ногами, совершающих побег из склепа.

Дамиан обернулся, когда я начала смеяться. Он окинул меня взглядом: перевернутая корзина на голове, по щиколотку в жиже и липкой грязи, и начал смеяться также.

— Сюда, — он схватил меня за руку и потянул в маленькую лесную хижину в джунглях.

Тростниковая крыша защитила нас от налетевшего вихря. Я упала на землю, промокшая до нитки, попыталась восстановить дыхание, но потерпела фиаско, поскольку не могла прекратить смеяться над Дамианом с испачканными в грязи ногами.

— Приятель, если для тебя так важно увлажнение ног, запишись на педикюр. Ужас, — сказала я, погрузившись в грусть, когда увидела, что он больше не смеется.

— Что? — спросила я. Он смотрел на меня так пронизательно, что я начала ерзать.

— У тебя все тот же смех, — сказал он.

Я замерла и опустила глаза на корзину на моих коленях. Я не хотела, чтобы он понял, что эти почти незаметные спонтанные дружеские порывы вызывают во мне желание заключить его в объятия и сломать все стены, которые мы возвели, чтобы спрятаться друг от друга.

— Тот же смех, за исключением щели между передними зубами, — продолжил он, растянувшись возле меня.

— Я все та же девочка, Дамиан, — я опустила голову, и мы легли на пол, мечтая о наивном детстве, цельных сердцах, свежей чистоте и настоящей жизни. О грязных лужах и лицах, испачканных шоколадом, ободранных коленках, прыжках через скакалку. О том, как я пряталась за юбкой МаМаЛу после того, как разрисовала его лицо ярко-розовой краской, пока он спал под деревом.

— День посещения могилы МаМаЛу — один и тот же каждый год? — спросила я.

Он кивнул, глядя на сухие пальмовые ветви, разложенные на крыше.

— Обычно я ждал у стен тюрьмы. Как-то раз я услышал, как она пела. Это был последний раз, когда она пела для меня. Звук доносился настолько отчетливо, что я мог слышать его среди всего того шума и хаоса вокруг, будто бы МаМаЛу оказалась рядом со мной, напевая мне в ухо. Я думаю, это был ее способ сказать «прощай». С тех пор я каждый год прихожу туда в этот день.

Я хотела дотянуться до руки Дамиана, сжать его пальцы. Я хотела заверить его, что он был хорошим сыном, и сказать ему, как сильно его любила МаМаЛу, но было слишком трудно проглотить комок, образовавшийся в горле.

Мы слушали стук дождя, пока грязь высыхала на наших ногах.

— Что это за место? — спросила я, оглядываясь вокруг. Хижина была хлипкая, но было видно, что ее использовали. Фонарь висел на одном из столбов, внутри стояла импровизированная скамейка с инструментами и заржавелыми болтами и гвоздями, лежащими на ней.

— Это вроде мастерской теперь. Я соорудил ее, когда мы с Рафаэлем впервые приехали сюда. Тогда это была просто заросшая травой хижина, но мы обшили ее древесиной и залатали. Со временем я построил дом и перестал сюда приходить.

— Ты построил его сам?

— Понемногу. Перевозка материалов в это место была сложной. Это заняло несколько лет, но мне нравится приезжать сюда, работать — и быть в одиночестве.

— Ты как МакГайвер.

— Мак кто?

— МакГайвер. Это любимое шоу моего отца, о сапере, который чинит практически все, что угодно, с помощью канцелярской скрепки и швейцарского армейского ножа. Бьюсь об заклад, он мог бы показать тебе, как вставить стекла в окна.

— Что заставляет тебя думать, что я не установил их намеренно?

— Ты ведь никогда не любил стекла в окнах, — проговорила я, думая о временах, когда мне приходилось открывать свое окно, чтобы он мог проскользнуть в него. Я знала, что он вспомнил о том же. Дамиан не передвинулся, когда я дотронулась до тыльной стороны его пальцев своими. Это было так интимно — возможность держаться с ним за руки.

— Помнишь желтые цветы, которые падали с деревьев? — спросила я.

— Да.

Я улыбнулась, когда дождь, скопившийся на крыше, стал просачиваться сквозь листья, капая на наши лица с громкими «кап». Мы остались на месте, не желая шевелиться, притворившись, будто капли дождя — это влажные солнечные цветы.

— Дамиан, — сказала я, удерживая глаза закрытыми, — я знаю, что должна вернуться назад в тот иной мир, мир, из которого ты меня похитил. И я понятия не имею, что произойдет между «сейчас» и «тогда», но прямо здесь, пока идет дождь, в этой хижине, на этом острове, в этот момент я хочу, чтобы это продолжалось вечно.

Дамиан не ответил, но пальцы убрал. И все-таки, это было хорошо. И если точно, это было больше чем хорошо, потому что Дамиан Кабальеро боролся кое с чем, чего он боялся до чертиков. Со мной.

— Готова? — спросил Дамиан.

— Ты уверен, что это безопасно? — я сложила вдвое листок со списком продуктов, в которых мы нуждались, и поправила солнечные очки.

— Это туристический город, оживленные улицы, масса народу. У меня борода. У тебя другой цвет волос. Мы совершенно отличаемся от наших фотографий. Никто не узнает, — Дамиан натянул свою бейсболку. Сан-Диего.

Сексуальный Дамиан.

План Рафаэля работал. Из-за выброшенной в Каборасе телефонной сим-карты Дамиане поиски пошли по ложному следу. Им не потребуется много времени, чтобы понять, что след потерялся, но в данный момент мы были в безопасности.

— Не забудь это, — Дамиан передал мне ожерелье из ракушек, которое он сделал для меня. — Ничто не выдает туриста лучше, чем здешние изделия ручной работы.

Я надела его и посмотрела на свое отражение. Я была одета в черную майку и брюки, в которых была, когда Дамиан похитил меня. Они выглядели потрепанными: солнцем, жарой, водой.

Я не представляла себе, что когда-нибудь мне придется садиться в этих брючках на поросший мхом ствол дерева, не думала, что надела бы их для прогулки в джунгли за червями. Разумеется, я только держала ведро, когда Дамиан откапывал червей. Одно дело — испачкать подол, но я вовсе не собиралась брать этих извивающихся тварей в руки.

Дамиан скинул маскировочное покрытие из пальмовых листьев, которое он привязал к лодке. Было странно вернуться в место, из которого раньше я так страстно желала сбежать. Чувство свободы, которое я ощущала сейчас, раньше я себе и представить не могла.

Быть оторванной от моего блистательного мира «напоказ» было ужасно тяжело, но я не знала, смогу ли я когда-нибудь снова стать тем человеком. Я больше не была пластмассовым манекеном, красивым и идеальным, я была переделана внутри и снаружи. Мои волосы выглядели ужасно, мои ногти выглядели ужасно, мое сердце выглядело ужасно. Но моя кожа жила и ее целовало солнце, и мое лицо сияло от океанского бриза и соленых брызг.

Я наблюдала, как Дамиан управлял судном и старался не глядеть на меня. Ветер заставил его рубашку прильнуть к телу, обрисовывая его плечи и безупречный пресс. Он не брился с тех пор, как мы были на острове, но его борода не была чересчур густой. Это делало его облик беззаботным, богемным и супермужественным, как будто он сошел со страниц морского журнала. Его лицо зажило. Все швы все еще были на месте, их уж скоро можно будет снять, и они спрячутся за линией волос и под его кепкой. У него острый нос, бронзовая кожа, плотно обтягивающая его скулы, черные ресницы обрамляли его глубокие темные глаза. Проклятье. У него был прекрасный, горделивый профиль.

Было начало второй половины дня, когда мы бросили якорь в оживленном порту. Круизные суда и яхты усеивали сверкающую гавань. За пляжами находились обширные курорты, магазины и рестораны. Мы просачивались сквозь потоки розовых такси, мимо сувенирных лавок, переполненных загорелыми телами туристов, суши баров и назойливых продавцов. Извилистые переулки открывали главную площадь, магазины и банки смотрели на толпы проходящих мимо людей из-под глубокой, арочной крытой галереи.

Я последовала за Дамианом, огибая вместе с ним высокие здания, игнорируя супермаркеты и сети магазинов, на другой стороне рыночной площади. Там, в стороне от зданий, на другом конце улицы, был открытый рынок. Яркие киоски, заполненные практически всем, что только можно вообразить: рядами арбузов, ананасов и апельсинов, халапеньо размером с маленькие огурцы, специями, сложенными в высокие ароматные пирамиды, пиратскими DVD и CD, поддельными пилюлями-энергетиками *Gap u Hollister*, повязками с торчащими из них огромными пенисами и веслами из кактусов, как минимум два метра высотой, сложенными в стопки.

Дамиан был прав. Это головокружительная какофония достопримечательностей, звуков и запахов была идеальным местом, чтобы смешаться с толпой. Мы купили яйца и белую фасоль, а еще томаты размером с кочан цветной капусты. Я присосалась к покрытым чили и сахаром шарикам тамаринда, которые заставили мой рот гудеть, а глаза слезиться. (*Примеч. Тамаринд — индийский финик, плодое растение из семейства бобовых*). Мы проходили мимо рядов с разложенными на льду морепродуктами. Там были окунь, осьминог и злые на вид акулы, которых называли *cazón*. (*Примеч. Cazón Paras Locas это маленькие акулки, узкие и быстрые*). Дамиан купил несколько моллюсков с мягкими, коричневыми раковинами.

— Шоколадные моллюски, — сказал он. — На случай, если ты захочешь *настоящее* севиче.

Я скорчила гримасу и отмахнулась от еще одного продавца, задумавшись, почему никто не подсовывает кусок сыра и авокадо под нос Дамиану.

— Ты *самый ужасный* компаньон для похода за покупками, — сказала я, когда он шлепнул меня по руке, которую я протянула к прилавку с сумками ручной работы и обувью. Я задержалась на несколько секунд, чтобы полюбоваться замысловатыми узорами на коже ручной выделки, прежде чем бросилась вслед за Дамианом.

— Я голодна, — сказала я.

Мы стояли возле киосков с тако. Я чувствовала запах свежих лепешек и древесного дыма, обжаренных овощей и мяса на гриле.

— Мы почти закончили.

— Но я хочу есть *сейчас*.

— Ты *самый ужасный* компаньон для похода за покупками, — промолвил он.

Я доплелась за ним еще к паре киосков, прежде чем устроила акцию протеста.

— Для шопоголика со стажем у тебя полностью отсутствует концентрация и дисциплина, — он оттащил меня к обочине. — Хотя, с другой стороны, ты привыкла к кондиционированным торговым комплексам и перерывам на чай с пузырьками.

— Я ненавижу чай с пузырьками, — сказала я, следуя за ним вниз по узкой мощеной дорожке к уличным ларькам.

— Как насчет *Paras Locas*? Безумной картошки? — спросил он. (*Примеч. Безумная картошка — блюдо из картофеля, нарезанного палочками или кружками, обжаренными в масле, фаршированного различными сортами мяса и политыми одновременно кетчупом, майонезом и горчицей*).

Продавец обжаривал в фольге крупный картофель, смешанный с маслом и молодым сыром и подавал его с бесчисленной разновидностью начинок, запеченная говядина, свинина, бекон, бобы, лук, чеснок, кориандр, сальса и соус гуакамоле.

— Вкусно? — спросил Дамиан, когда я вгрызлась в нафаршированную картофелину.

— Рай, — ответила я.

— Хочешь немного этого? — он протянул свое буррито со стейком средней прожарки с тмином, чесноком и соком лайма.

— Нет спасибо, — выглядело оно аппетитно, но я не собиралась признаваться, что хотела его буррито.

Я по-прежнему улыбалась сама своей глупости, когда шумный свадебный кортеж пошел по аллее — веселые жених и невеста, в сопровождении группы хохочущих детей, за которыми следовал целый ансамбль марьячи, а следом — родственники и друзья. *(Примеч. Марьячи (испан. mariachi) — мексиканский традиционный народный инструментальный ансамбль. Основной состав инструментов — скрипки, гитары, хараниты, гитарроны; позднее под влиянием городских оркестров стали включаться трубы и тромبون).* Дамиан и я прижались к противоположным сторонам дорожки, чтобы пропустить их. Звуки фанфар ревели нам в уши, немного фальшиво, атакуя нас тяжелым взрывом вибрато. Моя картошка затряслась в отчаянии, и несколько кружочков зеленого лука соскользнули вниз. Наши с Дамианом взгляды встретились. Внезапно мы снова стали детьми, и засмеялись, когда мужчины с объемными сомбреро и звонкими скрипками двинулись цепочкой между нами.

Он заметил их одновременно со мной — ряды и ряды бумаги, расклеенной на стенах на другой стороне улицы: розовые и желтые листовки с нашими лицами, отпечатанными на них. Я не могла разобрать, что в них говорилось, но я была почти уверена, что надписи говорили «Пропавшая без вести» обо мне и «Разыскивается» о нем. Мы словно отрезвели, увидев свои лица на листовках. Мимо нас в два ряда прошла целая свадебная процессия. Наши взгляды замерли, мы затаили дыхание. Улица была настолько узкой, что двое влюбленных, стоявших на балконах друг напротив друга, могли бы дотянуться друг до друга для поцелуя. Бежать было некуда.

Мы оставались, словно приклеенные к стенам, пока последний человек из свиты молодоженов не прошел мимо нас, и звук гитар не превратился в отдаленное брнчание.

— Шевелись, — Дамиан поднял пакеты с покупками с земли.

Мы шли к нашей лодке через лабиринт улиц, когда он остановился возле двери уличного травмпункта.

— Думаю тебе нужно зайти, чтобы они осмотрели твой палец, — сказал он.

— И так *нормально*, — я помахала фиксатором перед ним. — Они ничего не смогут сделать. Кроме того, не думаешь ли ты, что это немного опасно? Если они смотрели новости, то могут сообразить, что к чему.

— Нет, если ты пойдешь одна. Возможно, нам стоит разойтись.

— И что? Выдумать историю о том, что случилось?

— Не хочешь — не выдумывай, но пойди и проверь. Иди. Я подожду тебя здесь.

— Отлично, — я двинулась дальше. Последнее что мне нужно, чтобы кто-то пытался сунуть к нему нос, когда он наконец-то заживает.

— Дело твое, — Дамиан не сдвинулся с места. — Если ты не войдешь, пойду я. Я должен снять швы.

Я секунду колебалась. Я бы хотела сейчас же вернуться к лодке, но он был прав. Его швы нужно было снять.

— Жди меня в супермаркете, — сказал Дамиан. Он жестом указал на магазин на другой стороне улицы. — Это не займет много времени.

— Хорошо, — я стала переходить дорогу, но он удержал меня.

— Вот, — он вручил мне несколько банкнот. — На тот случай, если у них есть

шоколадное мороженое с арахисовым маслом.

— Это слишком много для мороженого! — я засмеялась, но он уже зашел в травмпункт.

В сравнении с толпой толкающихся прохожих, супермаркет казался прохладным и тихим. Песня «Demons» группы *Imagine Dragons* звучала из динамиков. Я бродила по отделу с замороженными продуктами. Никакого шоколадного мороженого с арахисовым маслом. Я просматривала замороженные оладьи, когда слова из песни заставили меня замереть на месте.

Дамиан был слишком настойчив — травмпункт, мой палец, его швы. Какие-то намеки насчет того, что нам нужно разделиться.

Возможно, нам стоит разойтись.

Козел! Он отпустил меня.

Как только станет безопасно, я переправлю тебя с острова.

Не забывай об этом.

Он убедился, чтобы я не оставила ожерелье из ракушек.

Я побежала обратно через дорогу, едва увернувшись от машин, которые чуть меня не сбили. Водители сигналили и проклинали меня, но все, что в тот момент меня волновало, — дверь травмпункта. Я дернула ее и застыла. Он был там, сидел на одном из пластиковых стульев и листал журнал, пакеты с покупками стояли у его ног. Я медленно отступила прочь, не желая, чтобы он увидел, в какой панике я была, что мысль о том, чтобы оказаться вдали от него снова, была настолько болезненной, что я едва могу дышать. Я закрыла глаза и задышала.

5, 4, 3, 2, 1. .

Еще раз.

5, 4, 3, 2, 1. .

Затем я вернулась в супермаркет. В течение некоторого времени я просто слонялась вокруг, все еще не в состоянии справиться с чувством пустоты, которое охватило меня. Я была влюблена в Дамиана, окончательно, полностью, безысходно. Я говорила себе, что пока я остаюсь с ним, у него есть преимущество, он может заключить сделку, обменяв меня на свою безопасность.

Без меня он был открытой мишенью. Но правда была в том, что я хотела остаться с ним из-за себя самой, потому что он всегда, всегда был частью меня. Я хотела остаться с ним, чтобы собрать воедино все его расколотые вдребезги кусочки. Я не смогу быть целой, если он останется расколотым на части.

В раздумьях я остановилась перед земляникой. Крупная, огненно-красная земляника с яркими, зелеными шапочками. Я вспомнила растоптанный пирог, которого Дамиан так и не получил на мой день рождения, и решила, что куплю ее. Я собиралась накормить его земляникой, и ему придется в меня влюбиться.

Да. Мне понравился этот мой гениальный, надежный план.

Я ждала Дамиана внутри магазина до самого закрытия. Когда выключили свет, я направилась в травмпункт, неся в руках целую гору земляники. Дамиана там не было. Никто не сидел в комнате ожидания.

— Есть ли тут кто-нибудь на приеме у врача? — спросила я администратора.

— Нет, но на сегодня мы закончили. Извините, вы можете прийти завтра.

Я с земляникой в руках вышла на улицу

Он оставил меня. Это был его план с самого начала — оставить меня рядом с

травмпунктом, чтобы меня можно было опознать.

Мы думаем, это та самая девушка. Она пришла с отрезанным пальцем. Это то, что нам рассказывали. Во всех новостях говорили, что отцу прислали кусок ее пальца. Жуткий материал. Никаких признаков парня.

Когда это не сработало он, придумав отговорку, пошел сам. Возможно, он и в самом деле снял свои швы. Возможно, он вышел, увидел меня, ожидающую его с двумя пакетами земляники, и решил, что для нас обоих будет лучше, если он уйдет. И да, это имело *смысл*. Мне следовало бы найти ближайшее отделение полиции и связаться с моим отцом. Я могла бы вернуться в Ла-Хойя завтра, в мою любимую комнату, которая была в два раза больше дома Дамиана на острове, снова окружить себя вниманием, заботой, капризами. *Это* имело бы смысл.

Но не я. Не я, бежавшая по улицам, ведущим к порту, ловя такси в безумной надежде, что смогу догнать его, сжимая бумажный пакет с земляникой и капая соком на сиденье.

— Остановите! Сейчас же! — я швырнула несколько купюр водителю, узнав пристань, где мы бросили якорь, и выбралась из машины прежде, чем он остановился.

Я добежала до конца пирса, когда лодка Дамиана выходила из порта.

— Дамиан! — я поднялась на цыпочки на самом краю, так близко к нему, как только могла, пытаюсь привлечь его внимание.

— Дамиан!

Он обернулся.

Да.

Не было другого пути, чтобы показать ему, что я простила его, показать, что то, что я чувствовала, было совсем не боль и страдание. Я поняла причину. Я поняла *его*. Теперь была его очередь: отпустить, дать шанс, позволить мне защищать его, позволить мне поддержать его, что бы ни случилось.

Тебе всего-то нужно развернуть лодку и вернуться, Дамиан.

Он слышал меня, хоть и не произнесла ни слова. Наши глаза встретились, и я увидела все его чувства. На несколько лазурно-небесных коротких мгновений мое и его сердце были единым целым, они хотели одного и того же. Затем он отвернулся и продолжил свой путь.

Я выпустила из рук дурацкую землянику. Выбросила дурацкую надежду, что раздувалась у меня в груди, подобно большому дурацкому воздушному шару. Я выбросила свою дурацкую гордость, уселась на дурацком пирсе и позволила себе дурацкие слезы.

Я гналась за лодкой Дамиана точно так же, как он гнался за моим автомобилем много лет назад. Но это было по-другому. Это не была сухая, пыльная дорога. Это был безоблачный день, безоблачное небо. Ничто не загораживало меня от него.

Он видел меня, он слышал меня и решил не останавливаться. Поскольку там, где есть ненависть, любви быть не может, а Дамиан все еще ненавидел моего отца.

— У тебя нет права наказывать меня за него! — я швырнула землянику вслед лодке.

Лодка все отдалялась и отдалялась с каждой минутой. Я хотела было кинуть еще одну вслед за ней, но он не заслужил ни единой землянички, поэтому я сунула ее в рот и вытерла свои слезы.

— Что случилось, милочка? — я почувствовала руку на своем плече. Это была пожилая леди, одетая в легкое, с бахромой, кимоно, в топе и длинной юбке. На ее толстых пальцах сверкали массивные кольца.

— Я опоздала на свой рейс, — я почувствовала мгновенную родственную связь с этой

большой грудастой женщиной. Она звенела и брэнчала всеми своими цветными ожерельями и браслетами.

— Вон тот? — она указала на лодку Дамиана.

Я кивнула.

— Еще не слишком поздно. Мы можем еще догнать его. Кен и я как раз готовились отплывать. Запрыгивай, мы подбросим тебя.

Я последовала за ней к небольшой парусной лодке на пирсе.

— Я — Джуди, кстати. А это мой муж, Кен, — она помахала мужчине с полным, добрым лицом.

— Приятно познакомиться.

Мы обменялись рукопожатиями.

Если они и подумали, что это невежливо, что я не назвала свое имя, то ничего не сказали. Они выглядели как приятные люди, и я не хотела лгать им, но я не хотела рисковать, на тот случай если они слышали новости.

— Что может быть лучше, чем небольшая ссора влюбленных в открытом море, — сказал Кен после того, Джуди прояснила ситуацию.

— Я не говорила, что они влюбленные. Пожалуйста, извините моего мужа, — Джуди повернулась ко мне. Ее белокурые волосы были такими светлыми, что выглядели почти белыми. — На него солнце подействовало. В Гамильтоне мы будем нескоро

— Гамильтон? — спросила я, когда мы отчалили. — Где это?

— В Канаде. Мы владеем небольшим антикварным магазином, но часто плаваем под парусом и порой находим разные здешние безделушки и возвращаемся.

— На ней надета половина из них, — подмигнул мне Кен. — Если мы затонем где-то у тихоокеанского побережья, это случится из-за ее шопинга.

Парочка шопоголиков. Не удивительно, что я почувствовала непосредственную связь.

— Хотите немного земляники? — спросила я. Это было все, что я могла предложить за их доброту.

— Ох, нет. У нас ее вдоволь. Здесь лучше всего идут гуава, манго и ананасы, — сообщил Кен. — И, говоря откровенно, не похоже, что у вас хватит ягод, чтобы разбрасываться ими.

Джуди и я рассмеялись. Ветер поднялся, и парусная лодка быстро двигалась в сторону Дамиана.

— Я подам ему сигнал снизу, — произнес Кен, когда мы настигли лодку.

— Спасибо, — ответила я. Лодки качались бок о бок. Кен начал опускать шлюпку.

— Не нужно, — сказала я. Я почти испугалась, что Дамиан увидит меня. Я понятия не имела, что буду делать, если он уплывет снова. — Я могу сделать это прямо отсюда.

Я прыгнула в воду.

— Ну что же. Не станем задерживать вас! — выкрикнул Кен мне вслед.

Я поднялась по лестнице на лодку Дамиана и ступила на палубу в большой луже, чувствуя себя, как мокрая крыса.

— Не забудь это, — Джуди перебросила землянику. Два больших полных пакета.

— Спасибо! — я помахала, когда Кен и Джуди отплыли.

Когда я повернулась, Дамиан стоял на другом конце лодки, похожий на дьявола или фурию, укутанную в белую хлопковую рубашку.

— Что ты вытворяешь?

— Я еду с тобой.

— Я не *хочу* тебя, Скай. Я думал, что ясно дал это понять. Ты настолько до смешного испорчена, настолько привыкла получать то, что хочешь, что не можешь вдолбить это в свою голову?

О, Господи, этот мужчина. Этот чертовски невыносимый мужчина. Я только что оставила все позади — мою свободу, мой простой мир, моего *отца* — ради этого мужчины. Я выслеживала его посреди океана, прыгнула в море, взобралась на лодку, все из-за любви к нему. Если бы он только позволил мне любить его.

Но нет. Он сделал то, что и всегда делал, не подпустил меня, как вначале я не подпускала его, потому что это то, что он ожидал от мира — боль, предательство, бессердечность. Он не собирался даже давать нам шанс.

— Ты — чертов трус, — я схватила землянику и швырнула в него. Она шмякнула ему по лицу, оставив розовое пятно.

Я бросила в него еще одну. И еще, и еще, и еще, до тех пор, пока он не покрылся пятнами, его лицо, рубашка, руки, его шея.

— Я ненавижу тебя!

Так и было. Я ненавидела то, что он просто стоял там, непоколебимый, безучастный, негибачаемый, и смотрел, как я разваливаюсь на части.

— Ты слышишь меня? — я схватила горсть земляники и раздавила ее об его грудь. — Я ненавижу тебя!

Когда вся земляника закончилась, я начала молотить его кулаками. Я хотела превратить в пыль каждое воспоминание о нем. Я хотела сделать ему больно так же, как больно было мне. Я хотела, чтобы он рыдал так же, как рыдала я. Я хоте...

Дамиан схватил мои руки и зажал их у меня за спиной. Его губы нашли мои, и он с жадностью впился в них, заставляя меня задыхаться. Он был океаном, требующим и нуждающимся. Вся злость, вся энергия, скопившиеся в нем, ударили в меня. Я пыталась удержаться, ухватившись за него, но у меня не было и шанса. Мое сердце, мой гнев, мои слезы были уничтожены чем-то более глубоким, чем-то значимым, реальным, мощным и беспредельным.

Это был поцелуй того, кто пробирался в открытое окно, поцелуй, спрятавшийся в бумажном жирафике, в перерывах между 5, 4, 3, 2, 1, в косточках мини манго и здесь, теперь, наконец-то это все вырвалось на свободу. И чувство *правильности* этого, чувство сильнейшего желания и принадлежности заставляли меня хотеть, чтобы это не прекращалось. Я хотела, чтобы Дамиан продолжал целовать меня, целовать и целовать, пока все остальные поцелуи не будут стерты, пока *этот* не останется единственным.

Мой топ промок, мои брюки промокли, мои волосы промокли, но рот Дамиана был как земляничное пламя — горячий и сладкий, и совершенно бесконтрольный. Вся сила, с которой он оттолкнул меня, тянула меня обратно, соединить мои губы с его. Мне было почти больно, когда он отпустил меня.

— Не плачь, *güerita* (*блондиночка*), — большим пальцем Дамиан вытер слезу с моей щеки. — Ударь меня, врежь мне, толкни меня, но, черт возьми, не плачь.

— Не смей оставлять меня, — сказала я. Я правда вижу это в его глазах? Ему, правда, настолько тяжело дышать? — И я больше не *güerita*, — я дернула за прядь темных волос. — Я больше не блондинка.

— Ты блондинка, — ухмыльнулся Дамиан.

Я ударила его. Он видел меня голой, и я точно знала, о чем он подумал. Когда он обнял

меня, я спрятала лицо на его груди и почувствовала, будто вернулась домой.

Когда мы вернулись на остров, Дамиан приготовил *настоящее* севиче, пока я принимала душ и переодевалась.

— Выпендрейник, — сказала я.

Он действительно хороший повар. И мастер поцелуев. Я не могла прекратить пялиться на его губы. Эти губы выплевывали через соломинку апельсиновые зерна в Гидеона Бенедикта Сент-Джона, но теперь они были очень сексуальными — всякий раз, когда он говорил, всякий раз, когда откусывал кусочек. Я видела только их. И хотела только их.

— Что случилось с твоим лицом? — спросил он.

— Твоя борода, — отчеканила я, чуть помедлив.

От горячего душа на моем подбородке и верхней губе образовалось покраснение, там, где его борода натерла мою кожу.

Дамиан ухмыльнулся. Оставленная на моей коже метка, казалось, умиротворила живущего в нем пещерного человека эпохи палеолита.

Его ухмылка что-то сотворила со мной. Я желала, чтобы он наклонился и поцеловал меня снова.

Он наклонился. Чтобы забрать мою тарелку. И затем отправился мыть посуду, в то время как я убирала остальное. Мне хотелось, чтобы он поторопился, и тогда я смогла бы снова обнять его, но он мыл так чертовски медленно, соскребая воображаемое пятно, затем смывая проклятую кляксу снова, а после вытирая, полностью сосредоточился на своем занятии.

Он избегал меня, и когда я, наконец, поняла, почему, я захотела поцеловать его еще сильнее. Дамиан не мыл посуду. Он боролся с чем-то, что никогда не чувствовал прежде. Он был *смущен*, и это было чем-то совершенно чуждым для него. Он никогда не позволял себе заинтересоваться девушкой, никогда до этого дня, никогда не чувствовал бабочек у себя в животе.

Я почувствовала укол нежности, которая вскоре сменилась сильным желанием наброситься на него. Я прочистила горло, пытаюсь уговорить коварную шалунью, которая быстро все прибирала к своим рукам.

— Почему бы тебе не пойти переодеться? Я закончу здесь — предложила я.

На нем все еще была испачканная соком земляники рубашка.

Он ухватился за это, как будто я только что бросила ему спасательный круг. Что угодно, лишь бы оказаться подальше от меня. Я домыла оставшуюся посуду и выключила свет.

Мы врезались друг в друга в прихожей. Он выходил из ванной комнаты, а я входила.

Первое, на что я обратила внимание, было его чисто выбритое лицо. Прощай, борода. Также исчезли швы. Никакой бейсболки. Казалось, я видела его впервые — вот отметины мужественности на мальчишеском лице, которое я уже знала, а вот черты, которые остались прежними.

Второе, что я заметила — его кожа, все еще теплая и влажная, обнаженная, если не

считать тренировочных штанов, которые не казались такими уж уродливыми, когда плотно обхватывали его бедра.

— Я...

— Ты...

Мы отпрянули друг от друга, прекрасно осознавая, какими частями тела друг друга коснулись.

Я не знала, кто шевельнулся первым. Возможно я, возможно он, но мы, пятясь, прошли по коридору, наши губы встретились, моя спина прижалась к стене, затем его, ударяясь и толкаясь в узком пространстве, пока мы добирались до спальни.

Дамиан подхватил меня на руки и занес внутрь. Кожа его обнаженных рук была бесподобна. Мы пытались ощупью пробраться под сетку, никто из нас не желал прекратить поцелуй, но она была подоткнута под матрас, закрывая доступ к кровати.

Когда Дамиан стал коленями на матрас, все еще мной на руках, все это повалилось сверху.

— Проблема решена, — сказал он, прорываясь сквозь сетчатое ограждение, когда положил меня на кровать.

Я бы рассмеялась, но он лег на меня сверху, и все пропало. Бедро к бедру, ладонь к ладони, знакомые, но все же разные. Моя майка и трусики сорваны, его тренировочные штаны пинком сброшены с кровати. Лежа на боку, я вздрогнула, когда его палец прошелся по моей спине, проследив изгибы позвоночника. Согнув лодыжку, я потерлась пальцами ног о его ступню.

Это было нечто новым и удивительным — возбужденные чувства, смешавшиеся вздохи. Мы были кожа к коже, и в то же время порознь, прикасаясь и исследуя друг друга, пока даже малейшее расстояние не стало просто невыносимым. Он лежал на животе, а мои губы путешествовали по его широким плечам и спине. Я едва ощутила на вкус его кожу, когда он зарычал и перевернулся. Дамиан любил все контролировать. Он знал, когда хотел этого, где хотел и как это должно произойти. Я подталкивала его, восхищаясь ощущением его шероховатого большого пальца на моем соске.

— Все такой же кривой, — промолвила я, взяв его палец в рот.

Реакция была мгновенной, взрыв пульсации, воспламенившей кровь в его самой сокровенной части тела.

— Скай... — он отодвинулся от меня.

— Что? — я еще не покончила с его пальцем.

Он забыл, что хотел сказать, и просто откинулся назад, наблюдая за мной.

— *Это* не помогает, — простонал он.

— Как насчет этого? — я перешла к другому пальцу.

— Твою мать.

Я хихикнула.

— Скай ... — попытался он снова.

Я двинулась ниже, к кончику его члена, дразня своим языком.

Его бедра оторвались от кровати.

— Скай! — он дернул меня за волосы. — У меня нет презервативов.

— Думаю, что видела мини сомбреро в гостиной, — я вернулась к начатому. Его голова плюхнулась обратно на подушку, и он пропустил мои волосы сквозь пальцы.

— В каком смысле *мини*? — прорычал он.

— Беру свои слова обратно, — пробормотала я, наслаждаясь ощущением того, как он увеличивался у меня во рту. Он начал толкать свою эрекцию сквозь мои губы, сантиметр за сантиметром, до тех пор, пока я не смогла вместить его, всего его.

От звуков, что он издавал, я сжала бедра, поскольку моя собственная потребность настигла меня.

— Моя очередь, — сказал он, переворачивая меня.

Это был странный опыт, его губы на самой моей интимной части. И я поняла, что это было в новинку для Дамиана. Он, вероятно, трахал множество женщин, но никогда не занимался любовью, никогда не думал о том, чтобы доставить кому-то такое же удовольствие, какое получал сам. И он крошечными шажочками — своим горячим дыханием, своим ртом, языком — подтолкнул меня к сладостному освобождению. Когда он скользнул пальцами внутрь — сначала одним, потом вторым, я подумала, что теряю разум.

— Дамиан, — я ухватилась за его плечи. Я хотела его внутри. — Остановись.

Он приостановился, глядя на мое раздумывавшееся лицо, моя грудь подымалась и опадала, а напряженные соски молили о его прикосновениях.

— Не можешь брать — не давай, — сказал он, всасывая мой маленький бутон так же, как я сосала его палец.

Чертов дразнила. Его пальцы продолжили свой сводящий с ума танец, и как только я подумала, что сейчас взорвусь, его член скользнул в меня — толстый и твердый. Это было абсолютное обладание, неистовое и всеобъемлющее. Пришло наслаждение, молниеносно и безудержно. Я цеплялась за него, не в состоянии сдержать крик наслаждения, когда сквозь меня проходили один разряд за другим. Он все еще сдерживался, одна рука придерживала меня за затылок, другая лежала на изгибе моего бедра, когда я кончила, сжимаясь в спазмах вокруг него.

— Еще раз, — сказал он, когда я лежала под ним пресыщенная, задыхаясь. — В этот раз со мной вместе.

Он начал в беспощадном уверенном ритме, который вознес меня к новым вершинам страсти. Пока он разжигал мое желание, его собственное усиливалось, наши тела двигались в совершенной гармонии. Я была в состоянии принять его, удар за ударом, испытывая чувство наполненности, которого у меня никогда не было.

Бан

Эбан.

Эстебан.

Дамиан.

Сейчас я знала о нем *все*.

Я открыла глаза в момент, когда интенсивная кульминация пронзила нас обоих. Я отдалась этому водовороту чувственности, мое сердце взорвалось от всех этих грубых, ласковых, свирепых эмоций, которые я увидела в его взгляде.

— *Güerita*, — он кончил с длинным, страстным стоном.

Я обняла его. Он поцеловал меня в макушку и притянул ближе, не прекращая трогать меня. Его пальцы двигались вверх и вниз по моей спине медленными, ленивыми поглаживаниями.

— У тебя отросли сиськи, — сказал он. — Очень, очень красивые сиськи.

— У тебя отросли волосы, — я провела по мягким волосам на его руках. — И очень, очень большой эм...

— Большой что, Скай? Дай мне услышать, как ты произносишь это.

— Очень, очень большой потенциал.

— К слову об очень, очень большом потенциале — он очень, очень нуждается в большом внимании. И просто, чтобы ты знала, я всегда осторожен. Это впервые когда я без...

— Без сомбреро? — хихикнула я. — Я знаю, что ты никогда бы не сделал ничего такого, чтобы поставить меня под угрозу.

— Откуда ты это знаешь?

— Потому что ты любишь меня.

Вот. Слова вылетели из моего рта, и я не могла забрать их обратно. Оставалось позволить ему отрицать то, что я видела в его глазах, то, что было правдой.

Дамиан напрягся, как если бы пытался удержать что-то под контролем. Я затаила дыхание, ожидая, когда спадет эта маска. Мое сердце готово было разбиться о глухой рокот океана и ночной шелест ветра сквозь пальмовые деревья.

Ком в моем горле возрос до размера громадного кокоса.

— Это правда, — промолвил он. — Я всегда любил тебя. Даже когда ненавидел.

О Боже, о Боже, о Боже, о Боже.

— Любил? Прошедшее время? — я попыталась не придать этому значение, но мое сердце в страхе заколотилось.

— Любил. Люблю. Какая разница? — он потянул меня на себя, бережно держа на руках. — Любовь не умирает.

— Ты травишь мне цитаты из своих фильмов, Дамиан?

— Это песня, — засмеялся он. — Я расширил горизонты, — ртом он накрыл мой сосок, посылая теплую дрожь по всему телу.

— Подожди, — я оттянула его голову назад. — Есть кое-что, что ты должен знать.

— Я знаю, — руками он властно провел по моей талии. — Ты тоже меня любишь.

— Это было *так* заметно?

— Скай, — он улыбнулся. — Ты бросалась в меня чертовой земляникой.

Дамиан снова прикрепил москитную сетку над кроватью и мы отошли, осматривая мое творение ручной работы.

— Она не может готовить, но она может шить, — провозгласил он.

— Чертовски верно, я могу шить. Я училась у лучших.

— Значит, нашивка цветочков на шарфы МаМаЛу не прошла даром?

— Это зовется вышивкой, и да. Она хорошо меня обучила.

— Я не знаю, — Дамиан дернул залатанную сеть. — Думаю, нам стоит проверить ее.

— Ты предлагаешь пошалить днем, поскольку...

Я не закончила фразу. Дамиан затащил меня под сетку, прежде чем я смогла запротестовать. Не то, чтобы я была против. Или смогла бы сопротивляться. Потому что влюбленный Дамиан был прекрасен — опьяняющий, захватывающий, требовательный,

заботливый и всегда, всегда голодный.

Дни пролетали точно также, в водовороте танца, страсти и открытий. Ночи тоже. Я начала принимать противозачаточные таблетки, которые все еще были в сумочке, которую спрятал Дамиан. Я пропустила несколько недель, но тут уж ничего не поделать.

Каждое утро Дамиан ходил собирать манго для меня, оставив строгое распоряжение ничего не готовить, пока его нет. Я стелила постель, ставила коробку *Lucky Strike* MaMaLu под его подушку. Иногда я сидела с ней, просматривая содержимое, пытаюсь уловить ее слабый запах, но все, что я чувствовала, это спертый запах табака.

Когда Дамиан возвращался, мы сидели на террасе и завтракали. Мы сидели на одном стуле, я у него на коленях, не обращая внимания на три других, таких же удобных стула. Я играла с его волосами.

Он позволял мне, хотя мы оба знали, что он ненавидел это. Он сыпал песок в мой пупок. Я позволяла ему, хотя ненавидела это. Но именно *это* было особенным — позволять друг другу те маленькие вольности, которые допускаются только в истинных отношениях.

Мы устраивали пикники на пляже. Дамиан жарил арахис на песке и спрыскивал его соленой водой.

Мы ели его горячим вместе с красными бананами и мороженым — длинные съедобные стручки, с сочной белой мякотью, сверху посыпанные арахисом.

На вкус они были как влажная сахарная вата, но если оставить их на некоторое время на воздухе, они приобретали отличный ванильный привкус.

Мы плавали под водой над верхушками рифов, очарованные балетом подводного мира, косяки ярких рыб метались вокруг живых кораллов и анемонов. Гибкие горгониевые веера и гигантские губки, поблескивали от солнечных лучей, пробивающихся на дно океана. Голубые рыбки-хирурги и рыба-ангел и обыкновенные пятнистые орляки скользили мимо нас.

Там, где дно океана было покрыто водорослями, мы плавали рядом с морскими черепахами, их плавники казались нам крыльями.

Потом мы лежали на пляже, позволив солнцу согреть нашу кожу. Дамиан решил защитить меня от вредных ультрафиолетовых лучей. Своим телом. Я подумала было, что секс на пляже — отличная идея. Пока ветер не запустил песчаную бурю в наши лица и попутно в наши тела. Секс на пляже, на мой взгляд, был очень уж песчаным.

— Такая принцесса, — засмеялся Дамиан, когда я прервала наш поцелуй, чтобы выплюнуть песчинку. Мы сполоснулись в воде и поплыли к лодке.

— Здесь, — сказала я, приведя его к кровати, где провела много ночей, ненавидя его.

— Нет. Не здесь, — Дамиан не хотел вспоминать о том времени.

— Да. Прямо здесь. Потому что тебе необходимо забыть это. Я простила тебя, но ты так и не простил себя.

— Скай...

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Я заткнула его поцелуем, поскольку все, что ему необходимо знать — это как двигались мои губы и язык, переплетаясь с его в медленном и чувствительном движении, которое он смаковал. Я чувствовала, как он смягчался, медленно, поскольку не имело значения, где мы будем — тут, на лодке, где он похитил меня, или на пляже, или на луне, потому как не существовало места настолько темного или настолько большого, или настолько безнадежного, которое невозможно наполнить любовью.

Дамиан боготворил меня на той кровати. За каждый порез и синяк, нанесенный им, он дарил целительные поцелуи, за каждую жестокость мне полагалась цепочка ласк. Он был, как ни странно, относительно сдержан, несмотря на то, что его потребность пульсировала, твердая и явственно ощутимая между нами. Чем больше Дамиан отдавал, тем больше его страсть накалялась, до тех пор, пока мы не потерялись в море ощущений — трепет его рук на моих бедрах, прикосновение наших тазовых костей, трущихся друг об друга, скольжение ладоней по коже.

Я уткнулась лицом ему в шею, а он все шептал ласковые признания мне в волосы, как он чувствовал, когда он чувствовал, что он чувствовал. Я обняла его ногами, пальцами прочерчивала линии сухожилий на его спине, желая удержать его ближе и еще ближе. Рукой проследила путь вниз между нашими животами, и направила его в себя.

— Возьми меня. Возьми меня сейчас же, — прошептала я.

Я взлетела на крыльях его одержимости, извиваясь по мере того, как наши тела слились в прежнем ритме, что соединил нас. Мы были прижаты друг к другу, плоть к плоти, так близко, что я могла чувствовать, как стучит сердце Дамиана в его груди. Он вращал тазом по часовой стрелке затем против часовой стрелки, потом быстрее, потом делал неглубокие толчки. Я притянула его к себе, зажав в кулаке его волосы, и поцеловала его жадно, с дикой потребностью.

Он дернулся, схватил мою задницу обеими руками и вонзился глубоко в меня. Мои мысли разлетелись на осколки, я задыхалась в сладкой агонии от пламени наслаждения, взорвавшегося во мне. Дамиан зажал мое тело и испустил томительный стон, когда поддался своему освобождению.

Я прильнула к нему, моя голова превосходно вписалась в выемку между его шеей и плечом.

— Думаешь, после этого у нас больше не возникнет проблем с этой комнатой?

— Скай?

— Что?

— Я не могу думать прямо сейчас.

На пляже был бассейн с морской водой, высеченный на выступе скалы. Два канала, заполняемые набегаящими волнами, приносили в него воду с рыбой. Дамиан соорудил каменную стену, позволяющую рыбе входить в приливы, и те попадали в ловушку, когда вода отступала. Рыба не была такой же большой как та, что он приносил с рыбалки, и слишком костлявая, но ни одного из нас это не заботило, поскольку позволяло нам проводить вместе больше времени.

— Итак, расскажи мне о парне, с которым ты встречалась в Сан-Диего, — он массировал мне ноги, смешав песок и кокосовое масло — его самодельная спа-процедура для меня.

— Ник?

— Тот, с которым ты ушла после ужина той ночью.

— Ты следил за мной?

— Следил.

— Негодник, — произнесла я. — Ник хороший парень. Я встречалась с ним четыре месяца, но мы никогда не переходили на следующий уровень. Мы никогда не были «парнем и девушкой».

Я должна была бы чувствовать себя более виноватой, что не вспоминала Ника, но как

бы мне не было его жаль, все меркло в сравнении с тем, что происходило прямо сейчас.

— А что *мы* такое? — спросил Дамиан, закрыв сосуд с кокосовым маслом и помогая мне встать.

Мы вошли в воду, и я позволила волнам смыть песок, оставляя на коже ощущение шелковистости.

— Неплохо — сказала я. — Ты мог бы далеко пойти с этим твоим островным пилинг-лечением.

— Ты не ответила на мой вопрос.

Я расположила мои только что обласканные ноги поверх его ступней и произнесла, глядя ему в глаза.

— Мы — вопрос, на который еще нет ответов, убежище, которое еще не обнаружили, борьба, которую еще не выиграли.

Я сцепила руки вокруг его талии, и мы отправились гулять по пляжу с Дамианом, поддерживающим меня, стоящую на его ногах. Мы остановились, наблюдая за тремя игуанами, загорающими на скале.

— Блонди, Брюс Ли и Грязный Гарри, — произнес Дамиан. — Брюс Ли — самый младший. Блонди — недостающая часть его хвоста, и Грязный Гарри — тот, кто присматривает за ними.

— Ты назвал игуану в мою честь?

— Не в твою, *giuerrita*. Другая Блонди — Клинт Иствуд, «Хороший, плохой, злой».

— Ах. Все твои герои выстроились в линию на солнце.

— Пока не придут плохие парни.

Я спрыгнула с его ног на песок, и мы пошли в обратную сторону.

— Ты думаешь, мой отец плохой парень, — сказала я. — Позволь мне поговорить с ним, Дамиан. Мы можем решить это. Он не знает, что ты Эстебан. Он не найдет связь. Он прекратит поиски. Он поймет. То, что он сделал, ужасно, но я знаю, он бы никогда не причинил злонамеренно боль тебе или МаМаЛу. На все есть причина. Твои слова.

— После всего, что он сделал, ты все еще защищаешь его от меня? — он скептически посмотрел на меня.

— После всего, что сделал *ты*, я все еще защищала бы *тебя* от него. Дай ему шанс. Он порядочный человек, Дамиан.

— Мы никогда не сойдемся во взглядах на этот счет. У тебя имеются родственные чувства. И у меня есть, — Дамиан посмотрел на волны, что скользили вокруг наших ног. — Ты знаешь, что мы такое, Скай?

Я наблюдала за скопившейся пеной вокруг наших ног, пока волны отступали, чувство теплоты вытекало из меня, ведь Дамиан убрал свою руку.

— Мы как песок, который еще не смыли, — сказал он.

Холодный узел завязался в моем животе. Двое мужчин, которых я безумно любила всем своим сердцем, намеревались разрушить друг друга. У меня было предчувствие, что когда это случится, уцелеет только один.

Впервые после нашей земляничной стычки Дамиан и я провели ночь вместе, но в то же время порознь. Безвыходность нашей ситуации, последствия моего порыва, моего бегства к нему начинали тяготеть надо мной. Я от всего сердца надеялась, что смогу исправить ситуацию между ним и моим отцом. Я повелась на бредни о том, что для любви нет преград. Конечно, моя любовь к Дамину была именно такой — всепоглощающей и сильной, но сейчас моя любовь лежала в нескольких сантиметрах от меня, ломая голову, как осуществить свою потребность отомстить.

Любовное возмездие.

Это удерживало нас от общения друг с другом большую часть следующего дня. Не то, чтобы мы дулись или наказывали друг друга. Я прекрасно понимала, как он себя чувствовал, и он знал о том, какие мысли крутились у меня в голове. Мы просто не знали, что делать или говорить, чтобы стало легче, поэтому мы ничего не говорили.

Я провела утро, кормя Блонди и Брюса Ли цветами гибискуса. Грязный Гарри держался в стороне, пока я не предложила ему банан. По всей видимости, он был сладкоежкой. Никаких признаков Дамиана. Никаких манго утром. Я предположила, что он отсиживается в хижине, но в полдень я нашла на столе его записку

«Перемирие. Свидание. Заберу тебя на закате».

Записка была сложена в фигурку жирафа, как тот последний жирафик, которого он сделал для меня много лет тому назад на мой день рождения. Я некоторое время посидела, держа ее в руках, Это был один из тех моментов, которые запоминаются на всю жизнь. И таких моментов немало. Вы идете по жизни, переворачивая и переворачивая страницы, черные и белые слова сталкиваются друг с другом, а потом — бац!

Три радужных предложения и бумажное животное — и ты роешься в своей одежде и моешь волосы и переодеваешься опять и опять, и кружишься в танце, и влюблена по уши, и полна сил. Вот она — сила этих моментов.

— Вау. Ну и беспорядок.

Я обернулась и увидела как Дамиан пробирается через окно спальни комнаты. Он, должно быть, переоделся и принял душ на лодке, поскольку, черт возьми, выглядел он хорошо. На нем были синяя рубашка с воротником, черный пиджак и джинсы. Золотистый свет обрамлял его лицо, когда он окинул взглядом одежду и сумки, разбросанные по всей комнате.

— Для тебя, *güerita*. — протянул он что-то завернутое в банановый лист.

Я взяла это у него, прекрасно осознавая, что он просто поедает меня взглядом. Я надела кремового цвета платье в обтяжку, с длинным рукавом и вырезом на спине. Оно выделяло мою загорелую кожу и подчеркивало отросшие светлые корни, пробивающиеся через мои темные окрашенные волосы.

— Что это? — спросила я, развернув подарок.

Дамиан стоял передо мной, и я внезапно осознала, что не обнимала его весь день.

— Просто возвращаю кое-что.

— Мои туфли! — воскликнула я. Золотистые «лабутены» с каблуками в виде шипов. Те, что были на мне, когда он меня похитил.

Он стал на колени передо мной и протянул руку. Я подала ему одну туфлю, а затем вторую, наслаждаясь его прикосновением, когда он надевал их.

— Итак, что за повод? — спросила я.

— Я просто хочу восполнить пробел. Ты пропустила свой день рождения в этом году, — промолвил он. — А еще просто помириться.

— Ты накачал меня наркотиками на мой день рождения. Я даже не помню, что происходило в тот день.

— Я знаю. Я очень сожалею. И я терпеть не могу, когда мы не разговариваем.

Я чувствовала себя слабохарактерной дурой, но когда он целовал мою шею вот так, когда оставлял на коже такую сладкую, нежную цепочку извинений, я не могла думать ни о чем.

— Я тоже сожалею. За вчераш...

— Не будем, — он заставил меня замолчать.

Не будем извиняться за те чувства, над которыми мы не властны, за те привязанности, которые нас разделяют. Моя мать. Твой отец. Весь мир, ожидающий, чем это кончится.

— Только ты и я сегодня вечером, хорошо?

Я кивнула и последовала за ним на террасу, туда, где он накрыл стол. С одним стулом.

Мы ели в тишине, не обращая внимания на какие либо мелочи: как он поднял голову, оставив пространство для моего носа у своей шеи, как я прикончила один кусок, а он три, как он съел самую костлявую часть рыбы и оставил для меня филе, как я залила все это соусом а он съел так. Это был вечер, который мы не хотели заканчивать. Песок сиял от теплого заката, и вода накатывала мягкими золотистыми волнами.

— Десерт? — спросил он, когда мы закончили.

— Только не говори, что ты еще и торт испек.

— У меня есть кое-что получше него, — он повел меня к пляжу, улыбаясь, поскольку я отказалась снимать свои недавно возвращенные шпильки.

Я следовала за ним к куче сложенных на песке горячих камней. Огонь потух, но камни зашипели, когда Дамиан брызнул на них водой.

— Готова? — спросил он.

— Готова, — улыбнулась я.

Он раскрыл корзинку, полную черных, сморщенных бананов.

— Пожалуйста, скажи, что ты не собираешься заставлять меня есть гнилые бананы.

— Эй, я ел твое севице. Кроме того, это не бананы. Это плантано, он очень сладкий, когда его кожица полностью черная, — он снял кожицу с одного, разделив его надвое вдоль, и бросил его на камень. Когда плантано начал карамелизироваться, Дамиан полил его текилой. Я вскрикнула, когда все загорелось восхитительным с голубым оттенком фламбе.

— Теперь хочешь немного? — он поднял плантано с камня и положил его на тарелку.

Я взглянула на сморщенную кожицу и потом на тарелку. Дамиан пожал плечами и засунул кусок себе в рот. Он откинулся назад, согнул локти, переплетя пальцы за головой, посмотрел на меня. Я попробовала. Плантано было теплым, сладким и клейким, и очень, очень вкусным.

— Лучше чем торт? — спросил он.

— Что такое торт? — я улыбнулась и вытянулась рядом с ним.

Мы ели десерт и одновременно пытались отгадать, в каком месте появится следующая

звезда, пока бархатное небо ночи открывалось перед нами.

— Завтра, — произнес Дамиан.

— Что завтра?

— Завтра день, когда я навещаю МаМаЛу.

— Думаешь это безопасно? — мои руки напряглись вокруг него.

— Они ищут Дамиана, не Эстебана. Эстебан пропал много лет назад, и ничего не связывает меня с ним, никто не проследит за мной к МаМаЛу. Не думаю, что они будут наблюдать за могилой женщины, которую никто не помнит.

— Я помню, — сказала я. — Ты помнишь.

Он переплел свои пальцы с моими, и мы слушали песню волн.

— Почему кажется, будто мы — единственные два человека на земле?

— Потому что прямо сейчас так и есть, — я просунула руки под его пиджак и обняла его.

— Знаешь, что я вспомнил? — спросил он. — Помню, я думал, что колыбельная МаМаЛу была о прекрасном маленьком кусочке неба, о чем-то, что рассеивает тьму. Затем мы приехали в Каса Палома, и я подумал, что она была о тебе. *Cielito lindo*.

— А я всегда думала, что она пела о тебе. Я представляла горы темные и черные, как твои глаза, — я поцеловала глаза Дамиана, его ресницы, прямые брови, цепочку рубцов от швов.

— Я пойду с тобой завтра, — сказала я, стаскивая с него пиджак.

— Я знаю, — он отбросил его в сторону.

МаМаЛу свела нас вместе. Тот факт, что Дамиан готов разделить ее со мной после смерти, как и тогда, когда она была жива, заставил меня любить его еще больше.

— Никакого ветра сегодня, — я расстегнула его рубашку, и моя рука прошла вниз — никакого песка, — я прошла языком по его животу.

— Дай мне посмотреть, — он развернул меня и оплатил тем же, его губы получили возможность насладиться моей открытой спиной по максимуму. — *Ммммм*. Ты права. Ни песчинки. Только гладкая, нежная кожа.

Я поерзала, когда его пальцы заскользили под моим платьем, поднимая его вверх, пока оно не задралось до талии.

— Господи. Эта попка, — он стянул мои трусики вниз и коснулся плоти. — Никакого песка и здесь тоже, — пробормотал он, оставляя зубами метки на моей коже.

Я была в туфлях. И в ожерелье из ракушек. Дамиан позволил мне объездить его. Думаю ему нравилось видеть меня в подобном образе, при лунном свете. Он держал свои руки на моих бедрах, пытаюсь контролировать ритм, а я убирала их подальше. Мы двигались взад и вперед некоторое время, пока игры не закончились, пока страсть не настигла нас, и мы не начали двигаться как единое целое.

Шероховатой подушечкой большого пальца, Дамиан нашел мой клитор. Он нажимал на него, включил — выключил, включил — выключил, как переключатель, вызывающий во мне острые, колючие пики удовольствия, а затем убирал палец. Всякий раз, когда я стонала, он приоткрывал рот, как если бы мы были связаны некой невидимой нитью. Дамиан сосредоточился на моем лице, моем теле, как будто запоминал каждый момент, каждое движение. Его толчки приближали меня все ближе и ближе к краю. Я раскачивалась на его твердой длине, своими движениями сводя его с ума, ближе, ближе, ближе, пока мы не взорвались в спиралях огненного вихря. Я рухнула на него, разгоряченная и

раскрасневшаяся, мое сердце колотилось в груди, и он обнял меня.

После мы оба затихли. Это было прекрасно и пугающе одновременно — прекрасно потому, что когда мы были вместе, мы были цельными и полными, а пугающе, потому что мы знали, что это не вернуть. Мы слишком далеко зашли, чтобы вернуться назад.

Я убрала кучу одежды, которая валялась в беспорядке в спальне, и скользнула в одну из рубашек Дамиана. Она была такой мягкой и теплой, но доходила мне до колен, и мне пришлось закатать рукава.

Двадцать один день назад я бы ни за что на свете не стала носить его одежду, и вот я стояла, уткнувшись носом в ткань, и не могла сполна насытиться его запахом.

Я направилась в гостиную и нашла Дамиана, сидящего на диване, с разобранным пистолетом на кофейном столике.

— Что ты делаешь?

— Чищу свой пистолет.

Я молча наблюдала, как он его собрал. Он держал его со знанием дела, и точность его движений напомнила мне о том, что за путь он прошел, чтобы оказаться здесь. Он готовился к завтрашнему дню, на случай, если мы нарвемся на неприятности в Паза-дель-Мар, на кладбище, где была похоронена МаМаЛу. Я знала, что Дамиан, не колеблясь, использовал бы тот пистолет, если бы кто-нибудь стал угрожать, что заберет меня у него.

Он перезарядил пистолет и взглянул на меня.

— Ты хочешь вернуться?

— Ты знаешь, что это не то, что я имела в виду. Я могу провести всю свою жизнь здесь, с тобой. Я просто устала от неизвестности, от неуверенности в том, что произойдет дальше. Я просто боюсь за тебя, боюсь того, что случится, если они найдут нас. Я думаю, нам следует поговорить с кем-то, кто может взаимодействовать с властями и поможет разрешить ситуацию.

— Ты говоришь, что мы должны поговорить с твоим отцом, чтобы вернуться? Поправка. Я должен прийти, так ты сможешь вступить за меня? Попросить его будет легко, поскольку мы оба знаем, он сделает что угодно для тебя?

— Не в этом дело...

— Как раз таки в этом, Скай. Я с самого начала был готов столкнуться с последствиями, с того времени, когда запихнул тебя в багажник твоей машины. Я знал, во что ввязываюсь, но мне нечего было терять. Теперь есть. У меня есть ты, и я никому не позволю забрать тебя у меня. До тех пор пока ты этого хочешь. Но если ты думаешь, что можешь иметь и меня, и твоего отца в своей жизни — ты ошибаешься. Ты или с ним, или со мной.

— Ты несправедлив, Дамиан.

— Несправедлив? Ты хочешь поговорить о *справедливости*? Я отталкивал тебя, Скай. Раз за разом, но ты не хотела останавливаться. Ты продолжала разрушать мою защиту, пока у меня не осталось больше сил бороться с тобой. Я влюблен в тебя, Скай. Обнажен, разрушен, совершенно уязвим. И вся эта ситуация убивает меня, потому что я знаю, это разрывает тебя на части. Я ничего не могу поделать с чувствами в отношении твоего отца. Я ненавижу его тогда, и я ненавижу его сейчас. Запомни мои слова Скай, я собираюсь заставить его заплатить.

В мое голове стучало, сердце бешено билось. Вендетта между Дамианом и моим отцом была как обнаженный клык монстра, разрывающий в клочья все хорошее, правильное и ценное между нами. Эта мертвая, темная пустота поглощала нас.

— Ты хочешь кому-то отомстить за смерть МаМаЛу? Вот, — я взяла пистолет, который он держал, и направила его на себя. — Это — я. Я вбежала в комнату в тот день. Я причина, по которой МаМаЛу была там. Я все это начала. Так что стреляй в меня, Дамиан.

Пистолет был приставлен к моей груди, которая поднималась и опадала с каждым вздохом.

— Все это время у тебя было это под носом, — произнесла я. — Это должно было закончиться еще на лодке в ночь, когда ты похитил меня. Поэтому давай положим конец этой жажде мести. Раз и навсегда. Стреляй в меня, Дамиан. И когда ты это сделаешь, выстрели и в себя тоже. Потому что я пришла за тобой, потому что знала, что ты будешь прятаться в той клетке.

Наши руки оставались на пистолете, наши глаза были опущены. Я могла слышать мысли Дамиана, силу его хаотичных эмоций. Я хотела обнять его, вытащить его из всего этого, но из этой сети только он сам мог себя достать. Соглашаясь с этим, ничего не делая, в сущности, я сказала бы «да» темноте, что терзала его годами, темноте, которая исчезнет только когда *он* отпустит ее.

Я опустила пистолет и положила обратно на кофейный столик рядом с запиской на бумажном жирафике, которого я снова попыталась сложить.

— Одно из двух, это или то, — я указала на один предмет, а затем на другой. — Ты можешь выбрать одно из двух, любовь или ненависть, поскольку, где останется одна жизнь, остальные будут умирать.

Дамиан не сводил глаз с двух предметов, разрываясь на части.

— Как бы там ни было, завтра утром оставшееся на столе покажет мне, стоит ли нам расстаться в Паза-дель-Мар или нет. Вне зависимости от твоего выбора, Дамиан, знай, я всегда, *всегда* буду любить тебя.

Он посмотрел на меня так, будто его ударили в живот.

— Я же говорил, что только разочарую тебя.

Я бережно обхватила ладонями его лицо.

— Ты говорил мне: «Любовь не умирает».

Я оставила его там, на диване цвета фламинго, который все еще был заляпан его кровью, зная, что этой ночью сна не будет ни ему, ни мне. И совершенно четко осознавала, что в моей жизни нет места *справедливости*.

Я открыла глаза и поискала взглядом Дамиана. Настало утро, но его не было. Сегодня день, когда мы собирались навестить могилу МаМаЛу, и то, что осталось лежать на кофейном столике, было ответом на вопрос, который я задала Дамиану. Я скользнула обратно под одеяло. Не уверена, что и правда хочу это знать. Две сверкающие желтые бабочки порхали в рассеянных солнечных лучах. Иногда птицы влетали сквозь неостекленные окна, иногда насекомые, и забегали гекконы, которых раньше я боялась до смерти. (Примеч. Гекконы — ящерицы, обитающие, в большинстве своем, в тропическом климате, и размером не превышающие 30 см в длину, обладают удивительными способностями). Дамиан изменил меня, а я изменила его. Мы были как ракушки, которые когда-то собирали для МаМаЛу — прежде прочные части настолько истончились, что мы могли видеть друг друга насквозь. И не имело значения, что произойдет сегодня, не имело значения, что ждет меня на том столике, мы всегда будем как эти переливающиеся лучи света, части времени и пространства вдалеке от всех и вся.

Я прошла на кухню и налила себе немного кофе. Вокруг было слишком тихо. Я просто бродила по комнате, пытаюсь не глядеть в сторону столика. Я включила CD-плеер. «Roads» группы Portishead. (Примеч. Portishead — британский музыкальный коллектив, играющий музыку в стиле трип-хоп и экспериментальный рок. Скай слушает песню «Дороги»). Дороги. Холодные, уязвимые, пустынные, прекрасные. Эти слова послали волну холодного озноба вдоль моего позвоночника. Или, я просто боялась войти в гостиную. Я глядела на стены, на потолочный вентилятор, на вмятину на диване, где сидел Дамиан, пока не осталось других вещей, и стало больше невозможно избегать той вещи, что он оставил для меня.

5, 4, 3, 2, 1...

Я бросила взгляд на кофейный столик. В любом случае, я была обречена на слезы, неважно, обнаружу я пистолет или бумажного жирафа. Но Дамиан уберег меня от слез мрачных, надрывных. Там на стекле стоял на четырех хилых ножках жирафик — его записка. Его пистолет лежал на полке как напоминание, вместе с книгами с загнутыми страницами и кучей сувениров.

Я поставила кофе и взяла жирафа. Он казался больше, чем был, весил больше. Я понимала, чего стоило Дамиану заточить своих демонов, но он сделал это. Для меня.

Отдаленное йоум-йоум-йоум смешалось с музыкой. Я подумала было, что это начало следующей песни, но шум становился громче. Теперь, он исходил откуда-то позади меня, достаточно близко, чтобы я могла распознать его. Жужжание, удар лопастей вертолета по воздуху.

Черт.

Я выбежала наружу, босая, в одной футболке, зная, что Дамиан ушел собирать манго для меня, как он делал каждое утро. Один вертолет уже был на земле, а второй приземлялся на пляж в облаке песка и гравия. Вооруженные люди в камуфляжной одежде были повсюду, направляясь к джунглям.

— Мисс. Мисс Седжвик? — один из мужчин задержал меня. — Вы в порядке?

Я вырвалась от него и побежала в направлении разбросанных манго, скрытых в тени

деревьев. Они были покрыты кровью.

— Где он? — я вцепилась в мужчину, который кричал что-то о том, чтобы забрать меня в безопасное место. — Он ранен? Возьмите меня вместо него!

Но он не слушал. Он потащил меня назад к одному из вертолетов. Оглушительное *тра-та-та* автоматов доносилось из джунглей. Еще один вертолет пролетел над нами, сканируя землю сверху. Хриплый голос, доносящийся из радиации мужчины, отдавал быстрые команды. Воздух был наполнен запахом охоты на Дамиана — все эти мужчины разыскивали его — но все, что я могла видеть, это следы крови, на плодах манго.

Дамиан возвращался ко мне, когда они напали на него из засады. Я закрыла глаза и в ужасе представила, как пуля прошла сквозь него, манго покатались по земле, и кровь окрасила их пятнистую желто-зеленую кожицу. Как Дамиан собрался с силами и, спотыкаясь, двинулся к деревьям для укрытия, как раз в тот момент, когда я налила себе чашку кофе.

Чашку дьявольского кофе.

Я точно знала, куда пойти. Я знала, где Дамиан был — он скрывался в лесной хижине, пока они приближались к нему, и у него не было никакой защиты, поскольку я заставила его отказаться от пистолета.

Господи. Что я наделала?

Я вырвалась и кинулась за деревья, не заботясь о пулях, со свистом пролетающих мимо меня и рикошетищих о деревья, от которых летели щепки древесины и коры.

— Прекратить огонь! Прекратить огонь! — кричал кто-то, пока я мчалась в хижину.

Я знала, что они не будут стрелять, пока я с Дамианом, пока есть хоть малейший шанс, что я могу попасть под перекрестный огонь.

Я стояла у двери, запыхавшись, пока мои глаза приспособлялись к свету.

Он сидел в углу, как пойманный в ловушку зверь, зажимая бедро, его тренировочные штаны были в крови.

— Убирайся отсюда, Скай.

Возможно, он и был ранен, но его голос был как сталь — спокойный и сдержанный.

— Сначала это, — я оторвала от его одежды полоску ткани, от той рубашки, что была когда-то заляпана земляникой.

— Это просто поверхностная рана, — произнес он, пока я обматывала его ногу, мои пальцы тряслись, когда я завязывала тугий узел. — Тебе нужно уходить. Сейчас.

— Скай!

Мы оба повернулись на голос моего отца.

Он выглядел так, будто не спал неделю.

Мой отец очень следил за собой и гордился своей внешностью, но сегодня он выглядел ужасно. Не было ровных складок на его брюках, рубашка была смята и топорщилась на плечах.

— Я нашел тебя, — он смотрел на меня так, будто не мог поверить в это, будто я видение, которое могло исчезнуть, если он моргнет. — Ты в порядке?

Я подошла к нему, зная, что он прошел огонь и воду, чтобы добраться сюда: без сна, без еды, без отдыха.

— Папа.

Он одарил меня тремя поцелуями, коснувшись меня своими седыми усами, затем еще тремя, и еще, прежде чем сжать меня в своих крепких объятиях.

— Я не знал, увидимся ли мы еще когда-нибудь.

Мы стояли так некоторое время, до тех пор, пока его взгляд не наткнулся на Дамиана. Я почувствовала, как обнимающие меня руки напряглись.

— Ты! — выплюнул он. — Ты заплатишь за каждую секунду ее страданий.

— Папа, нет! — я передвинулась таким образом, что мы стали спиной к Дамиану. — Послушай меня. Мне нужно объ... — я запнулась на полуслове, впервые обратив внимание на мужчину, стоящего позади моего отца. Он выглядел странно знакомым, с мрачным, зловещим выражением на лице, тем самым напомнив мне, что нас ждет снаружи.

— Сеньор Седжвик, — произнес он. — Мои люди готовы сопроводить вас и Скай к вертолету. Не волнуйтесь. Он никуда не сбежит, — он нацелил оружие на Дамиана.

Взгляд Дамиана метался от мужчины к отцу и обратно. Он сидел на полу, вытянув перед собой раненую ногу, но его кулаки были крепко сжаты, а челюсть напряжена.

— Хорошо, — сказал отец, подталкивая меня в сторону двери. — Ты знаешь, что делать, Виктор.

Вдруг я поняла выражение в глазах Дамиана, поняла, почему мужчина казался таким знакомым.

Мой отец нанял Виктора Мадера, своего экс-телохранителя, разыскать нас, и тут, в хижине, после стольких лет, двое мужчин были снова вместе — мужчины, которые забрали МаМаЛу от Дамиана. А теперь они забирали и меня тоже. Дамиан отказался от своей мести но я чувствовала, что она возрождалась сейчас, что темно-красного цвета поток готов был хлынуть на нас

— Нет. Хватит! — я вырвала свою руку из руки отца и стала между мужчинами и Дамианом. — Ни один из вас не тронет его.

— Скай? — мой отец смотрел на меня в недоумении. — Что ты делаешь? Отойди от него.

— Назад, — сказала я Виктору, который выступил вперед, его пистолет был направлен на Дамиана.

— Это необязательно, — Виктор медленно двинулся вперед. Его волосы были седыми на висках, но он все еще находился в хорошей физической форме.

— Ты страдаешь от синдрома посттравматического стресса. Так бывает. Просто отойди от него и послушай своего отца.

— Скай, милая, — отец подал знак. — Ты в безопасности теперь. У него нет власти над тобой. Пошли. Возьми меня за руку. Обещаю, все будет хорошо.

— Я в порядке. Разве ты не видишь? Со мной все *хорошо*. Мне нужно, чтобы ты просто выслушал меня. Пожалуйста, просто выслушай.

— Хорошо, хорошо. Ты в порядке, — глаза отца опустились к шине на моем пальце. Он обменялся взглядом с Виктором. — Давай поговорим снаружи.

— Нет! Прямо здесь. Прямо сейчас. Я не оставлю его, — я видела страдание в глазах отца, непонимание, но я знала, он поймет, когда я расскажу ему правду о том, кем был Дамиан, о том, почему он это сделал. *Должен* понять.

— Помнишь Эстеб... — я не закончила фразу.

Виктор дернул меня к себе, схватив за талию.

— Уведи ее, — сказал он моему отцу. — Вперед!

За те доли секунды, что он отвернулся, Дамиан ударил его.

Он нанес удар с точностью молнии, целясь в лодыжки Виктора. Тот упал на верстак.

Ржавые плоскогубцы, молотки и гвозди повалились на пол вместе с ним. Двое мужчин боролись на земле, каждый из них пытался дотянуться до пистолета, который лежал в нескольких сантиметрах от места схватки.

— Не смей! — я остановила отца, пытавшегося схватить оружие, сжав его руку.

— Да что с тобой? Приди в себя, Скай!

Дамиан и Виктор по-прежнему боролись. Виктор сверху, потом Дамиан, потом снова Виктор. Дамиан отшвырнул прочь пистолет. Поднявшись, Виктор стал пинать Дамиана. Он заехал своим мощным, тяжелым ботинком Дамиану по ребрам, по животу, по ране на его ноге. Снова и снова.

История повторялась. Я осознавала, что Дамиан вернулся назад — за закрытые ворота в *Каса Палом*, сломанный и разбитый из-за того, что Виктор избил его. Я сознавала гнев, обиду, чувство несправедливости, что переполняли его вены. Но Дамиан больше не был двенадцатилетним мальчиком, и лучшие годы Виктора прошли. Более того, Дамиан годами сдерживал ярость, вопящую об освобождении. Пальцами Дамиан охватил ножовку, которая лежала на полу, и вся его ярость взорвалась в единственном движении. Разрез, настолько глубокий, что когда он закончил, зубцы пилы застряли глубоко в кости Виктора.

Виктор отшатнулся, глядя, как кровь струится из его руки, он находился в каком-то ужасающем трансе. Дамиан расчленил его плоть прямо под локтем. Остальная часть руки от того места где она соединялась, свисала, дохлая и вялая. Кровь полилась на ноги Виктора и забрызгала его массивные желтовато-коричневые ботинки. Мужчина упал на колени, несколько раз дернул рукой и шлепнулся лицом об пол.

Дальнейшие события развернулись за несколько секунд, но они для меня длились убийственно долго, в четких деталях, как будто я зависла в некой параллельной Вселенной, не способная спасти двух мужчин, которых любила.

Они оба устремились к оружию, но Дамиан добрался до него первый.

— Нет! — я заслонила собой отца.

— Мы все еще можем убраться отсюда, Скай, — Дамиан, прихрамывая, шагнул ко мне. — Мы выходим. Я беру тебя в качестве заложницы. Никто не откроет по нам огонь.

— Выйдешь из этой хижины, и ты труп, — пригрозил мой отец.

— Хватит! — я заметалась от одного к другому. — Вы оба. Прекратите немедленно!

— Скай, — Дамиан протянул мне руку, другой по-прежнему нацелив пистолет на моего отца.

— Не слушай его. Иди ко мне, Скай, — протянул руку отец.

Я стояла между ними, чувствуя, как вся хижина качается вперед и назад, как качели: три поцелуя с одной стороны, бумажный жираф с другой. Жизнь Дамиана висела на волоске, жизнь моего отца висела на волоске. Кому-то из них суждено было проиграть, и я решала, кому.

— Я люблю его, папа, — произнесла я.

— Ты думаешь, что любишь его, но он монстр. Возьми меня за руку, Скай, и позволь мужчинам позаботиться об этом.

Все лицо Дамиана переменялось от этих трех слов.

Позаботьтесь об этом, и МаМаЛу забрали от него.

Позаботьтесь об этом, и они забрали бы и меня от него тоже.

Нет. В этот раз Уоррену Седжвику не удастся добиться своего. На этот раз Дамиан собирался позаботиться об этом. Я поняла это по тому, как напряглось его тело. Также оно

напрягалось, когда он отрубил мой палец, и когда он думал, что я собираюсь спрыгнуть с лодки.

Дамиан не видел ничего, кроме обжигающей боли в своем сердце. Рана, которую я пыталась излечить любовью, была вскрыта. Возмездие сочилось из него, инфицируя все любимое, хорошее, нежное — уничтожая те проблески нежности, которые в нас только начали зарождаться. Не было больше Скай, только темнота, пыль и чума: горькие, черные воспоминания.

Дамиан нажал на курок.

В этот миг я сдвинулась.

Ты можешь выбрать любовь и можешь выбрать ненависть, потому что, где живет один, другой умирает.

— Скай! — я услышала крик обоих мужчин, когда пуля попала в меня.

Комната перестала качаться. Все прекратилось. Больше никакой борьбы. Никакого перетягивания каната. Я затаила дыхание.

Сладкая, сладкая тишина.

Затем я выдохнула и полетела вперед, а красное пятно крови проступало на моей футболке.

ЧАСТЬ 4

ДАМИАН

Глава 26

Это было сенсацией. Люди пропадали каждый день, но похищенная богатая наследница, которая преодолела все трудности и получила пулю во время спасательной операции, подняла шумиху. Дамиан мог бы рассказать свою часть истории. Репортеры жаждали ее, но он был нем? как рыба, от начала и до конца судебного процесса. Дело было сделано, и ничто не могло изменить этого. Дамиан почувствовал облегчение, когда судья закончил вынесение приговора и СМИ получили, наконец, свой «фунт плоти».

В первый же день в тюрьме Дамиан понял, что должен вести себя как покорный ягненок, или действовать решительно. Какой бы ни был выбор, он задаст тон до конца заключения. Он не высовывался большую часть дня, наблюдая и изучая. Главным правилом было выжить, и время, проведенное в Каборасе, послужило ему отличным уроком. Большинство заключенных делились по расовому признаку. Власть была у большинства. Если вы состоите в банде — люди дважды подумают, прежде чем нарваться на неприятности с вами. Поэтому вы выбираете лагерь и остаетесь с ним под защитой. Дамиан распознал три отдельные группы — ЧМБ. Чернокожие, мексиканцы и белые. Были и те, кто не вписывался, и некоторые из них разбивались на фракции поменьше: те, кто верил в Бога, в основном христиане и мусульмане; гомосексуалисты и транссексуалы; а также те, кто были сами по себе: приговоренные к пожизненному заключению, профессиональные преступники и бунтовщики, закаленные старики. Неважно, в каких группах они состояли, все они совершили преступления — убийство, грабеж, похищение, должностное преступление. Была еще одна секция, отдельная, изолированная от заключенных — «чувствительная зона». В основном в ней находились именитые заключенные (бывшие копы, знаменитости, серийные убийцы), сексуальные преступники (насильники и педофилы) и мужчины-психопаты. Исправительная колония «Роберт Дэйли», что к востоку от Сан-Диего, являлась местом, в котором не было преступников из числа «белых воротничков» или тех, кто совершил мелкие преступления. Это была суровая охраняемая тюрьма, окруженная колючей проволокой и зарослями сухих полевых цветов, на небольшом расстоянии от колоний и макиладор Тихуаны. Таким было место, куда отправили Дамиана отбывать срок. *(Примеч. Макиладора — расположенное на территории Мексики предприятие, которое контролируется зарубежной компанией, на нем осуществляется сборка готовой продукции из импортных деталей с целью последующего экспорта).*

Когда в 16:00 раздался сигнал на ужин, Дамиан построился в одну линию с остальными заключенными его корпуса. Столовая представляла собой большую прямоугольную комнату с дюжиной столов из нержавеющей стали, за каждым сидело по восемь человек. С обеих

сторон зала находились вооруженные охранники, следящие за заключенными из стеклянных кабинок. Друг за другом шестеро заключенных — работников кухни — двигали подносы за стеклянной перегородкой, как в кафетерии. В этот день подавали отбивную с картофельным пюре, подливой, ломтиком кукурузного хлеба и Jell-O. (*Примеч. Jell-O (Джелло) — вид сладостей, желатиновый десерт*).

Дамиан получил свой поднос, наполнил фирменную тюремную кружку холодной водой и присоединился к заключенным геям.

Моник — чернокожий здоровяк ростом почти в два метра — чуть приподнял бровь, когда Дамиан сел напротив него. На мгновение Дамиан замялся, задумавшись, окажется ли Моник подходящим вариантом для того, чтобы завоевать репутацию. Моник, бывший боксер с бицепсами огромными и жилистыми, как ствол дерева, отбывал пожизненный срок и был главарем группировки. Тюремные надзиратели сами назначали представителей от каждой группы. Если возникали проблемы между группировками, охранники запирали всех заключенных в камеры и собирали главарей, чтобы разрешить ситуацию. Это позволяло заключенным самим разбираться со своими делами, такая система была на пользу всем. В свою очередь, главарям оказывались услуги или выдавались «бонусы». Очевидно, Моник имел кучу бонусов, начиная с фиолетовой помады и черного лака на его ногтях, заканчивая бусами в новоорлеанском стиле на шее. Он был самым большим, самым сильным человеком в комнате. Так что, когда Дамиан потянулся через стол, подцепил вилкой куриную котлету Моника и откусил большой кусок, все впали в ступор. Персонал кухни замер на полпути с половниками в руках, пока подливка капала с них. Болтовня прекратилась. Взгляды всех глаз сфокусировались на Монике и Дамиане.

Моник моргнул. Этот новенький, этот кусок свежего мяса, просто стянул еду с его тарелки? Только глупец проявит неуважение к другому заключенному так открыто, и этот глупец решил связаться с ним?

Дамиану нужна была реакция. Быстро. Прежде чем охранники вмешаются. Он поднял свою кружку и плеснул ледяной водой в лицо Моника. Моник позволил воде стечь с его носа на подбородок. Он вытер лицо, не спуская глаз с Дамиана. И затем разверзся настоящий ад. «Если ты оказался в тюремной схватке, нанеси удар первым», — подумал Дамиан, и локтем ударил Моника в горло, попав ему в гортань. Здоровяку потребовалась секунда, чтобы прийти в себя. К тому времени они уже были взяты в кольцо заключенных, удерживающих охрану на расстоянии.

Моник сделал выпад через стол, опрокинув Дамиана со стула. Двое мужчин повалились на пол, борясь друг с другом. Дамиан получил мощный удар в подбородок, челюсть, грудь. Каждый удар ощущался, будто его дубасили молотком. Моник обрушился на него, зажав лодыжкой и удерживая, блокируя так, чтобы тот не смог нанести удар сверху. Он схватил Дамиана за шею, сдавив ее мертвой хваткой, сжав трахею, прежде чем ударить его головой об пол. Весь воздух покинул легкие Дамиана с резким свистом. Дамиан чувствовал, что лицо вот-вот взорвется, как будто бы кровь скопилась в голове. Моник усилил хватку, почти отделяя голову от тела.

Моник уклонялся от его ударов, ударов которые быстро теряли силу, поскольку перед глазами у Дамиана все поплыло. Заключенные, наблюдавшие за ними сверху, стали расплывчатыми, одна синяя униформа сливалась с другой. Шум, хаос, скандирование отдалились. Лицо Скай проплыло перед ним, вопрошающее и застывшее, за секунду до того как он нажал на курок, ее расширившиеся глаза и безмолвное «нет», которое она

проговорила одними губами.

«Что ты творишь, Дамиан?» — он слышал ее голос в своей голове.

«Я даю сдачу и упорно борюсь».

Дамиан приоткрыл глаза. Он ухватился за бусы на шее Моника и потянул. Когда лицо Моника оказалось достаточно близко, Дамиан головой ударил его в нос. Моник отпустил Дамиана и зажал нос. Кровь брызнула на его голубую рубашку из шамбре. (*Примеч. Шамбре — вид хлопчатобумажной ткани*). Дамиан ударил Моника в челюсть и сел на него сверху. К тому времени, как сквозь кольцо заключенных пробрались охранники, лицо Моника было в ссадинах и фиолетовым от размазанной помады и побоев Дамиана. Большинство заключенных разошлись, когда расцепили Дамиана и Моника. Оба мужчины еле держались на ногах, окровавленные и побитые, но одно было ясно, Дамиан Кабальеро — человек, с которым не стоит связываться.

Дамиана бросили в изолятор для подстрекателей драк. Изолятор был настоящим наказанием.

В «дыре» (или карцере) было три метра в длину и два в ширину, стены и потолки — из толстого металла. Пол — холодный бетон. В камере не было ничего, кроме металлической кровати с тонким матрасом, забитым до отказа туалетом и раковиной. Единственным контактом с внешним миром была небольшая щель, через которую передавали пищу. Они забрали его униформу, дали легкую футболку и боксеры, и включили кондиционер на ночь. Дамиан не мог спать.

На девяносто минут в день его загоняли в камеру для занятий, где он растягивался и делал выпады и приседания, используя по максимуму дополнительное пространство. На оставшиеся в сутках двадцать два с половиной часа Дамиана оставляли в гробовой тишине и темноте. Впервые с тех пор, как он признал себя виновным в предъявленных ему обвинениях, Дамиан был один. Изолятор, как предполагалось, должен был сломать его, но он был только рад одиночеству. Он и так зашел слишком далеко, избегая ответственности за мужчин, кровь которых все еще была на его руках: Альфредо Рубен Замора, Эль-Чарро, бесчисленные члены картелей Синалоа и Лос Зетас, погибшие во время взрыва на складе.

Но то, что он сделал со Скай, лежало самым тяжелым грузом на его душе. Он не мог перестать думать о том дне, когда видел ее в последний раз, и, несмотря на то, что это причиняло адскую боль, он воскрешал в памяти каждую деталь.

Когда Дамиан вошел в зал суда, первым человеком, которого он увидел, была Скай. Его глаза инстинктивно переместились на нее, потому что так и должно было быть. Когда

она была рядом, она владела всем его вниманием.

Она выглядела по-другому, не как та девушка в башне из слоновой кости и не как девушка в его постели на острове. Она не выглядела как Скай Уоррена или как Скай Дамиана, или Скай Разорванная пополам.

Эта Скай принадлежала себе. Так или иначе, случай на острове изменил ее. Дамиан чувствовал отрешенность, будто она закрылась не только от него, но и от всего, что ее окружало. Она находилась в помещении, но в своем собственном мирке, вдыхая свой собственный воздух.

Пуля задела ее плечо, и, несмотря на то, что она не нанесла серьезных повреждений, ее раненая рука была все еще в повязке. Дамиан не мог смотреть на нее без мысли о ее крови, которая просачивалась сквозь его пальцы в момент, когда он подхватил ее. Эту кровь пролил он.

Парни Уоррена схватили его. Они перенесли Скай и Виктора, который отключился от потери крови, к вертолету. Уоррен улетел с ними в больницу. Дамиана схватили, надев на него наручники, и увезли под конвоем к отделению полиции. Рафаэль держал его в курсе состояния Скай и ее реабилитации, но он не видел ее с момента ареста.

Она снова была блондинкой. Ее гладкие, длиной до подбородка волосы были заправлены за ухо с одной стороны. Это подчеркивало ее полные, розовые губы и заставляло Дамиана желать повторения всех тех вещей, право на которые он потерял, когда нажал на курок.

Скай сидела между отцом и Ником Тернером, парнем, с которым она ужинала в ночь, когда Дамиан похитил ее. Дамиан ненавидел его за то, что тот сидел настолько близко с ней, что их плечи соприкасались. Он ненавидел его еще больше еще из-за одной вещи — обвинения предъявлял самолично Ник, потому что он был адвокатом Скай.

Несмотря на то, что у Дамиана было двойное гражданство — мексиканское и американское, он был под следствием в Сан-Диего, поскольку похитил Скай на территории США. Но дело не должно было дойти до суда. Дамиан признал себя виновным. Он искалечил Виктора, похитил Скай, удерживал ее в заложницах, отрезал ей палец и, наконец, стрелял в нее. Адвокату Дамиана и Нику удалось заключить сделку о признании вины, но лично Ник настаивал на суровом наказании.

Ник презирал Дамиана за то, что тот забрал девушку, которую он обожал, и за вещи, которые, по его мнению, Дамиан с ней сотворил. Скай отказалась встречаться с Ником за пределами суда, Ник был уверен, что это из-за перенесенной травмы и что со временем она даст ему еще один шанс. Он не поверил ей, когда она сказала, что влюблена в Дамиана. И что с того, что Дамиан был этим Эстебаном, мальчиком, которого она когда-то давно знала? Скай была не в своем уме, и это было его и Уоррена дело — посадить Дамиана за решетку навечно. Они изменили формулировку дела о похищении на дело о похищении сотягчающими обстоятельствами, исходя из того, что Дамиан нанес Скай телесные повреждения. Они хотели еще прибавить изнасилование при отягчающих обстоятельствах, но Скай настояла на том, что секс был согласован, и не позволила им превратить процесс в фарс.

Разумеется, Дамиан ничего этого не знал, наблюдая за Скай, сидящей между двумя мужчинами. Он видел их как единое целое, трио, действующее сообща. «Вне зависимости от твоего выбора, Дамиан, знай, я всегда, всегда буду любить тебя», — сказала она ему.

Он хотел верить в это. Он хотел верить ее словам так сильно, но как он мог, зная, что она скрыла то, что могло бы смягчить его наказание? То, что он позволил ей уйти. Он

освободил ее, посадил ее на материк, а она решила вернуться к нему. Это знали только они двое. Да, он сделал неправильный выбор. Он поддался тьме, когда следовало бы поддержать ее, но ему нужно знать что она все еще переживает за него. Он охотно бы провел остаток своих дней за решеткой за все то, что совершил, но он нуждался в том единственном мимолетном мгновении света, чтобы продолжать двигаться, зная, что для нее это было по-настоящему.

Когда Дамиан стоял перед судьей, готовый принять наказание, его взгляд упал на Скай. Один взгляд, одна вспышка тех преследующих серых глаз, и он был бы оправдан. Скажи что-нибудь — я перестану верить в нас. (Примеч. это слова из песни Кристины Агилеры «Say something»).

Но она держала свою голову опущенной. Она не посмотрела на него ни разу за время слушания, и она не смотрела на него сейчас. Скай знала, что если она это сделает, если поднимет глаза от колен, она ничего не сможет скрыть от него, и она сдерживала это слишком долго, чтобы позволить всему разрушиться. Чем раньше это дело закончится, тем лучше для всех них. Она рассказала своему отцу и Нику, что Дамиан позволил ей уйти, что именно она была той, кто вернулся, но они были уверены, что она подверглась своего рода психологическому расстройству. Они были готовы вызвать психиатра, чтобы перевернуть любые ее слова о Дамиане, чтобы подтвердить, что она страдает Стокгольмским синдромом и посттравматическим расстройством.

— Я не могу понять, почему ты защищаешь его, Скай, — ее отец мерил шагами палату в больнице, где она восстанавливалась после огнестрельного ранения. — Посмотри, что он сделал с тобой. Он стрелял в тебя, Скай. Он собирался выстрелить в меня, но в итоге выстрелил в тебя. Разве это тот парень, которому ты хочешь помочь избежать уголовного наказания? Тот, кого так ослепила жажда мести, что он ничего не видит перед собой?

— Ты тоже был слеп, пап, так слеп, что даже не заметил, что ты сделал МаМаЛ...

— Ты хочешь знать, что я сделал МаМаЛу? — глаза Уоррена вспыхнули негодованием. — Я спас МаМаЛу. Верно. Я спас ее. Эль-Чарро и его люди могли убить ее. Тюрьма была ее спасением. С глаз долой — из сердца вон. Я заплатил Виктору целое состояние, чтобы быть уверенным, что за Эстебаном присмотрят и что МаМаЛу получит все необходимое ей в Вальдеморо. Я не знаю, доставляли ли ей что-то за эти деньги. Я подозревал, что Виктор использовал эти деньги, открыв свой охранный бизнес, но теперь это не имеет значения. Как только мы обустроились в нашем новом доме, я собирался послать за МаМаЛу и Эстебаном, сделать им новые паспорта и опекать их. Я был в долгу перед ней. Новая жизнь — начать с чистого листа. Но мой план не сработал. Она умерла, прежде чем я высвободил их. Я отправился на поиски Эстебана, но его дядя умер, а мальчик исчез. Не было никаких его следов. Никто не знал, куда он подевался или что произошло с ним. Я закрыл эту главу нашей жизни с тяжелым сердцем, Скай. Я сжег письма, что ты писала. Это разбивало мне сердце, но я хотел защитить тебя. Ты была еще так молода, я был уверен, что ты забудешь. Я подумал, что будет легче, если ты примешь тот факт, что они просто стали жить далеко от нас. — Уоррен вздохнул и опустился в кресло. — Если и есть то, о чем я сожалею, не учитывая невозможности отъезда из Мексики, когда твоя мама была жива, то это — МаМаЛу. И если Дамиан хочет поквитаться со мной за это — прекрасно. Но я не позволю, чтобы ему сошло это с рук, — он махнул рукой в сторону кровати Скай и окружающих ее приборов.

Скай закрыла глаза. Так много недоразумений, так много времени потрачено впустую, и каждый мужчина упрямо настаивал на своем.

— Дамиан должен узнать что произошло, пап, каковы были твои намерения.

— Он ни разу не дал мне шанса объясниться, не так ли? Он просто сделал свои предположения. Судья, присяжные и самосуд. Он похитил тебя, причинил тебе боль, и он изувечил человека. Виктор никогда не сможет пошевелить той рукой. Врачи пришили ее, но нервы отрезаны. Это необратимо.

— Это была самозащита! — отрезала Скай. Она была сыта по горло этим нескончаемым перетягиванием каната. — Виктор действовал, основываясь на договоренности с тобой. Он знал, во что ввязывался. Опасность идет рука об руку с его работой. Дамиан не был вооружен. Он был ранен. Именно Виктор был тем, кто наставил на него пистолет.

— Почему? — ее отец выглядел опустошенным. — Почему ты сражаешься со мной на каждом шагу? Позволь мне разрешить эту проблему, Скай. Однажды ты оглянешься на прошлое и увидишь истину. Ты сейчас не в себе. Ты не знаешь...

— Хватит! — Скай прервала своего отца. — Достаточно.

Это было то время, когда прежняя Скай отключилась, а новая Скай заняла ее место.

— С меня хватит, — сказала она. — Я закончила с тобой. И я закончила с Дамианом. Я не позволю ни одному из вас использовать меня, чтобы подобраться друг к другу.

Ник уговаривал ее отклонить признание вины, которое предложил адвокат Дамиана, но Скай знала, что если доказательства предоставят суду, Дамиан превратится в монстра и ее свидетельские показания не примут в расчет.

Все, что у них было, опорочили и осквернили. И тогда она пришла к соглашению с Ником и отцом. Они не подвергнут Скай осмотру психиатра, если она не станет настаивать на своем, если будет держать свой рот на замке насчет того, что Дамиан отпустил ее.

И поэтому она сидела там, в зале суда, уставившись на свои колени, несмотря на то, что ее лицо горело от взгляда Дамиана. Ее любви оказалось недостаточно. Он выбросил одно оружие только для того, чтобы взять другое. Когда настало время выбирать — ее любви оказалось недостаточно.

Судья приговорил Дамиана к восьми годам, поскольку он проявил раскаяние, признав себя виновным, и тем самым сэкономил суду время и расходы на продолжительные судебные разбирательства.

Ник и Уоррен не выглядели очень довольными, но это был срок, которого они ожидали, поэтому смирились.

Рафаэль отрывисто кивнул Дамиану, когда они надели на него наручники. Дамиан обернулся, чтобы посмотреть на Скай в последний раз, прежде чем они вывели его, все так же нуждающегося в одном мимолетном взгляде. Его чувства нельзя было объяснить словами — грусть, утрату, чувство, что разочаровал ее и разочаровался в себе. Скай так и смотрела на свои колени.

Дамиан в своей жизни любил двух женщин. Он не в силах был спасти одну, и сделал свою любовь невозможной для другой. В темноте, когда одиночество давило ему на грудь, подобно каменной горгулье, МаМаЛу явилась ему. Он чувствовал ее присутствие. Закрыв глаза, он мог слышать ее пение. Он снова был маленьким мальчиком, сидящим с ней в церкви, его рука крепко сжимала ее, а ангелы и святые наблюдали за ними сверху. Дамиан понял, что МаМаЛу не была одинока, даже в свои последние дни в Вальдеморо, он был с ней, как сейчас она была с ним. Потому что, когда мы любим, несем это внутри себя, и мы можем зажечь этот свет даже в темные минуты. Чем сильнее мы любим, тем ярче он светит. И хотя МаМаЛу уже давно нет, она все еще была там с ним, в его самые темные, одинокие минуты.

«Это правда», — подумал он.

Любовь не умирает.

Это дало Дамиану причину держаться за здравый рассудок, потому что, не имея возможности сфокусироваться на чем-то, человек может сойти с ума в одиночном заточении. Дамиан оторвал пуговицу со своих боксеров, повернулся кругом и швырнул ее в воздух. Затем стал на четвереньки и стал искать ее в темноте. Найдя, он повторил снова и снова пока не выдохся. Вскоре он использовал эту игру, вычисляя время между едой и время дня и ночи. Иногда он бегал на месте, иногда балансировал на голове. Он усиленно трудился и поддерживал форму, и когда они открыли дверь, чтобы вернуть его обратно в камеру, он удивил всех своей стойкостью. Моник просидел в одиночке лишь нескольких дней, поскольку Моник был важен. Он играл значительную роль в сохранении общественного порядка. В день возвращения Дамиана, в столовой нервное напряжение висело в воздухе. Охранники были начеку, а заключенные нервничали, поскольку Дамиан занял то же место — напротив Моника. В меню были спагетти с фрикадельками, горошком и вездесущем *Jell-O*. Дамиан зацепил вилкой фрикадельку с подноса Моника и закинул ее себе в рот.

Моник прекратил чавкать. Его нос зажил, но теперь был слегка кривой. Напряженность между двумя мужчинами была ощутима. Тут Моник потянулся через стол и зацепил вилкой немного гороха Дамиана. Он подержал вилку между двумя тарелками, доказывая свой авторитет горсткой горошка, а потом отправил в рот. Они уставились друг на друга выжидающе, продолжая жевать блюдо друг друга. Дамиан проглотил и переключил внимание обратно на свой поднос. Моник продолжил молча есть со своего. Каждый вернулся к своим занятиям.

— Миленький шарф, — пробормотал Дамиан.

На голове Моника был яркий цветочный шарф, а в ушах — пара изящных и забавных жемчужных сережек.

— Я тебя умоляю, — ответил Моник, не поднимая глаз от спагетти. — Ты же ни хрена в этом не сечешь.

— Дамиан, к тебе посетитель, — тюремный надзиратель заглянул в зону отправки и приема, где Дамиан и Моник раскрашивали фрески.

— Слава Богу, — Моник возвел руки к потолку — Уведите этот бесполезный кусок дерьма. Он испортил мое кукурузное поле.

— Это кукуруза, — ответил Дамиан, откладывая свою кисть. — А не парад фаллических символов.

Он последовал за охранником через тяжелую металлическую дверь с плексигласовыми окнами. У каждой двери звенел предупреждающий звонок, каждая открывалась с шумом от сжатого воздуха, и закрывалась позади них с отчетливым *ффух*.

Дамиан вошел в комнату для посетителей, ища взглядом Рафаэля. За год, что он был там, Рафаэль был единственным его посетителем. Дамиан контролировал свой бизнес из тюрьмы, а Рафаэль выполнял его указания. Иногда, они сидели в примыкающем к зданию патио, где был небольшой участок зеленой травы, и говорили о жизни. Дамиан никуда не выходил, но визиты Рафаэля давали ему кое-какие представления о внешнем мире.

— Они сказали мне, чтобы не было никаких бретелек или топов с бретельками через шею. И ничего выше колен, не более чем пара сантиметров.

Рафаэль всегда подначивал Дамиана по поводу его неправдоподобной дружбы с Моник. Дамиану было любопытно, какую колкость сказал бы Рафаэль сегодня, но его нигде не было.

Половину комнатки для посетителей занимали посетители — дети и семьи. Дамиан вопросительно взглянул на надзирателя, занимавшего пост возле стены.

— Снаружи, — сказал охранник.

Дамиан ступил в патио и застыл. На одной из закрепленных болтами скамеек сидела Скай, все в ней было новым, еще красивее, еще реальнее, не таким, как он помнил. Она сидела к нему спиной, и волна боли прошла его тело — ее волосы теперь доходили почти до талии. Он пропустил целую череду моментов: как они смотрелись на ее плечах, как спускались по ее груди, как завитками подпрыгивали по ее спине. Редкие, мягкие волоски на ее руках были почти серебристо-белыми там, где их коснулось солнце. Она была словно в ореоле света, который освещал каждый темный, пыльный уголок его сердца.

Он мог бы стоять там бесконечно, парализованный тем, что видит Скай, но один из охранников подтолкнул его вперед. Дамиан с минуту постоял за ее спиной, пытаясь подобрать слова, когда она обернулась, почувствовав его присутствие.

Скай ожидала чего-то другого. Небольшой кабинки, стеклянной перегородки, телефона для переговоров.

Расстояние.

Она ожидала расстояния.

Она прокручивала картинку в своей голове множество раз. Флуоресцентные лампы сверху, крохотный закуток, камеры видеонаблюдения, следящие за их беседой. Она бы сидела. Его бы завели.

Это то, что она представляла себе, то, к чему она подготовилась. Но не было никакого стекла между ними, никаких ограничений для обнаженных эмоций, потрескивающих между

ними, ничего, что сдержало бы ту силу, которая все еще притягивала их друг к другу.

— Садись! — окрикнул один из охранников, прервав их обмен полными сладкой горечи взглядами.

Дамиан скользнул на скамейку напротив нее. Небольшой прямоугольный столик разделял их.

— Я...

— Ты...

Они одновременно замолчали.

— Сначала ты, — промолвил Дамиан, вспомнив о другом моменте и в другом месте, когда они прервали друг друга, о свирепых поцелуях в темной прихожей.

— Они сказали мне, что ты внес меня в список, когда я просила о свидании, — сказала Скай.

— Я не думал, что ты придешь.

Они замолчали, поскольку были слишком заняты, разглядывая друг друга.

Скай готовилась к худшему, но Дамиан выжил. Он пережил Эль-Чарро и Каборас, и он переживет тюрьму. Скорее наоборот, его грудь стала шире, его рубашка намекала на мышцы, что стали больше и сильнее. Но его лицо было тоньше и глаза стали другими. Они изменились в очередной раз. Такие же черные, но теперь в них была темнота потерянных, утраченных возможностей, которыми поманили, а потом обратили в пепел.

— Как ... — она сглотнула, пытаясь не поддаваться его пристальному взгляду. — Как ты?

— Хорошо выглядишь, — сказал он, как будто не услышал ее, как будто ее вид завладел всеми его чувствами. *Ты выглядишь очень, очень хорошо.*

Он не говорил о том, что она набрала в весе, или что ее грудь стала более округлой под блузой с длинными рукавами, или что ее щеки были полнее, чем в последний раз, когда он ее видел в зале суда.

Он подразумевал, что она выглядела для него хорошо, не важно, где и когда.

— Как твое плечо? — спросил он.

— Хорошо.

Это не мое плечо болит. Это мое сердце.

— Как твоя нога?

Дамиан не беспокоился о всякой хрени вроде старой раны на бедре, напоминании об их последнем дне на острове, когда люди Виктора загнали его в угол в хижине. Он склонился над столом, ближе к ней, так как знал, что охранники позволят ему.

— Что такое, Скай? Есть что-то, что ты скрываешь от меня?

Она выглядела испуганной, хотя он не мог понять, почему? Они всегда могли читать в душах друг друга.

— Почему ты это делаешь? — спросила она. — После всего, через что мы прошли, ты все еще мечтаешь завладеть компанией моего отца?

Дамиан вздохнул. Он не хотел говорить обо всем том, что причиняло ему боль, — только не теперь, когда он смог увидеть ее по прошествии столь долгого времени, но он сказал ей то, что она хотела знать.

— Потому что даже после того, как он избавился от меня, я с ним не закончил. Твой отец отправил сюда кое-кого, чтобы избить меня, предупредив держаться от тебя подальше. Он сказал, что если я хотя бы попытаюсь связаться с тобой, я могу больше не волноваться об

освобождении, поскольку он отправит меня в гроб задолго до того как это произойдет.

— Когда? Когда он сделал это?

— Через несколько месяцев после того, как я сюда попал.

Дамиан чувствовал, как вертятся шестеренки у нее в голове. Он жалел, что не мог пробраться ей в голову и передвинуть каждую частичку ее мозга так, чтобы она не растрчивали попусту их время — их драгоценное время, обсуждая Уоррена чертова Седжвика.

— И ты поэтому продал свой пакет акций «Отелей Седжвик», и тем самым вызвал резкое падение акций. Ты, должно быть, потерял много денег. Почему ты поставил сам себе подножку? Почему бы просто не отступить?

— Я не люблю угрозы, Скай. А эта компания была построена на грязные деньги. Деньги картеля. Я отдал бы что угодно, чтобы посмотреть на лицо Уоррена, когда это все начало рушиться.

— Ну что ж, теперь этого никогда не случится. Он мертв, Дамиан. Мой отец умер несколько дней назад. Ты получил свое возмездие. Ему потребовалось время, чтобы сломаться, пока он терял все, часть за частью. Для него это был слишком тяжелый удар. Реализация залога и коллекторы. Ему отказали везде. У него был приступ в прошлом году, и затем еще один спустя несколько месяцев. Он не пережил третьего. Что ж, поздравляю. Ты наконец-то сделал это. Ты отомстил за МаМаЛу.

— Хорошо, — Дамиан устроился поудобней и сложил руки на груди. Он должен был бы почувствовать хоть каплю радости от этой победы, от этой борьбы за справедливость, но ничего не могло заполнить пустоту, которую раньше заполняла в его душе Скай. — Не могу сказать, что он не заслужил это.

— Не надо, Дамиан. Время отпустить. Мой отец собирался увезти тебя и МаМаЛу оттуда. Он собирался дать вам новую жизнь, новые личности. Он приезжал, чтобы найти тебя после смерти МаМаЛу, но тебя нигде не было. Отец не мог предотвратить то, что он сделал, но он никогда не намеревался причинить никакого вреда тебе или МаМаЛу.

Болезненная, медлительная тяжесть наполнила вены Дамиана, вспышка счастья при виде Скай растаяла, как прохладный эфир. Она пришла не из-за него. Она пришла из-за своего отца.

— Так вот в чем дело? — спросил он. — Вот почему ты объявилась? Спустя год? Ты обвиняешь меня в том, что начал *он*? Я ушел, Скай. Из-за тебя. Но он не мог остаться в стороне, не так ли? Он просто должен был убедиться, избив меня, что я сохраню дистанцию. Слово я мог когда-нибудь даже подумать о том, чтобы связаться с тобой. Ты заслуживаешь лучшего. Я знал это. Он знал это, но он должен был убедиться в том, что по-прежнему владеет козырем в рукаве.

— Он сделал так не поэтому!

— Тогда почему, Скай? Почему? Я потерял МаМаЛу. Я потерял тебя. Я потерял восемь лет моей жизни. Почему блядь, он не мог просто оставить меня в покое?

— Потому что!

— Потому что, что? — Дамиан ударил ладонями по столу. — Я ненавижу этого чертового ублюдка и рад, что он умер. Чего ты ожидала, Скай? Ты ожидала извинений? Хотела, чтобы я сказал, что мне жаль?

— Прекрати, Дамиан, — Скай увидела, как охранник направляется к ним. — Я думала, что это будет по-другому. Я думала, ты будешь другим. Но ты все также переполнен гневом.

— А ты все также защищаешь его. — Дамиан поднялся и позволил охраннику надеть на него наручники. Его вспышка еще аукнется ему. Он желал, чтобы Скай никогда не приходила. Он желал никогда не знать ее или Уоррена Седжвика. Он желал остановить прострелившую его насквозь резкую боль.

— Я так и думал. Кровь не водица.

Лицо Скай изменилось от его прощального замечания. Она одновременно выглядела уязвленной и взбешенной. Последнее, что видел Дамиан, когда его уводили, — это ее спина и ссутулившиеся над столом плечи.

Это был единственный раз, когда Скай приходила навестить Дамиана в тюрьме. Он не видел ее больше ни разу до окончания срока его заключения, ни разу за эти семь лет.

Дамиан стоял у входа в Каса Палома, возле высоких кованых железных ворот, которые однажды преградили ему путь. Первое, что он сделал, выйдя из тюрьмы, — предложил свою цену, и теперь он стал владельцем там, где его мать прислуживала. Несколько потенциальных покупателей, которые имели возможность владеть этой собственностью, пугались трудностей, связанных с ее восстановлением. Годы пренебрежения превратили поместье в хаос.

Густо покрытые виноградными лозами стены и балконы скрывали утонченные линии Каса Паломы. Разросшиеся деревья мрачными тенями обрамляли все вокруг. Сад превратился в болезненного вида скопление сухих сорняков, мешков с мусором и пустых пивных бутылок.

Дамиан убрал цепи и открыл ворота. Они заскрипели на потрепанных ржавых петлях. Главный дом стоял перед ним, и заколоченные окна уставились на него бледными, пустыми глазами.

Дамиан прошел мимо, игнорируя веселье кузнечиков, которые шумели на его пути к небольшому, невзрачному зданию позади, которое когда-то служило жильем для прислуги. В домике были комнаты как в общежитии, с общей ванной комнатой и кухней. Он стоял напротив третьей двери, борясь с ностальгией и странным тугим узлом в горле. Метла МаМаЛу все еще стояла у стены, покрытая слоями пыли и паутины. Дамиан переминался с ноги на ногу у входа.

— Это я, МаМаЛу, — сказал он, попытавшись произнести слова сквозь ком в горле. — Твой Эстебандидо дома.

Дверь оставалась закрытой. Никто не впустил его, никто не заставил его опустить глаза как плохого мальчишку. Дамиан прислонился лбом к двери и пальцем очертил косяк. Краска осыпалась на его туфли. Он опустил руку на ручку двери, задержавшись на несколько минут, прежде чем войти.

Комната была намного меньше, чем он помнил. Единственный луч солнечного света осветил темное, заплесневелое место. Не было никакого следа аромата жасминового масла для волос, которым пользовалась МаМаЛу. Ткань, разделявшая их кровати, была сорвана той ночью, когда забрали МаМаЛу. Да, его не ждали *тостадас* (Примеч. *Тостадас* — мексиканское блюдо из лепешки тортилья с начинкой) и стаканчик *орчаты* (Примеч. *Орчата* — безалкогольный напиток из земляного ореха), но сломила Дамиана этим тихим утром ее кровать.

Кровать МаМаЛу никогда не была в беспорядке, но теперь на ней валялись скомканные простыни, смятая подушка, покрытая пылью. Они выволокли МаМаЛу прочь, и это место осталось пустым и заброшенным, никому не нужным целых двадцать три года.

Дамиан приступил к уборке. Он снял простыни с кровати, вынес на улицу и вытряхнул из них пыль. Он поколотил подушку, перевернул, положил ее верх ногами и встряхнул еще немного. Он застелил постель, туго натянув простыни, разгладив все складки. Загнул верхнюю часть простыни и заправил концы. Положил обратно подушку МаМаЛу, отступил, передвинув ее, и отступил снова. Пылинка легла на поверхность, и Дамиан твердо намеренный устранить малейший дефект на кровати МаМаЛу, начал весь процесс сначала.

Он все еще суетился над простынями, когда доселе сдерживаемые чувства, засевшие у него в горле, взорвались. Дамиан не плакал по МаМаЛу ни в Вальдеморо, когда они сказали, что она умерла, ни когда клал цветы на ее могилу каждый год, и ни тогда, когда открывал ее маленькую жестянку Lucky Strike.

Его горе останавливал гнев. Но теперь гнев ушел. Он отомстил за нее, заставив заплатить Эль-Чарро, заставив заплатить Уоррена. С ними покончено, и с ними ушла его острая необходимость отмщения.

Ему не за что было больше держаться, и ничто больше не удерживало его от слез. Все терзавшие его глубокие темные эмоции вдруг наполнились пустотой и рассыпались в прах, как древние скелеты. Ненависть была иллюзией, гнев был иллюзией, месть была иллюзией. Они все были пустоцветом, который он поливал и выращивал, но который не принес плодов.

Дамиан взобрался на кровать МаМаЛу и свернулся клубочком. Он был маленьким мальчиком, когда ушел, а теперь превратился в мужчину. Он был одиноким тогда и одинок теперь. Единственным отличием, единственным горьким, мучительным отличием было то, что он потерял свой единственный шанс на спасение. Он был настолько занят, держась за свою ненависть, что упустил любовь.

Дамиан вспомнил момент, когда в последний раз видел Скай.

«Ты все также переполнен гневом», — говорила она.

Он наконец-то понял, что она пыталась ему сказать.

Работа по восстановлению Каса Палома была грандиозной, но у Дамиана имелись на это и время, и денежные средства. В течение восьми лет он управлял своей компанией из тюрьмы. Его указания были необходимыми, но присутствие было необязательным. Дамиан добился успехов в том, что он делал, но это не принесло ему успокоения.

Он нашел утешение в реставрации, покраске и ремонте главного дома. Он сорвал с фасада виноградные лозы; почистил насосы, и фонтаны заработали снова; нанял команду ландшафтных дизайнеров — восстановить территорию. Они заменили крышу терракотовой черепицей и покрыли наружную часть штукатурки свежим слоем белой краски.

Потихоньку дом снова начал выглядеть живым. В саду расцвели цветы. Бабочки и колибри вернулись. За годы многое растащили, но кое-что из старой мебели осталось, как и канделябры. У матери Скай, Адрианы, была страсть к театральности. Дамиан не был уверен, стоит ли сохранить бархатные занавески в столовой. Он сидел за столом, где однажды Уоррен собирался с Эль-Чарро и его людьми, и рассматривал тяжелую бордовую ткань. Это придавало комнате некий оттенок старины, но заслоняло свет.

Мягкий глухой стук прервал его мысли. Бригада ремонтников уже ушла, но старые дома создавали всякого рода звуки. Дамиан проигнорировал его и поднялся, чтобы осмотреть занавески.

И снова. Еще один легкий удар. Дамиан обернулся. Звук исходил от старого тайника, в котором он раньше прятался. Это был тот самый тайник, из которого он наблюдал за Скай и МаМаЛу, когда они сорвали встречу Уоррена.

Дамиан остановился перед ним и услышал отчетливый звук. Возможно, это была птица или бездомная кошка, и существо видело его. Впрочем, это могло быть нечто менее безвредное, например, змея. Дамиан встал на четвереньки и медленно открыл дверцу.

Это была худенькая крошка с загорелой кожей и длинной неряшливой косичкой. Ее согнутые в коленях ноги подпирали подбородок, а огромные глаза цвета какао уставились на Дамиана. Она была одета в белую рубашку со школьной эмблемой и темно-синюю юбку. Ее носки были перекошены, один натянут до колена, другой болтался на лодыжке.

— Все хорошо, — сказал Дамиан, когда она настороженно посмотрела на него. — Тебе не нужно прятаться.

Он протянул руку, но она отказалась принять ее.

Последнее, что он ожидал найти, так это маленькую девочку, прячущуюся в тайнике. Возможно, ее отец был одним из рабочих, которых он нанял, и она пришла навестить его. Возможно, она направлялась в школу, и любопытство привело ее в Каса Палома — она ходила мимо заброшенного дома, а вот внезапно в нем закипела работа. Бригада ремонтников, которая то приезжала, то уезжала на грязных грузовиках, сверление, лязганье, бабаханье, стуки. Тележки разбитых плит и старых половых досок были выстроены в линию возле ворот. И раскинувшиеся вдоль ограждения цветы, которые так долго были вялыми и мертвыми, теперь казались пышными и зелеными. Дамиан был удивлен, что никто до сих пор не рискнул проверить. Маленькая девочка была первой гостьей, и очевидно она боялась, что ее поймут.

— Я не обижу тебя, — он откинулся на пятки и ждал, пока она его оценивала.

Он, должно быть, активировал ее сканер опасности — девочка вылезла из укрытия и встала напротив, теребя подол юбки. Дамиан слишком хорошо помнил это ощущение, когда ты знаешь, что у тебя проблемы, но понятия не имеешь, как поступить. Во многих случаях это было хуже, чем само наказание.

— Как тебя зовут? — спросил он.

На мгновение она уставилась на него, прежде чем опустила взгляд на свою обувь. Туфли были потрепанными и выглядели так, будто прошли огонь, воду и медные трубы.

— Ты живешь неподалеку? — он склонился ближе, пытаясь встретить ее взгляд.

— Отвали от меня! — она отвела ногу назад и жестко заехала ему прямо по шарам.

Контакт был, что называется, полным.

Черт, за что? В неверии Дамиан посмотрел на девочку и рухнул на пол, зажав руками яички в запоздалой попытке защититься.

Охтыжебтвоюмать. Это. Охрененно. Больно.

Он согнулся пополам, пытаясь отдышаться.

Боль от яичек зажгла в его брюшных мышцах адское пламя, а потом перебралась в почки. Каждая мышца от колен к груди как будто сжалась в судороге. У Дамиана начала кружиться голова. Сильно затошнило, но он подавил рвоту, так как малейшее движение только усилило бы боль. После несколько резких, мучительных вздохов, боль перешла в тупую пульсацию.

Дамиан открыл глаза. Девочки не было. Его яйца были разбиты. Уничтожены. Он однозначно уверен в этом. Он лежал на полу, мысленно исследуя свое тело.

Ноги? Ну да, все еще на месте.

Руки? Есть. И функционируют.

Туловище? Все органы работают нормально.

Причиндалы?

Ну же, причиндалы? Живы, капитан. Не счастливы, но живы.

Дамиан сделал глубокий вдох и уставился на пустое место в тайнике. Он пережил восемь лет тюрьмы, но один удар маленькой девчушки отправил его в нокаут и поверг в шок. Он лежал, свернувшись как ребенок, и смеялся. Впервые со времен Скай и острова Дамиан смеялся долго и сильно, придерживая свои шары, пока они болезненно негодовали.

Одна комната в Каса Палома оставалась нетронутой. Дамиан игнорировал ее так долго, как только мог, и хотя дверь в комнату Скай оставалась закрытой, она взывала к нему каждый раз, когда он проходил мимо.

И когда Дамиан наконец-то вошел, он пробудил призраков детства, смеющихся, прыгающих и поющих песни на кровати. Они разбросали пожелтевших бумажных животных на его пути и наполнили его разум отдаленным шепотом воспоминаний. Теперь было не спрятаться. Теперь не было барьера, чтобы держать их в страхе, никаких оков гнева или ненависти, чтобы отогнать их прочь. Он слышал их, видел их, чувствовал их всех.

Вот Скай швырнула шоколадное мороженое с арахисовым маслом. Что ж, так или иначе, оно приземлилось на его обувь.

А тут она разглядывала свое отражение и просила его смастерить ей картонный зуб. Здесь они становились в круг и держались за руки — он, МаМаЛу и Скай, пока Скай произносила свою молитву перед сном.

Когда Дамиан подмел комнату и убрал паутину, воспоминания стали сильнее, отчетливее, болезненнее, но, с другой стороны, слаще, как маленький кусочек леденца, который растаял в кармашке, оставив воспоминания, — запах, который будет с тобой всегда.

Дамиан свернул пыльные покрывала, и сорвал фанеру с окна. Солнце ударило в комнату, освещая стены, углы и книжные полки. Дерево снаружи комнаты Скай выросло, ветка по которой он раньше взбирался, теперь скребла крышу. Дамиан поднял голову, и увидел пару загорелых ног, свисающих сквозь листья. Это была *та бьющая по яйцам* девчушка с протертой *бьющей по яйцам* обувью. Она прислонилась к стволу дерева, читая книгу и не зная, что за ней наблюдают.

Дамиан инстинктивно прикрыл свои яйца.

Какого хрена она вернулась сюда?

Он нырнул обратно внутрь и подумал, что надо снова забить окно досками. Его яйца до сих пор болели, и он не был в настроении ссориться с ней. Он засмеялся и начал просматривать полки, перебирать книги, которые давным-давно МаМаЛу читала ему и Скай. Лучшими историями были те, которых там не было, их она сочиняла. Они витали вокруг него. Дамиан сделал глубокий вдох, желая вобрать их, наполнить легкие голосом МаМаЛу и ее словами. Он вытянул руки, крутанулся на триста шестьдесят градусов, впитывая их... и резко остановился.

Пара темных глаз наблюдала за ним.

Девочка сидела теперь на одной из нижних веток, на уровне окна. На ней снова была школьная форма. Ее книга была заправлена за пояс юбки, и она выглядела так, будто готова была спрыгнуть с дерева в тот самый момент, когда увидела Дамиана.

Это был не самый удачный момент Дамиана — он выглядел как кружащаяся по комнате начинающая балерина с раздутой грудью. Он опустил руки и встретился с пристальным взглядом девочки. Возможно, если он посмотрит на нее свирепым прищуренным взглядом из старых вестернов, она продолжит свой путь.

Она не сдвинулась с места. Прищурившись, она посмотрела на него, отчетливо понимая, что ветка не выдержит его веса, так что он не сможет поймать ее, даже если бы попытался.

Несколько секунд дуэли взглядов — и Дамиан почувствовал, как ползет вверх уголок его рта. Он сжал губы, притворившись, будто сердится, и отвернулся, занявшись уборкой комнаты.

Дамиан держал девочку в поле своего зрения. Он не собирался упускать ее из виду — вдруг она снова решит испробовать на нем свои трюки ниндзя.

Он почти закончил, когда нашел стопку разноцветной бумаги, которую однажды использовал для оригами.

Ее приносила ему Скай. Перед внутренним взором пронеслись кадры из прошлого, ее восхищенное лицо при виде очередной поделки.

Это как будто происходило в другой жизни, но пальцы Дамиана буквально заныли от желания прикоснуться к этой бумаге. Он взял зеленый лист, пожелтевший и обесцвеченный временем, но все еще достаточно яркий, и сложил из него лебедя.

Это была последняя история, которую рассказывала МаМаЛу ему и Скай, последняя перед тем, как их жизни изменились.

Дамиану показалось, что он переместился в то время, но МаМаЛу больше не было и Скай больше не было. Никого не было. Кроме маленькой девочки, которая наблюдала за ним так, словно лебедь — это самая интересная вещь в мире, а потом вдруг опустила глаза на страницы книги и притворилась, что читает.

Дамиан протянул ей лебедя, но она проигнорировала его, удерживая взгляд на книге.

Тогда он положил его на подоконник, взял два заполненных мусорных мешка и спустился с ними вниз по лестнице, чтобы выбросить. Когда он вернулся, ее уже не было. И бумажного лебедя тоже.

Дамиан красил кухню, когда снова обнаружил девочку. По-видимому, она заглядывала каждый день в одно и то же время после школы. Она стояла на коленях возле пруда, кормя рыбу, которую он только выпустил в водоем. Половинка очищенного апельсина лежала у нее на коленях. Она надкусывала каждую дольку зубами и выворачивала ее наизнанку, отделяя немного мякоти для рыбы, а остальное съедала.

Для Дамиана это было одним из тех совершенных кадров из детства, когда мир заключался в апельсине и рыболовном пруде, окруженном солнечным светом и травой. Она была полностью сосредоточена на этом, свободна от прошлого и будущего, наслаждаясь моментами здесь и сейчас, моментами, за которые *можно* ухватиться и прожить, и испытывать. Это был урок, который Дамиану необходимо было усвоить. Он позволил прошлому омрачить его жизнь. Он не знал, что станет потом, но у него есть *сейчас*. А сейчас был замечательный, безоблачный день. Дамиан представил океан, тихий и бесконечный.

Несмотря на то, что его лодка была пришвартована в доке поблизости, он не выходил в океан с тех пор, как вышел из тюрьмы. Он был так занят восстановлением Каса Палома, что даже не имел времени, чтобы насладиться свободой, и что более важно, он не чувствовал себя свободным. Но теперь, наблюдая, как маленькая девочка доела апельсин и ополоснула руки в пруде, прежде чем уйти, Дамиан снова размышлял о ветре и море.

Он убрал краску, запер дом и провел день, заново знакомясь с давними друзьями — лодкой, голубым-голубым небом и пенистым океаном.

Дамиан сделал для малышки еще больше бумажных лебедей. Он оставлял их там, где точно знал, что она найдет их — прикрепленными к воротам, сидящими на крыльце, подвешенными веревками на дереве у окна Скай. Она никогда не разговаривала с ним, но всегда забирала лебедей и всегда уходила до темноты.

Дамиан заехал на один из открытых рынков, которые появились между Каса Палома и Паза-дель-Мар. Он захватил свежих фруктов и овощей, а также мяса. Он почти закончил с покупками, когда заметил банки с тунцом, сложенные на полке.

«*Я приготовила тебе кое-что*», — сказала Скай.

Ее севиче оказалось самой омерзительной штукой, которую он когда-либо пробовал, но те четыре слова, те четыре слова подорвали его строго охраняемый мир. Никто не любил его и не боролся за него, и не заставлял его чувствовать себя так, как удавалось Скай. Так, как она все еще делала.

Каждый день Дамиан был загружен настолько, чтобы не допускать и мысли о Скай. Ночи были другими. Ночью у него не было защиты. Он ложился в постель с голодом, таким глубоким и таким громадным, что чувствовал, как тот поглощает его. Ничто, даже коробка Lucky Strike под подушкой, не могло закрыть опустошающей дыры в его сердце. Идя по

дороге домой с рынка, Дамиан спрашивал себя, как Скай? Нашла ли она кого-то, кто более достоин ее, чем он, кого-то, кто приносил бы ей счастья больше, чем боли. Он намеренно не узнавал ничего о ней. Если бы он знал, где она живет, где работает, где делает покупки, он попытался бы ее найти, но Дамиан не знал, что сделал бы, если бы просто увидел ее снова, даже на расстоянии. Жизнь без нее была мучением, но мысль о том, чтобы увидеть ее с кем-то еще, неважно, насколько счастливой и состоявшейся, была невыносима.

Дамиан оставил четыре пакета с продуктами на кухне и пошел обратно к машине за остальными. Когда он достиг входной двери, маленькая девочка прошла мимо него внутрь, волоча остальные.

— Ты можешь сделать что-нибудь еще? — она плюхнулась на один из стульев и положила бумажного лебедя на столешницу.

— Тебе не нравятся лебеди? — он оставил одного длинношею несколько дней назад, подоткнув его камнем возле пруда.

— Почему ты делаешь только лебедей?

— Потому что моя мама рассказывала мне о волшебном лебеде, который скрывается где-то здесь. Я ни одного не нашел, но ты напомнила мне о нем.

— Я?

— Да. Ты заставляешь меня смеяться. Это некая сильная магия. И я думаю, ты превратишься в прекрасного лебедя.

— Ты назвал меня гадким утенком? — она спрыгнула со стула и стала напротив него.

— Нет. Я просто... — Дамиан прикрыл пах и инстинктивно отскочил назад. Ему не нравился метод этой маленькой девочки, которым она действовала против него, прыгая вокруг подобно крольчихе. — Ты знаешь, кто ты? Ты — большая хулиганка. Ты пинала меня, шпионила за мной, ты приходишь сюда и уходишь без моего разрешения, и теперь пытаешься запугать меня.

Они уставились друг на друга. Она уперла руки в боки, а он прикрыл свои яйца.

— Что значит «запугивать»? — спросила она.

— Пугать, внушать страх или грубо обращаться к кому-то.

Ее угрюмый взгляд смягчился. Ей, казалось, понравилась идея.

— А ты забавный, — произнесла она, ее лицо расплылось в улыбке.

— А у тебя есть ямочки, — Дамиан симулировал отвращение.

Она спокойно стояла и наблюдала, как он раскладывал продукты.

— Это место теперь хорошо выглядит, — сказала она. — Оно всегда было мрачным.

— Тебе нравится?

— Миленько.

Мгновение она рассматривала его.

— Как тебя зовут?

— У *бандидос* нет имен.

— Ты не *бандидо*, — хихикнула она. — *Бандидос* устраивают беспорядок. Ты сделал это место миленьким.

— Спасибо. И ты можешь приходить ко мне в любое время, если твои родители не против.

— Я могу позаботиться о себе.

— Наверняка, но я уверен, что твоя мама хотела бы знать, где ты. Она ждет тебя дома?

— Моя мама в Вальдеморо.

Дамиан почувствовал тянущую боль внизу живота. Само слово воскресало в памяти серые, залитые бетоном воспоминания. Он хотел было спросить о ее отце, но сам вырос без него, поэтому проявил больше такта.

— У тебя есть другие члены семьи?

Она пожала плечами.

— Кто заботится о тебе? — спросил Дамиан.

— Моя мама, конечно же, — она казалась удивленной вопросом.

Дамиан знал, что детям позволяли находиться в Вальдеморо с их матерями до определенного возраста. Он понятия не имел, что их отпускали на время занятий в школе.

— Когда выйдет твоя мама?

— Скоро.

Казалось, она по ходу забавлялась всем этим, зато это объясняло, почему она останавливалась в Каса Палома. Это была короткая передышка, прежде чем она отправлялась к жестокости Вальдеморо.

— Теперь мне нужно идти, — произнесла она, забрав со столешницы лебедя и засунув его в карман.

Дамиан смотрел, как она схватила свою школьную сумку из зеленого материала, которую оставила возле двери.

— Ты не сказала мне, как тебя зовут, — сказал он.

— Сьерра. Меня зовут Сьерра, — она развернулась и пошла в противоположном от ворот направлении.

Дамиан как раз закончил телефонный разговор с Рафаэлем, когда снова увидел Сьерру. Он едва не уронил ко всем чертям стеклянную панель, которую монтировал в кабинете.

— Что, черт возьми, с тобой стряслось?

— Вши, — ответила она.

Ее длинные, темные локоны были подстрижены под «ежик», и она выглядела так, будто усохла со вчерашнего вечера. По всей видимости, так и было, поскольку ее большие выразительные глаза теперь занимали все лицо, но Дамиан ощутил тяжесть глубоко в своем сердце. Вальдеморо не место для детей. Вши — это наименьший кошмар, с которым ей придется столкнуться. Если бы он был младше, когда они забрали МаМаЛу в тюрьму, он тоже мог бы стать таким ребенком. Он был бы как Сьерра.

— Эй, хочешь повеселиться сегодня?

Она бросила свою сумку на пол и подтянула стул, который уже стал ее местом.

— Как?

— Ты когда-нибудь была на лодке?

Глаза Сьерры вспыхнули.

Это было началом многих их приключений вдвоем на воде и на суше. Дамиан обучал Сьерру, как нацепить наживку на крюк удочки, как управлять лодкой, как предсказывать погоду. Она пыталась хитростью заставить его делать за нее задания по математике, пока он

не начал отвечать на каждый вопрос неправильно. С тех пор от домашних заданий его отлучили. Дамиан пытался научить ее, как делать бумажных лебедей, но для этого требовалась концентрация и дисциплина, а Сьерра то и дело сползала с перил и ловила божьих коровок или ела мороженое. Ее лебеди были неаккуратными и грязными и падали клювом вниз.

В те два часа, которые были у них после школы, Дамиан и Сьерра ругались, спорили и смеялись. Неделя пролетела, а затем вторая и третья. Понемногу Дамиан начал исцеляться. Его ночи все также были наполнены глубоким чувством тоски по Скай, но у него было что-то, что он предвкушал днем, когда вернется Сьерра. Когда приехал Рафаэль, он обратил внимание на некоторые изменения.

— Нифига себе. Это место выглядит потрясающе, — он прошелся по дому, от комнаты в комнату. — Но ты, — он похлопал Дамиана по спине, — ты выглядишь лучше.

Дамиан потерял бледность, которая появилась у него за годы заключения. Он поддерживал себя в форме в тюрьме, но теперь он обрел устойчивость, пустил корни. Каса Палома была домом, и Дамиан не только восстановил здание, он по-новому узнал счастье, по-новому обрел себя, по-новому смотрел на мир с помощью Сьерры.

— Итак, ты собираешься познакомить меня с этой маленькой девочкой? — спросил Рафаэль, убрав документы по работе, которые Дамиану необходимо было просмотреть.

— Не сегодня. Сегодня — *Dia de Los Muertos*.

День мертвых — мексиканский праздник, который празднуют на протяжении двух дней, *Dia de los Angelitos* посвященный душам умерших детей, и *Dia de Los Muertos* отмечают на следующий день, почитая память взрослым усопшим душам. День мертвых посвящен памяти близких людей, которые перешли в иной мир, и мы чествуем непрерывность жизни. Это был особенный для Дамиана день, поскольку он наконец-то получил новый надгробный камень для МаМаЛу, который на самом деле достоин ее памяти. Ему потребовались недели на изготовление его на заказ, и ему позвонили тем утром, что теперь он установлен.

— Ты все установил? — спросил Рафаэль.

— Я, — ответил Дамиан.

Они направились в Паза-дель-Мар, отметив новые строения по обе стороны дороги — скромные небольшие дома чередовались с шикарными особняками, отелями, магазинами и ресторанами. Тут все было разделено надвое — до Эль-Чарро и после Эль-Чарро. То, что когда-то было небольшим рыбацким поселком, который служил охраняемым постом для деловых сделок наркобарона, расцвело после его смерти.

Уровень преступности понизился и начался наплыв туристов, следом появились рабочие места, развилась торговая деятельность. Наличие иностранцев препятствовало попыткам картеля заново захватить Паза-дель-Мар.

Турист, попавший под перекрестный огонь, — плохие новости. Это обязательно привлекло бы внимание международной общественности, и *caros* предпочли оставаться незамеченными. Тень страха медленно отступила. Безжизненная деревенька превратилась в очаровательное, спокойное место для отпуска, ее жители никогда не узнают о двух мальчишках, которые сделали это реальностью, двух мальчишках, которые теперь, будучи мужчинами, припарковались перед кантиной «Камилла».

Рафаэль купил и переименовал «Ла Собра», кантину, в которой работали его родители, и превратил ее в излюбленное место для местных жителей. Он забегал туда каждый раз,

когда был в городе, проверяя управление, согласовывал меню и улаживал дела, что нуждались в его внимании. Она теперь была в два раза больше, окрашена в белый, голубой и желтый цвета, с высокими потолками и оббитым зеленою патио. В кухне было свежо и приятно пахло. По выходным все пульсировало в такт живой музыке. Аккордеоны и гитары в сопровождении с холодным *cervezas* (*Примеч.: мексиканское пиво*), в то время как на кухне подавали дымящиеся тако с кусками мяса, сыра и халапеньо, и жарящиеся на шампурах гребешки под соусом из тыквенных семечек.

«Камилла» была закрыта на День мертвых, но Рафаэль положил букет *sempasuchil* — пахучей ромашки — на то место, где умерли его родители. Дамиан вспомнил, как МаМаЛу разъясняла ему смысл праздника.

Она верила, что это время, когда усопшие возвращались к своим семьям и друзьям, когда живые и мертвые воссоединялись хотя бы на некоторое время. Ромашки, как предполагалось, указывали духам их близких дорогу с помощью яркого цвета и аромата.

Дамиан и Рафаэль стояли в тишине, в пустом ресторане, где когда-то Хуан Пабло с Камиллой танцевали под потрескивающие мелодии, звучавшие по радио, каждый почитал их память. Оказавшись на улице, они последовали за толпой людей, направляющихся на кладбище.

Улицы были украшены чередой бумажных черепов, разноцветными фонарями и пластмассовыми скелетами, что кружились на ветру. Рыбаки в канун праздника держали зажженные факелы на своих лодках, и они отражались на воде.

Статуя Архангела Михаила светилась под вечер, охраняя вход в церковь.

Позади нее, на кладбище рядом с могилами сидели семьи на одеялах для пикника и ели любимую еду их близких: множество фруктов, арахиса и индейку-моле (*Примеч. блюдо мексиканской кухни*), кипы тортильи и традиционного хлеба Дня мертвых под названием *pan de muerto*. Другие все еще отчищали могилы и устанавливали *ofrendas* — декоративные алтари, украшенные свечами, ладаном, календулами, сахарными черепами и ярко-красными цветами петушиных гребней. Игрушки, вода, горячее какао и леденцы были предоставлены для ангелочков, а шоты мескаля (*Примеч. алкогольный напиток из сброженного сока агавы*), текилы и сигареты предлагались для взрослых душ. Повсюду люди ели, пили, играли в карты или предавались воспоминаниям.

Дамиан стоял у подножия могилы МаМаЛу. Новый надгробный камень был простым, не чересчур простым или витиеватым, в точности такой, какой бы хотела она. Им овладело чувство умиротворенности, когда он прочитал надпись. Он убедился, что ее тюремный номер убрали. Она не была воровкой, потому не должна запомниться такой.

Дамиан так и не смог установить точный день, когда она умерла, но теперь дата ее смерти была заполнена. Он выбрал тот день, когда слышал ее пение в последний раз, в тени деревьев напротив Вальдеморо.

— Кто принес свечи и цветы? — спросил Рафаэль.

Мои Мами Лу была украшена разноцветными бумажными гирляндами и подсвечниками, мерцающими в стеклянных стаканах. По центру на клумбе из ярких ромашек был череп из папье-маше.

— Эй, Бандидо! — Дамиан почувствовал, как кто-то дернул его рукав.

— Сьерра! — он заулыбался и поднял ее на руки.

Она была одета в джинсы, черную толстовку с капюшоном и кеды с зеленой неоновой шнуровкой.

— Опустить меня, пожалуйста, — произнесла она, скорее официально, как будто он только что поставил ее в неловкое положение этим поступком.

— Не вопрос, — Дамиан послушался.

— Все-таки, девочку ты и в самом деле слушаешь, — сказал Рафаэль.

— Ты кто? — покосилась на него Сьерра.

Дамиан представил их, перед тем как повернуться к Сьерре.

— Что ты здесь делаешь?

— Я здесь с моей мамой, — она указала на кого-то в толпе.

— Я думал, что твоя мама в тюрьме. Она уже вышла?

Сьерра почесала голову.

— Ты говорила, что она в Вальдеморо.

— Она работает там,

— Так ты не живешь там... с ней?

— Живу в Вальдеморо? — хихикнула Сьерра.

— Но твои волосы. Вши. Я думал, ты нахваталась их в тюрьме.

— Это потому, что я иногда хожу туда вместе с ней. И иногда я забываю ее слушаться. Я разрешаю там одной из девочек заплетать мне волосы, а я заплетаю ей, и мы использовали одну и ту же расческу.

Дамиан совсем не представлял себе, насколько его неуместное предположение о Сьерре волновало его, пока не почувствовал, как тяжесть спала с его плеч. Маленькой бьющей по яйцам девчужке удалось пробраться в его сердце.

— У меня есть еще несколько могил, чтобы украсить, — она помахала двумя букетами, которые держала. — Для моих бабушки и дедушки. Хочешь помочь?

— Вы двое ступайте, — произнес Рафаэль. — Я подожду здесь.

Дамиан позволил Сьерре вести его через толпу, к могиле на другой стороне кладбища. Участок земли был больше и выделялся высокими мраморными плитами и гладким гранитом. Определенно не тюремный участок.

— Здесь, — сказала Сьерра. Она начала вытирать пыль с надписи на могиле и положила на нее букет. — Ты расставишь цветы и другие вещи.

— Да, босс, — ответил Дамиан, улыбнувшись, когда положил ромашки на могилу. Он потянулся за другим букетом и вытянул несколько свечей. И череп из папье-маше, примерно такой же, как он видел на могиле МаМаЛу.

— Должно быть, они много их продали, — сказал он, держа его.

— Это я сделала, — произнесла Сьерра, отступив от надгробия.

«Светлой памяти Адрианы Нины Седжвик», — гласило оно.

Дамиан уронил череп.

— Адриана... Седжвик.

Его голова кружилась так сильно, что он едва мог говорить.

— Она была мамой моей мамы. Мама моего отца похоронена на другой стороне. Я сделала для нее бумажный череп тоже. А это мой дедушка, — Сьерра перешла к соседней могиле. Это была новее и не нуждалась в такой тщательной отчистке.

Дамиан ничего не видел кроме имени, высеченного на камне — «Уоррен Хендерсон Седжвик».

— Я не знала их, но мама говорила, что дедушка Уоррен очень любил бабушку Адриану, — Сьерра все тараторила, не обращая внимания на то, что ее слова ударили в

Дамиана, подобно большому разрушительному астероиду, выбрасывая его с орбиты, отправляя в головокружительный и полностью сбивающий с толку безграничный хаос.

— Когда он умер, — продолжила она, — он хотел быть похоронен возле нее. Моя мама и дедушка жили в Сан-Диего. Тот, что в Штатах. Но когда мама приехала, чтобы похоронить дедушку, то осталась тут. Она говорит, это потому, что она здесь выросла, но я думаю это потому, что трое из моих прародителей были похоронены здесь. Я не знаю другого моего дедушку. И не знаю моего папу. Его зовут Дамиан. Он в тюрьме. *Настоящей* тюрьме. Не работает там, как моя ма...

— Сьерра! Я везде ищу тебя. Я говорила тебе встретить меня возл... — запнулась Скай. Она держала свечи, по одной в каждой руке. Они потухли при ее резком выдохе.

Они стояли, парализованные, Дамиан на коленях возле клумбы из ромашек и Скай между надгробьями ее родителей, держась за них, когда их дочь представила их друг другу.

— Мама, это мой новый друг. Я навещаю его иногда после школы... — сказала она, но ни Дамиан, ни Скай не слушали.

Рядом с ними семьи собирались вокруг могил близких людей, а тут стояли они, потерянные друг для друга, но сплоченные МаМаЛу, Уорреном и Адрианой. На мгновение ему показалось, будто бы мертвые и в самом деле воссоединились с миром живых, будто все они собрались в одном и том же месте, в одно и то же время, и все их недостатки, выбор и ошибки не делали их менее безупречными. Не имело значения, почему Уоррен сделал то, что он сделал, почему Дамиан сделал то, что сделал, почему Скай скрывала Сьерру от Дамиана.

По большому счету, мы делаем все возможное, все мы, и в дальнейшем придумываем наши истории, мы пишем их и распоряжаемся ими, представляем их миру. Иногда мы удивляемся историям других людей, а иногда — нет, но всегда за одной историей следует еще одна история, образуя цепочку, в которой мы можем видеть только малую часть, поскольку это здесь, когда мы рождаемся и она продолжается после того, как мы умираем. И кто может постигнуть это за одну жизнь?

Скай и Дамиан с трудом могли справляться с тем одним моментом. Все было слишком запутано, в них было слишком много мыслей и эмоций, разоблачений и преград. Слишком много лет. Слишком много пространства.

Все растянулось, затрещало по швам, и затем сжалось, теряя вид, теряя форму до того момента, повисшего между ними, как мыльный пузырь, готовый лопнуть при малейшем движении.

— Куда положишь остальные? — Ник Тернер подошел к Скай и опустил на землю сумки, которые держал.

Дамиан вернулся в реальность. Он потерял так много, а затем приобрел столь много — Сьерра, Скай в пределах его досягаемости, так близко к нему, только для того, чтобы потерять это все снова. Может быть, у Скай и был от него ребенок, но она вернулась к Нику. А почему бы и нет? Однажды она уже встречалась с ним. Он был известен, успешен и стабилен. Безусловно, ее отец одобрял его. Он был адвокатом обвинения, поэтому точно знал, что она пережила. Он сопровождал ее на похоронах Уоррена? Подставил ли он плечо, на котором она плакала, когда Дамиан отверг ее в тюрьме? Сколько тогда было Сьерре? Несколько месяцев? Они были вместе все время? Из-за этого Скай работала в тюрьме? Как его партнер помогала ему с его судебными делами?

Ник удочерил Сьерру?

Каждый вопрос все глубже и глубже вонзался в Дамиана. Дамиан рос без отца, и его убивала мысль, что его дочь тоже будет расти без него. Очевидно, что Сьерра знала о нем больше, чем он о ней. Что Скай рассказала ей о нем, кроме того, что он был в тюрьме? Она когда-либо хотела увидеться с ним? Интересовалась, почему никогда не получала от него известий? Что бы она сказала, если бы узнала правду сейчас? Стыдилась бы его?

Испугалась бы? Отпрянула бы от него?

Нику потребовалось несколько секунд, чтобы осознать, на кого уставилась Скай и почему она неподвижна.

Когда его взгляд упал на Дамиана, он перевел его со Скай к Сьерре и снова на Дамиана. Его замешательство было очевидно. Он не знал, как контролировать ситуацию со Скай или Дамианом. Сьерра раскладывала бумажные гирлянды на могиле Уоррена, не замечая напряженности вокруг нее.

Дамиан видел потухшие свечи в руках Скай, сумки с украшениями возле ног Ника, ошарашенные взгляды на их лицах. Он был аутсайдером, темной лошадкой, тем, кто нарушил равновесие их идеального вечера. Ему позволили выйти из тюрьмы на несколько месяцев раньше, но он желал быть все еще за решеткой, так он мог бы заглушить боль. Быть в неведении адски мучительно, но это, это было совершенно другим уровнем мучения.

Дамиан поднялся, стряхнул ромашки, прилипшие к джинсам, и нырнул в людскую толпу. Он был благодарен за анонимность, за безликое море тел вокруг него. Он представил себе, каково это — быть мертвым среди живых.

— Увези меня отсюда, — произнес он, когда нашел Рафаэля. — Увези меня как можно дальше.

ЧАСТЬ 5

СКАЙ

Глава 32

Я парила между сном и бодрствованием, наполовину погрузившись в дикие, сумасшедшие мечты, в которых Сьерра, Дамиан и я были зелеными игуанами, загорающими на солнце на пустынном острове. Я была игуаной с обрубленным хвостом, но это было неважно, мне было тепло и уютно. Мы ели шарики мороженого, и Сьерра жевала семена, вместо того чтобы выбрасывать их.

Хрусь, хрусь, хрусь.

— Прекрати, — пробормотала я, звук собственного голоса заставил меня проснуться.

Все началось с тех пор, как я увидела Дамиана на кладбище две недели назад. Бессонные ночи, изнурительное метание по постели, пока мои простыни не оказывались смятой кучей в ногах. Встреча с Дамианом на поминальном обряде пробудила крошечные вспышки воспоминаний и бросила меня в дрожь. Узнав, что Каса Палома купил он, и что Сьерра проводила с ним время, я была в шоке. Я чувствовала себя глупой и одураченной, ведь я думала, что Сьерра идет со школы прямо домой, как я ей и говорила. Тот факт, Дамиан не появлялся со Дня поминовения, заставлял меня нервничать. Внешне казалось, что у меня все нормально, но внутри я была полностью разбита.

Хрусь, хрусь, хрусь.

Опять это. Этот чертов звук. Точно как...

Я подскочила на месте и включила прикроватную лампу.

Дамиан сидел в кресле в метре от моей кровати и наблюдал за мной. Он не сдвинулся с места, когда зажегся свет, лишь продолжал закидывать в рот арахис. Невозможно было игнорировать то, как он доминировал над пространством, как заполнял его своим присутствием, вызывая учащенное сердцебиение всплывающими картинками из моего прошлого. Он был одет во все черное. Казалось, он сидел там все время, все восемь лет, он был в моей голове и в трещинках моего сердца. Я видела его каждый день в своей дочери, в лице, в белых в форме полумесяца ногтях, и наконец, в ее волосах, которые завивались, когда она закручивала их на палец. Я слышала его в ее сонном голосе, упорно сражающимся со сном, что было ей свойственно, и чувствовала его в теплоте ее объятий.

Но частички его были ничем по сравнению с самим Дамианом — полноценным, реальным и властным. В его взгляде — тысячи солнечных лучей, слившихся в один, и они обжигали меня, хотя что-то другое затаилось в уголках его угольно-черных глаз. Напрягшись, я прикрыла свою грудь, будто бы ткань могла защитить меня от этого взгляда. Я знала, что этот день когда-нибудь наступит, и так боялась его. Была одна единственная вещь, в которой я точно была уверена — это то, что Дамиан никогда, *никогда* не прощает. Он не простил

моего отца за то, что тот отнял у него мать. Что он сделает мне за то, что я скрыла от него его дочь?

— Почему ты не рассказала мне? — он отложил бумажный кулек с арахисом, который держал в руке, так спокойно и аккуратно, что у меня мурашки по коже забегали. Впервые я заметила папку на его коленях. Он открыл ее, пробежал глазами по первой странице и швырнул листок в меня. Тот покружил в воздухе и приземлился возле меня.

Дамиан не дал мне и шанса поднять его. Он швырнул другой лист в меня, затем еще один и еще, пока они свободно не запорхали, как перышки, вокруг меня. Я схватила один из них и стала читать. С логотипом частного детектива в верхней части это было похоже на отчет — мой адрес, финансовые отчеты, семейное положение. Я подняла другой. Это была копия свидетельства о рождении Сьерры. В следующем — краткое досье о моей работе, моем расписании, моей работе в Вальдеморо. Где я была, что делала, где я жила, выписки по кредитной карте, подписки на журналы — все, что имело отношение к последним восьми годам, было выложено передо мной на черно-белых страницах формата А4.

Дамиан вывалил всю папку. Когда это было сделано и последний лист подлетел к кровати, мой страх сменился чем-то другим — чувством гнева за то, что он смог осмелиться собрать все, что случилось со мной с момента пребывания на острове в одной блестящей, глянцевой папке и швырнуть все это мне в лицо.

— Хочешь знать, почему я не рассказала тебе о Сьерре? — спросила я. — Потому что дело в тебе, Дамиан.

Я скомкала бумаги в кулаках.

— Ты изучаешь, планируешь, составляешь план возмездия. У меня была с собой фотография Сьерры, когда я приходила увидеться с тобой в тюрьме. Я хотела, чтобы ты знал, что у нас есть дочь. Мой отец умер. Я думала, что тебе больше не с кем бороться, но я была не права. Я была не права, Дамиан, потому что ты все еще боролся. Ты всегда борешься! Ты загнал моего отца в могилу, но я все равно пришла, чтобы дать тебе дочь. Но для нас больше не было будущего, потому что ты остался прежним. Все также боролся со своими демонами. И если ты думаешь, что все знаешь обо мне из этого отчета, то у меня для тебя есть новость. Ты и понятия не имеешь, Дамиан.

Я не знала, что беременна, пока не пришла на повторный прием по поводу плеча, и врач спросил меня о моей последней менструации. Я подумала, что мой цикл сбился из-за стресса или что я пропускала прием противозачаточных, но анализ крови подтвердил беременность. Это было горько-сладкое открытие, учитывая, что отец и дедушка ребенка, Дамиан и Уоррен, были втянуты в непрекращающуюся битву, которая закончилась судом.

Куда бы я ни шла, фотографы тыкали свои камеры мне в лицо. Как бы они исказили историю, если бы знали что у меня ребенок от Дамиана, и я влюбилась в своего похитителя?

Что скажет мой отец? Он был уверен, что у меня психологический и эмоциональный срыв. Пытается принудить меня сделать аборт? Или, договорится, чтобы психиатр

объявил меня невменяемой? Заставит меня отказаться от ребенка? Как бы реагировал на новость Дамиан? Ему грозила тюрьма. Надолго ли, я не знала, но я знала, что эта новость только забьет еще один гвоздь в гроб. Я сохранила беременность для себя, и, несмотря на то, что было тяжело, новая жизнь, появившаяся из хаоса, была подобно свету в окошке, который вывел меня из темноты. Я высидела долгие судебные заседания с Ником и моим отцом, обнимая свой маленький секрет, в то время как они обсуждали обвинения и юридические стратегии. Я ждала завершения суда, пока беременности не было заметно, поэтому я соблюдала все формальности. Этому да, этому нет, этому да.

Я выдержала до конца. Было уже четыре месяца беременности, когда огласили приговор. Я знала, что у меня осталась частичка Дамиана, и неважно, что подумают другие. Решат, что это неправильно, извращенно или безумно — пусть. Но я чувствовала, что именно так и должно быть. Когда мой отец понял, что я беременна, он не мог скрыть своего разочарования. Он был уверен, что Дамиан использовал меня, чтобы отомстить ему, что сделать меня беременной было частью его плана, так сказать, окончательная месть. Если нас обманывают, мы начинаем верить, что все в мире против нас. Приходится стараться, чтобы заставить вещи вписаться в наши вымышленные предположения. Как упорно мы верим эмоциям — хорошим, плохим, злым. Мой отец верил в то, во что хотел. Дамиан верил в то, во что хотел. Я могла позволить себе разорваться между ними двумя, либо признать, что я никогда не смогу изменить их точку зрения на вещи.

Временами я ставила под сомнение свое собственное душевное равновесие. Я была права? Я была наивной и доверчивой? Дамиан играл со мной все время? Он не мог заставить себя убить меня, поэтому он сделал лучшее, из возможного?

Вбил клин между моим отцом и человеком, который так много для него значил — между моим папой и мной. Он действительно планировал отправить меня обратно, даже с ребенком во мне, так что мой отец должен был бы жить с этим до конца жизни?

— Тебя использовали, — сказал мой отец.

Я вспоминала, что у нас было, о том, как он смотрел на меня, как он касался меня, и решила, что отец не прав. Нет. Абсолютное, честное, твердое нет. Я не могу думать ни о чем более прекрасном, более жизнеутверждающем, чем губы Дамиана на моих, о его и моем теле, соединенными в одно.

И теперь у меня была частичка его, частичка МаМаЛу для того, чтобы заботиться, и это именно то, что я делала. Дамиан причинил мне боль, мой отец причинил мне боль, но я любила их обоих. Без сомнения они чувствовали, что я тоже подвела их, но я не желала быть яблоком раздора между ними, когда у меня внутри новая жизнь, о которой нужно думать.

Когда кто-то начал сбивать цену на акции Седжвика, продавая значимые пакеты по более низкой цене, и обесценил компанию, я не подумала о Дамиане. Инвесторы испугались и начали спешно продавать свои акции, обеспокоенные падением цен. У моего отца не заняло много времени, чтобы выйти на след Дамиана, но Рафаэль проделал такую хорошую работу, скрыв документацию, что не было существенных доказательств против них.

В тот момент я не знала, что это был ответ Дамиана на то, что сделал мой отец. Мой отец принял то, что у меня будет ребенок от Дамиана, но он никогда не собирался принять Дамиана в моей жизни, с ребенком или без, поэтому он отправил ему сообщение в тюрьму, сообщение, которое спровоцировало Дамиана на ответный удар. В итоге длительная вражда посадила за решетку одного, и свела в могилу другого.

Сьерре было несколько месяцев, когда мой отец ушел из жизни.

— У нее глаза твоей матери, — сказал он мне однажды утром.

Он неотлучно сидел около Сьерры первые несколько недель, но в тот день склонился над кроватью и впервые посмотрел на нее.

— Да. Большие карие глаза Адрианы.

Спустя некоторое время, когда думал, что я не смотрю, он взял ее на руки и подарил ей три поцелуя. Наши отношения были натянуты, но он со Сьерры пылинки сдувал. В конце концов, для него это оказалось невозможным — имея ее, держать злобу на меня. Она была единственной, кто заставлял его улыбаться, когда все вокруг рушилось. Я была благодарна судьбе, что он умер в своем доме, не потеряв достоинства, прежде чем мы потеряли особняк.

С его смертью я стала действительно сиротой. Я ощущала себя подобно розетке с тремя отверстиями в пустой стене: моя мать, мой отец и МаМаЛу. Люди подключают тебя к сети и, когда они уходят, вы остаетесь в одиночестве. Вы должны перезагрузить себя, должны переделать свою электропроводку, чтобы поднимать себя с кровати по утрам. Мало того, что я потеряла отца, я потеряла и крышу над головой, в то время когда я нуждалась в ней больше всего, ведь у меня была малышка, о которой нужно было заботиться.

Активы моего отца давно закончились, отобранные один за другим в качестве платы в счет долга. Я собрала всю свою дизайнерскую одежду, обувь, сумки и сдала их в комиссионный магазин. С красивыми вещами всегда тяжело расставаться, но после продажи вещей, моих украшений и часов у меня было достаточно денег, чтобы сводить концы с концами, пока я не придумаю, что делать дальше. Но сначала мне нужно было похоронить отца.

Ник оказал помощь таким способом, что я даже представить себе не могла, что он такой. Много изменилось после того, как он узнал, что я беременна. Ребенок не был для него в приоритете, особенно учитывая, что он был не от него. Он отступил и прекратил добиваться меня, но когда у моего отца случился удар, он объявился в больнице. Он пытался не тарачиться на мой круглый живот и опухшие лодыжки. Он помог мне продать имущество отца после его смерти и поехал со мной и Сьеррой в Паза-дель-Мар на похороны.

Я сломалась, когда стояла возле могил родителей, сжимая Сьерру в руках. Земля вокруг могилы моего отца была еще свежа, в отличие от могил моей матери и МаМаЛу. Я не знала, что тюремные заключенные были похоронены на том же кладбище, и, увидев имя МаМаЛу, высеченное на камне, впервые осознала, что она умерла. Я желала, чтобы Дамиан был там, тогда я могла бы одолжить его силы; тогда я могла бы опереться на него; тогда он бы держал нашу дочь у могилы его матери. Но это не случилось.

Как мы дожили до этого? Как испоганили нечто такое прекрасное и чистое?

Я чувствовала себя подобно кораблю в бурю: потерянной и незакрепленной. Не было матери, не было отца, не было МаМаЛу и не было Дамиана. Но у меня была Сьерра, и я держалась за ее крошечное тельце, будто это был спасательный трос.

Я посетила Вальдеморо, прежде чем вернуться в Сан-Диего. Я хотела увидеть место которое забрало МаМаЛу, и отдать дань уважения женщине, которая заняла место моей матери. Я взяла достаточно для «обеда», чтобы заработать экскурсию.

За жуткой колючей проволокой и холодными серыми стенами безжалостные охранники проверили мою сумку, прежде чем впустили внутрь. Звук моих шагов эхом отзывался в темном тоннеле, который вел к главной территории, когда я следовала за Даниэлой — надзирателем, которая показывала мне все вокруг. Центральная зона была цельнобетонной, но это было не страшно — ведь я ожидала увидеть чуть ли не концлагерь. Трудно было сказать, кто был заключенным, а кто посетителем, поскольку люди не носили униформу. Небольшие киоски были установлены по кругу внутренней части периметра, в них продавали еду и другие основные продукты. Матери в прогулочном дворике носили деток на своих бедрах. Дети резвились в коридорах, гоняясь друг за другом. Там был импровизированный детский сад с разноцветными стенами, крутым лабиринтом, детская горка и гимнастическая стенка «джунгли». (Примеч. Имеются в виду каркасные конструкции для лазания, шведская стенка). Грубые на вид женщины глазели на меня с любопытством, настороженностью или тем и другим вместе, а затем возвращались к подпрыгивавшим малышам на их коленях, вязанию или шитью.

Даниэла сказала мне, что больше половины этих женщин до сих пор еще не видели судью.

— Тюрьма поощряет предпринимательскую деятельность. Некоторые находящиеся в тюрьме зарабатывают деньги, управляя киосками. Другие шьют футбольные мячи и одежду. Они делают ювелирные украшения, гамаки, рамы для картин, — Даниэла указала на группу женщин, сидящих в круге, работающих над различными проектами.

— Что происходит с этими изделиями? — я подняла кожаную сумку ручной работы и рассмотрела ее. Она была идентична той, которой я любовалась на рынке в день, когда Дамиан и я отправились за покупками.

— Иногда их семьи забирают и продают на местном рынке. Более талантливые заключенные принимают заказы на свои изделия от продавцов снаружи.

— Сколько примерно стоит вот эта? — спросила я, держа сумку. Кожа была крепкой, но мягкой. У сумки были скошенные углы со вставками и плетеные ручки.

Даниэла озвучила сумму, это было недорого.

Я положила сумку и огляделась вокруг, наблюдая, как одна из женщин развернула воловью кожу.

Она разрезала кусок по эскизу с помощью узорного трафарета и начала окрашивать наружные кромки маленькой щеточкой. Другая женщина доводила до блеска изделия, натирая их мягкой хлопковой тканью и усиливая блеск.

Это был поточный метод работы, каждая женщина работала над своей задачей и передавала изделие дальше к следующему этапу. Готовое изделие бросали в кучу к остальным, в тень.

Я брала в руки одну сумку за другой и у меня в голове начала формироваться идея. У меня был диплом по специальности изобразительное искусство и хороший вкус на дизайнерские сумки, обувь и одежду. Я знала людей, которые заплатили бы огромные деньги за изделия, которые эти женщины делали вручную. Если соединить обе из этих своих сторон, я помогла бы этим женщинам и, вероятно, обеспечила их средствами, чтобы

не идти против закона, когда они выйдут. Большинство заключенных были в тюрьме, потому что нуждались в денежных средствах, чтобы прокормить себя. Потому они и совершали преступления.

— Кто снабжает их сырьевым материалом?

Даниэла пожала плечами.

— Иногда заключенные собирают деньги сами, покупая себе материалы, и разделяют прибыль. Но это рискованно. Никто никому не доверяет, когда дело касается денег. Иногда продавец спонсирует их и платит им небольшую долю с продаж, когда товары будут проданы.

— И женщины готовы ждать?

Даниэла рассмеялась.

— Им больше ничего не остается.

Той ночью я уложила спать Сьерру и стала думать над возможностью добыть средства для жизни, помогая заключенным в Вальдеморо. Я вспоминала их работу — выкройку и вышивание, склеивание и полировку.

Чуть изящества и руководства, и я уверена, что в местных условиях они могли бы производить высококачественные изделия.

Следующим утром я начала искать жилье. На деньги, что у меня были, можно было протянуть в Паза-дель-Мар дольше, чем в Сан-Диего. Но это было не единственной причиной, по которой я хотела остаться. Мои корни здесь. Я чувствовала это, когда прогуливалась босиком по пляжу со Сьеррой. Ветер играл в моих волосах, наполнял их ароматом соли и морских водорослей. Мои ноги проваливались в песок, и я чувствовала, как таю от мягких волн.

Дом. Возвращайся домой. Возвращайся домой, говорили они.

Ник пытался отговорить меня, но увидев, что я непреклонна, сел в самолет и пожелал нам со Сьеррой всего хорошего. Был момент паники, когда я наблюдала, как взлетел самолет.

Все было таким знакомым в Сан-Диего. Я знала, куда пойти, чем заняться, как говорить, чего ожидать. Дамиан был там. В тюрьме, но там.

Я почувствовала боль глубоко в душе, хотела вернуть время вспять, чтобы мы были единственными людьми на небольшой частичке земли, окруженные большим-большим океаном. В тот момент, когда самолеты взлетали с взлетно-посадочной полосы, один за другим, я была потрясена своим одиночеством. Тогда я почувствовала вокруг себя присутствие моей мамы и папы, и МаМаЛу. Неуловимое чувство безопасности и защищенности, поддержки и принадлежности охватило меня, и я точно знала, где мне суждено быть.

Это был небольшой малоэтажный квартирный дом с балконом, который выходил на открытый рынок. Это был новый микрорайон между Паза-дель-Мар и Каса Палома. Автобус который отвозил меня в Вальдеморо, останавливался через дорогу. Пляж и школа Сьерры

были в нескольких минутах ходьбы. Воздух на протяжении всего дня был заполнен непрерывным дорожным шумом и гулом рынка.

Ночью, когда все уходило, можно было слышать шум океана. Иногда я закрывала глаза и представляла, будто лежу под тонкой москитной сеткой в небольшом коттедже в лесу.

Но сегодня все притворства отошли в сторону. Меня окружали разбросанные бумаги. Не было никакой возможности избежать реальности, в которой был Дамиан, здесь, в моей комнате, в моем кресле. Не было смысла спрашивать, как он вошел. Он научился таким трюкам в Каборасе или в тюрьме. Меня настораживало не то, что он ворвался в мой дом или нанял частного детектива, чтобы отследить восемь лет моей жизни. Меня настораживало то, что Сьерра спала в соседней комнате, и я понятия не имела, какие намерения были у Дамиана теперь, когда он узнал о ней.

— Ты должна была сказать мне, — он поднялся и подошел к кровати. Воздух сгустился вокруг него, как защитное поле с едва сдерживаемой энергией.

— Чего ты хочешь? — я сжалась у спинки кровати. Находиться в комнате одной с Дамианом, сосредоточенным на своей цели, было безрассудно и опасно. — Ник...

— Ник в Сан-Диего. Счастливо женат. Он был здесь, чтобы помочь тебе собрать пожертвование для женщин в Вальдеморо. Или мне нужно показать тебе *его* досье?

Черт. Вот вам и попыталась выпроводить человека. Я видела взгляд, которым смотрел Дамиан на Ника. Его сжигала ревность, подобно красному копыю, готовая выбить глаза любому мужчине, прежде чем он отпустит все и уйдет.

— Ты держись молодцом, учитывая обстоятельства, — Дамиан присел на край моей кровати и рассматривал меня, его взгляд упал на бретельку, которая соскользнула с моего плеча. — Принцесса, живущая среди крестьян.

— Я сделала то, что было необходимо. Не благодаря тебе.

— Я не знал, — он передвинул бретельку обратно на место и позволил своим пальцам задержаться на маленьком шраме от пули.

Потребовались все силы, чтобы не закрыть глаза. Восемь лет. Восемь долгих, одиноких лет. Я встречалась кое с кем некоторое время. Хотела влюбиться в кого-то другого, но ничто и близко не походило на то, что делали со мной прикосновения Дамиана. Если вы однажды полюбите мужчину вроде Дамиана, если вас однажды заклеят и выжгут клеймо этой собственности, то вас никогда не затронут прохладные поцелуи другого мужчины.

— Я предполагал, что твой отец создал трастовый фонд для тебя.

— Он создал. Но я использовала его, чтобы покрыть медицинские расходы в конце, — я не прекращала всматриваться в его лицо. Челюсть стала более твердой. Все было четче сформировано — его брови, нос, рот — как будто они наконец-то нашли свое место. Если он склонится чуть больше, я почувствую его дыхание на своей шее.

— У тебя и Сьерры ничего не было? — он отпустил лямку и приподнял мой подбородок, вынуждая посмотреть в его темные полуночные глаза. Они искрились чем-то резким и неудержимым.

— Мы справились, — я оттолкнула его руку.

— Ты должна была сказать мне.

— Почему? — мое самообладание рухнуло. — Ты бы мог отступить и все исправить? Ты никогда не сможешь это исправить, Дамиан. Ты никогда не вернешь то, что сделал. Может, я перевернула эту страницу твоей книги. Может, я хочу наказать тебя за то, что ты уничтожил моего отца. Ты когда-нибудь думал об этом? Мечь порождает мечь...

Он прервал мою тираду на середине предложения, одной рукой схватив за талию и прижимая меня к себе.

Дамиан обрушился на мой рот, вторгаясь в мои открытые губы, скользя языком внутрь. Это не было нежным, сказочным поцелуем. Это было яростное, ревущее пламя, которое потрескивало и искрилось в моих венах. Как поцелуй, который объединяет изголодавшиеся души вместе. Это был Дамиан — дикий и непредсказуемый, как летний шторм. Пальцами он запутался в моих волосах, дернув мою голову назад, держа ее неподвижной. Не было никакой возможности вырваться, дать задний ход. Он не отпускал, пока мое тело не обмякло в его руках, пока мое сопротивление не ослабло.

— Ты врешь, — сказал он, разрывая поцелуй. — Это не месть я чувствую на твоём языке. Это — страх. Ты боишься меня, Скай.

— Ты осуждаешь меня? — выплюнула я. — Ты стрелял в меня. Ты собирался убить моего отца. Я не могла остановить тебя. Тобой движут мотивы, с которыми я не могу справиться. Твой гнев взял верх над любовью, надеждой, и верой. Если ты вернулся, чтобы начать с того места, где мы остановились, то мне жаль разочаровывать тебя. Я слишком тяжело работала, чтобы построить жизнь для нас со Сьеррой. Я никому не позволю встать на пути. Я не свяжу будущее с мужчиной, который не может отпустить прошлое. Я не нуждаюсь в тебе, Дамиан. Я ни в ком не нуждаюсь.

— Лгунья, — он не отводил взгляда от моего лица. — Давай попробуем снова. В этот раз без всякой лжи.

Дамиан навис надо мной, но я отказалась сокращать дистанцию. Он рассмеялся. Один молниеносный рывок вперед, и его губы были на моих снова, на этот раз нежнее, но я почувствовала его сдержанность. Он был как прекрасный арабский жеребец, абсолютная власть и сила, сдерживающая себя. Его пальцы дрожали, когда он медленно гладил мои руки, вверх и вниз. Все его тело тряслось от желания, и это сказало мне о том, что он не был с женщиной целую вечность. Моя необузданная реакция застала меня врасплох. Даже в воспоминаниях, я могла почувствовать силу его поцелуев, вновь переживая их, уступая дикому порыву желания, которое захлестывало меня при одной только мысли о нем. Все это было мне знакомо, и я воскрешала это снова и снова в своих мечтах: его язык на той самой сокровенной точке, движущееся надо мной мускулистое тело, удовольствие от того, что он наблюдает, как я кончаю, его собственные движения, становящиеся резкими при приближении к финалу.

И вот он здесь, касается каждого выключателя в сети эротических воспоминаний. Теперь они включены все до единого. Он — центр моего удовольствия. Все внутри запульсировало из-за него.

— Дамиан, — простонала я, когда он отшвырнул в сторону мою ночную рубашку и с мучительным желанием обладать впился в мою грудь.

Зажав губами тугой, темный сосок, Дамиан застонал. Мое тело изогнулось дугой, приводя его в безумство. Он обернул мои ноги вокруг своих бедер, позволяя мне почувствовать мощь его возбужденной длины, горячую и тяжелую через слои одежды между нами. Мне хотелось соединиться с ним — быстрее, ближе. Я начала расстегивать ширинку на его штанах, а он прижался губами к выемке на моем горле. Мы были горячей кожей и приглушенными вздохами, лишённые смысла, логики и последствий.

Он убрал прочь мои руки, слишком раздраженный моей возней, и начал расстегивать свои штаны, его глаза все время были обращены на меня. Я знала, что еще немного — и я

просто сойду из-за него с ума.

— Мама?

Мы отскочили друг от друга так быстро, как только могли. Сьерра стояла в дверном проеме, потирая сонные глаза. Я не была уверена, что она увидела, но она уставилась на Дамиана, будто видела призрака.

Он держал подушку на коленях, пытаясь восстановить дыхание. Еще бы одна секунда, и Сьерра поймала бы нас в компрометирующей ситуации. Я поправила свою рубашку и позвала ее.

— Все хорошо, милая?

— Я думала, что ты уехал, — обратилась она к Дамиану.

— Я был за городом, но теперь вернулся. И я никуда не уйду.

Это был первый их разговор с тех пор, как Дамиан узнал, что она его дочь. Каждое слово, что он произнес, было наполнено глубоким смыслом.

— Ты скучала по мне? — он улыбнулся.

— Почему ты целовал мою маму?

— Ты... увидела это. Да. Ну... — он украдкой посмотрел в мою сторону.

Я никогда не видела растерянного Дамиана, но сейчас он растерялся. Я могла бы дать ему возможность выкручиваться самому, но вступилась:

— Это твой отец, Сьерра, — сказала я. Я планировала аккуратно подвести ее к этому после встречи с Дамианом на кладбище, но затем он исчез. Теперь, когда она поймала его в моей постели, я не хотела тянуть резину еще больше, чем было необходимо. — Я не знала, что он вышел из тюрьмы, пока не увидела его на Дне поминовения, — продолжила я. — До тех пор он тоже не знал, что ты его дочь. Мне так жаль, Сьерра. Я хотела тебе рассказать, но хотела сделать это вместе с твоим отцом, как положено. Мне жаль, что ты узнала все вот так.

Дамиан и Сьерра рассматривали друг друга, он — оценивая ее реакцию, а она — рассматривая его в новом свете. Мое сердце колотилось в ушах, молчание затянулось. Я думала об этом моменте постоянно, размышляла о них двоих — впервые лицом к лицу, отец и дочь — и неважно, какой сценарий проигрывался в моей голове, он мне не нравился.

— Ты, по-настоящему, *бандидо*, — сказала Сьерра Дамиану.

— Да, по-настоящему, — кивнул он. — Вот почему я был в тюрьме.

— Могу я спросить его теперь? — она посмотрела на меня.

Я кивнула, поскольку не могла говорить — мое горло словно зажалось в тиски. Я рассказала ей правду о ее отце, всю правду, кроме того, почему он был в тюрьме. Это была его часть рассказа.

Она заслуживала начать все с чистого листа, и он заслуживал шанса объяснить ей это собственными словами. Возможно, с моей стороны это было увеливанием, возможно, это было несправедливо — держать ее в неведении, но это было все, на что я была готова пойти. Она ввязывалась в драки в школе, потому что дети дразнили ее отцом, которого она не знала, но вскоре она научилась не поддаваться на дразнилки, и если поддразнивания становились серьезными, Сьерра давала сдачу. Она была свободолюбивой и сильной, но она была просто маленькой девочкой. Она стояла перед отцом, ее волосы только начали отрастать после стрижки «ежик», и сердце мое щемило от этого зрелища.

— Что ты сделал? — спросила она.

На мгновение Дамиан уставился на свои руки.

— Плохие вещи, — ответил он. — Я причинил боль твоей маме. Видишь это? — он взял меня за мизинец и показал его Сьерре. — Я сделал это. Я был зол, потому что кое-кто причинил боль моей маме. Я думал, расквитавшись, смогу почувствовать себя лучше. Какое-то время так и было, но потом стало только больнее.

— Мама сказала, что это был несчастный случай, — взгляд Сьерры был направлен на наши руки. Дамиан все еще держался за меня, как будто нуждался во мне, чтобы пройти через это.

— Отчасти так и было. Я собирался сделать нечто намного ужаснее, — он пытался сохранить свой голос ровным, но я могла ощутить его агонию, ведь ему приходилось подбирать слова здесь и сейчас, чтобы объяснить все свои поступки маленькой Сьерре.

Сейчас не было никаких адвокатов и судей, только отец и дочь, знакомившиеся друг с другом. Теперь была только настоящая жизнь, настоящие поступки и их последствия, растянувшиеся на целые годы. Дамиан отбыл свой срок, но это было *то*, что действительно имело значение.

— Я не всегда был хорошим человеком, Сьерра, — сказал он. — Я не знаю, смогу ли когда-нибудь стать тем отцом, которым ты бы гордилась, но я надеюсь, ты позволишь мне попытаться. Потому что ты заставляешь меня хотеть перестать быть *бандидо*, и, возможно, однажды... возможно, однажды я стану героем, которого ты и твоя мама заслуживаете.

Глаза Сьерры переместились с Дамиана ко мне. Я знала, что она пытается переварить все, что узнала.

Она подошла к кровати и коснулась пальцем моего обрубленного мизинца. На секунду мы трое сосредоточились на точке, где наши руки соприкасались. Большая шероховатая ладонь Дамиана укачивала наши ладони, как в колыбели.

Что-то во мне треснуло — как будто трещина появилась там, где долгое время был лишь лед и снег.

— Идем, — сказала я Сьерре. — Позволь мне уложить тебя обратно в кровать.

Она остановилась в двери и обернулась посмотреть на Дамиана.

— Если она целовала тебя, это значит, что ты ей нравишься.

— Сьерра! — я потащила ее в свою комнату.

— Могу поспорить, болело очень сильно, — сказала она, когда я скользнула вместе с ней в кровать. Мне нужно было собраться с мыслями, прежде чем я снова столкнусь с Дамианом.

— Что?

— Это, — она сплела свой идеальный маленький мизинчик с моим поврежденным и закинула свою ногу на мою.

Сьерра была ползуньей. Она спала, захватывая все пространство, какое только могла.

— Спой мне, — произнесла она, прижавшись ближе.

Я понятия не имела, что творилось у нее в голове. Она успокоилась, встретившись наконец-то со своим отцом? Встревожилась от того, что он сделал? Какова бы ни была ее реакция, сон сморил ее слишком быстро.

Дети имеют удивительную способность переваривать, приспособливаться и принимать вещи, просто приняв их. Когда я запела колыбельную МаМаЛу, хватка ее ослабла, и дыхание стало медленным и спокойным.

Я вдохнула ее запах и закрыла глаза, поглаживая волосы. Она была моим умиротворением среди хаоса, маленькой частичкой чистоты, не тронутой беспорядком

моего прошлого. Я не знала, как присутствие Дамиана повлияет на наши жизни, но понимала, что многое изменится. Она была у меня семь лет и все, что я хотела сделать, это держаться за этот момент так долго, сколько смогу. Ее щека прижималась к моей, ногой она обвила мою ногу, чтобы я не ушла.

В комнате скрипнула половица. Я открыла глаза и застыла. Дамиан стоял в дверях.

Выражение его лица отражало такую муку, было так наполнено вожделением, что слова колыбельной, что я пела, покинули меня. Это не было настоящей похотью, с которой он напал на меня ранее. Это было намного глубже, как если бы все его счастье состояло в том, что он видел перед собой — Сьерра, спящая рядом со мной, пока он стоит и смотрит на нас.

Много лет назад это были я, он и МаМаЛу, свернувшиеся на постели рядом друг с другом.

У меня не было слов, и у него тоже. Он пытался произнести что-то, но горло сдавило, и он развернулся на пятках и исчез. Минуту спустя, я услышала мягкий щелчок двери, когда он вышел из дома.

Ворота в Каса Палома были открыты. Все выглядело совсем иначе, чем в прошлый раз, но у меня не было времени любоваться переменами. Я двинулась к парадной двери, удивившись, когда поняла, что она тоже не заперта.

Дамиан был в кабинете, корпел над какими-то бумагами, когда я вломилась к нему.

— Как это понимать? — я помахала перед ним выпиской со своего банковского счета.

— И тебе доброе утро, — не глядя произнес он.

Видеть его в месте, которое я всегда ассоциировала с моим отцом, было странно. Конечно, мой отец не проводил здесь все время, но когда он был тут, я лучше всех знала, что его тревожить не стоит.

Дамиан не казался возмущенным вторжением. Он позволил мне несколько секунд потомиться в ожидании, прежде чем обратить на меня свое внимание.

— Это для Сьерры, — сказал он.

Я почти пожелала, чтобы он вернулся обратно к бумагам, ведь он смотрел на меня так, будто не спал всю ночь, думая обо мне, и о том, что почти случилось накануне вечером.

— И ты не подумал обсудить со мной, прежде чем пополнить счет?

Несомненно, у него была информация обо мне, включая номер моего банковского счета. Я дважды поморгала, когда увидела свой баланс, но кассир уверила меня, что это не ошибка.

Кто-то внес небольшое состояние на мой счет. Деньги за наказание. Дамиан видел, где я жила. Он видел, что я сделала, сколько платила женщинам в Вальдеморо и как я старалась изо всех сил сводить концы с концами. Меня взбесило, что он подумал, будто я не справлюсь сама. Мы со Сьеррой не жили в роскоши, но как он смеет заставлять меня чувствовать, будто я не дала ей ту жизнь, которую она заслуживает?

— Она моя дочь, Скай. Дочь, которую ты скрывала от меня. Мне надо наверстать кучу лет. Тебе стоит ждать взнос каждый месяц, так что смирись с этим.

— Все это время я заботилась о Сьерре без твоей помощи. Если ты думаешь, что используя Сьерру, подберешься ко мне, ты...

— Мне не нужно использовать Сьерру. Я сам без проблем подобрался к тебе.

Мы оба знали, что он говорил о моем лихорадочном отклике на его поцелуй.

— Прошлая ночь ничего не изменила, — сказала я.

— Прошлая ночь изменила все.

Наши глаза встретились, серые против черных.

— Прекрасно, — сказала я. — Открой собственный счет. Посмотрим, прикоснусь ли я хоть к одному центу.

Дамиан поднялся и обошел стол с моей стороны.

— Это очень просто. Ты хочешь, чтобы взносы прекратились. Я хочу тебя и Сьерру, — сказал он. — Выходи за меня, Скай.

— Выйти за тебя? — я моргнула. Это было последнее, что я ожидала. Предложению полагается быть эпическим, грандиозным моментом, от которого у вас подкашиваются ноги, а не договоренность, будто это какая-то деловая сделка. — Ты с ума сошел.

— Я? — он схватил одной рукой мою хрупкую спину и притянул к себе. — Скажи мне,

что ты не скучала по мне. Скажи мне, что не ложились ночью спать, думая, как нам хорошо было вместе. Потому что прямо в этот момент все, что я хочу сделать, это прижать тебя к стене и взять так жестко, чтобы я не смог ощутить, где заканчиваюсь я, и где начинаешься ты. Мне больно из-за того, через что тебе пришлось пройти, Скай, и я не остановлюсь, пока ты не станешь моей. Поэтому мы можем снять деньги или можем прекратить тратить впустую еще больше времени. Так или иначе, мы покончим с этим прямо здесь. Я собираюсь трахнуть тебя.

— Так вот в чем дело? Ты хочешь трахнуть? Давай, сделай это, Дамиан. Давай, сделай это прямо здесь, на столе моего отца. Тебя заводит это, не так ли? Взять его дочь на его же столе. Все остальное у тебя уже есть — его компания, его дом, его жизнь, поэтому, почему бы еще и не его дочь? Он умер, Дамиан, но ты все еще пытаешься доказать свое господство.

— Дело не в этом, — зарычал Дамиан. — Ты и я никогда не были просто сделкой, так что оставь это.

Он сжал мои запястья, как если бы пытался заставить меня замолчать.

— В самом деле? Просто забыть? Ты не смог забыть это с МаМаЛу, но ожидаешь от меня, что я просто двинусь дальше, если это касается моего отца?

— Я отпустил это, — он говорил медленно, подчеркивая каждое слово с четким самообладанием. — Я отпустил тебя. Обрато к твоему отцу. Я оставил тебя в супермаркете, но ты нашла меня. Это то, о чем ты забыла в своем заявлении. Я догадался, что они поработали над тобой, и ты позволила им принудить тебя. Ты выбрала сторону, Скай, и это, безусловно, была не моя сторона.

— Я защищала тебя.

— Ты даже не взглянула на меня в суде.

— Потому что я была беременна! Потому что ты можешь читать меня, как открытую книгу.

Его хватка на моих запястьях ослабла, и он притянул меня к себе.

— Совершенно верно. Поэтому я знаю, что ты все еще хочешь меня. Я могу сказать это по тому, как меняется твое дыхание. Как выгибается твой позвоночник. Все в тебе взывает ко мне, Скай. Так почему же мы боремся?

— Только потому, что у нас был крышесносный секс, не значит, что я хочу провести с тобой оставшуюся часть своей жизни.

— Мне нужно напомнить тебе? Ты говорила, что всегда, всегда будешь любить меня.

— Говорила. Я всегда буду. Но этого недостаточно.

— Крышесносный секс и любовь? Это чертовски хорошее начало для моей истории, — он склонился и произнес мне это на ухо, посылая ледяную дрожь по моей коже. — И я даже промолчу, что у нас дочь. Скажи «да», Скай. Скажи мне, что выйдешь за меня замуж.

— Я не доверяю тебе, Дамиан. И это проблема. Прошло то время, когда я готова была следовать за тобой на край света. Я боролась за тебя, но знаешь, за что боролся ты? Возмездие. Расплата. Месть. Даже когда был в тюрьме, ты не смог перебороть это. Ты погубил не только компанию моего отца, Дамиан. Ты разрушил жизни всех тех людей, которые там работали, которые рассчитывали на нее, чтобы существовать. Они были реальными людьми с реальными жизнями — дети, мечты, ипотечные кредиты. Некоторым из них оставались всего недели до пенсии. Некоторые полагались на медицинскую страховку. Ты когда-нибудь думал об этом? Это хотя бы раз не давало тебе заснуть по ночам? Или тобой по-прежнему правят твои собственные потребности и твоя собственная

боль? Открой глаза, Дамиан. Там огромный мир и он не весь твой. Я наконец-то взяла в руки свою жизнь, а ты вломился, ожидая, что я перестрою ее, потому что так угодно тебе? Знаешь, что? Этого не произойдет. Ты хочешь видеться со Сьеррой? Прекрасно. Я не стану на твоём пути. Но прекрати пытаться штурмом войти в мою жизнь. Эту привилегию ты должен заслужить.

Дамиан устался на меня. Животная страсть уступила место чему-то ещё. Уважению. Он отступил и дал мне пространство.

Я была почти за дверью, когда услышала, что он сказал:

— Это не конец, ты знаешь это. Никогда не будет, — произнес он. — Неважно, сказала ты «да» или «нет», ты в любом случае моя, навечно.

Если что-то и выдает непрофессионализм в рукоделии, так это кривые швы. Швы, ручной работы — это то, что сделало мой бренд отличающимся от товаров массового производства, поэтому я часто проводила семинары по этому ремеслу. Любой мог присутствовать, включая заключённых, которые на меня не работали. Я надеялась, что изучение нового ремесла поможет им, когда они выйдут. Также принимали участие в семинарах и заключённые, отбывающие пожизненный срок. Это разбавляло ежедневную рутину тюремной жизни, и в итоге большинство из них присоединялись к производственной группе. Они использовали деньги, покупая разные вещицы, которые делали их жизнь более сносной. Некоторые из работниц были жестокими, закалёнными женщинами, подверженными приступам гнева. Я была этим обеспокоена, когда только начинала, и у меня была куча панических атак. Были времена, когда я хотела все бросить и бежать обратно в Сан-Диего.

Теперь охрана приветствовала меня, а женщины бережно относились ко мне. Я показывала им, как делать накиды, когда подняла голову и потеряла ход мыслей. Дамиан стоял в центре закрытой территории, изучая стены. Он был единственным твердо стоящим на ногах существом среди всей суматохи.

Люди толпились вокруг, но они предоставили ему свободное пространство, расчистив место. Его глаза были открыты, но он был потерян для всех и всего. Я осознала, что это был первый его визит в Вальдеморо с ночи, когда он узнал о смерти МаМаЛу. Он стоял тогда на том же месте?

Там мой Эстебан умер?

Я спросила себя, когда мое сердце прекратит болеть за него, когда мое тело прекратит реагировать на него, когда моя душа прекратит оживать рядом с ним. Почему мы влюбляемся в людей, которые не хороши для нас? Почему, когда мы были там, друг с другом, нам казалось, что все не так плохо? Я собиралась отвернуться, когда он сдвинулся и уставился прямо на меня. Он всегда мог заморозить меня одним взглядом, но в этот раз он сделал нечто иное.

Он улыбнулся. Ещё минуту назад он словно застыл в прошлом, а сейчас, казалось, будто ему на лицо упал луч солнца.

Черт. Когда Дамиан бросает одну из своих редких улыбок в вашу сторону, требуется время, чтобы опомниться.

Я подбирала слов, пытаюсь вспомнить, о чем говорила. Не помогло, он двинулся вперед, остановившись в дальнем конце, и наблюдал до конца семинара за тем, как я общалась с женщинами.

— Что ты здесь делаешь? — спросила я, когда он закончился.

— Осматриваюсь. Смотрю на огромный мир вокруг меня, — он поднял лоскут сыромятной кожи, которыми был завален пол, их я берегла для небольших вещей, таких как брелоки для ключей и кошельки.

— Я отвезу тебя домой, — сказал он, пока я связывала в узел весь материал.

— Сама справлюсь, — я одновременно несла четыре больших сумки, по две на каждом бедре, когда мы вышли наружу.

Он не настаивал, когда я пошла в сторону автобусной остановки. Обычно я пропускала два-три автобуса, прежде чем подъезжал тот, который не был переполнен пассажирами, опасно перекосившись на бок.

— Сьерра заходила сегодня после школы, — он стоял сбоку возле меня, рядом с дорогой, заслоняя меня от пыли, поднимаемой проезжающими мимо машинами.

— Хорошо, — я не хотела, чтобы какие-либо сомнения между мной и Дамианом затронули ее. — Как она?

— Дерзкая. Она сказала, что была рада, ударив меня по яйцам, когда впервые меня увидела. Я заслужил это, поскольку у ее мамы только девять накрашенных ногтей, вместо десяти.

— Она дала тебе по яйцам? — моя губа дернулась при мысли об этом.

— Проклятье, едва ли не выбила мои причиндалы. Сегодня она еще мне угрожала. Сказала, что будет намного хуже, если я сделаю хоть что-то, что причинит тебе боль снова.

— Обычный разговор отца и дочери, да?

— Она говорила. Я слушал. Затем я приготовил ей кое-что поесть и отправил домой.

Я подумала о последнем разе, когда Дамиан готовил для меня.

Плантано на горячих камнях под чернильным небом.

Когда были только мы — два человека во всем мире.

— Мой автобус приехал.

Он бросил на него один взгляд и поморщился. Я понимала, что он хотел бы закинуть меня на плечо и бросить в свой автомобиль. Вместо этого он одарил меня холодным кивком и проследил, как я поднимаюсь на платформу. Затем он ехал за автобусом вплоть до моей остановки, прежде чем уехать в Каса Палома.

На следующий день Дамиан снова приехал в Вальдеморо. Он не разговаривал, не бродил поблизости от киоска, где я работала, он нарисовался, когда я была готова уйти, и присоединился ко мне по дороге к автобусной остановке.

— Что ты делаешь? — я понятия не имела, какую игру он затеял, но это было неловко.

— Ловлю попутку.

Аrrrr. Он невозможен.

— Я помог Сьерре с домашним заданием, — сказал он. — У нее завтра тест по математике.

Я почувствовала внезапную ревность. Они сближались. Каждый день после школы. Я должна совершать обход по графику в тюрьме, что подразумевает поздний приход домой. Когда Сьерра начала ходить в школу, я наняла няню, чтобы та забирала и присматривала за ней, пока меня нет. Это не продлилось долго. Сьерра — личность упрямая и решительно самостоятельная.

В точности как ее отец. Я почувствовала на собственном опыте раздражение МаМаЛу.

— *Эстебандидо!* — *вопила она.*

Когда мы зашли в приехавший автобус, Дамиан искоса посмотрел на молодого парня, и тот встал и уступил мне место.

Я положила сумки на колени, когда втиснулась между матерью, возившейся с волосами своего ребенка, и мужчиной с порножурналом.

Мы сделали шесть стильных сумок из темно-красной кожи с бежевыми ремешками, на которую я ставила свой стандартный логотип «УАМ!», созданный в память об Уоррене, Адриане и МаМаЛу. Леди возле меня оставила расческу торчать в волосах дочери, чтобы восхищенно пробежаться своими руками по сумкам ручной работы. Дамиан покачивался передо мной, держась за верхние брусья, пока мы ехали в Паза-дель-Мар.

Большинство пассажиров вышли на главной площади. Когда мы оставили витрины, кафе и стенды продавцов позади, Дамиан сел напротив меня.

— Что? — спросила я.

— Ничего, — ответил он. — Просто сидя здесь размышляю, как много ты достигла, и как я ошеломлен тем, насколько сильно я тебя люблю.

Он, смутившись, уставился в окно, и весь мой мир перевернулся под гудение автобуса. Я осмотрела себя и увидела тусклую, жалкую версию человека, которым была раньше. Я не делала педикюр годами.

Пальцы на ногах выглядывали из пары сандалий (моя разработка) на низком каблуке, которые не произвели фурора. Ремни были слишком громоздкими, но подошвы были мягкими и прочными, поэтому я решила сохранить их. Мои густые до талии волосы были заплетены в небрежную косу, и на мне была легкая многоярусная юбка с топом. Я была далека от той модницы, которую он похитил. Хотела бы я видеть себя его глазами. Впрочем, Дамиан никогда не смотрел на меня глазами. Он смотрел на меня душой.

Я ничего не произнесла, когда он вышел со мной из автобуса. Он забрал у меня сумки и отнес их вверх по лестнице в мой кондоминиум.

— Хочешь... войти? — спросила я, когда он повернулся, собираясь уйти. Я не хотела чтобы он уходил, хотя часть разума скандировала: не впускай его, не впускай его, не впускай его.

— Когда ты действительно этого захочешь, *güerita*, — он ушел, прежде чем я смогла сказать хоть что-то.

— Это был Бандидо? — спросила Сьерра, когда я открыла дверь.

— Да. И ты должна перестать звать его так.

— Бандидо, — повторила она.

— Бан-Пап-о, — она обдумывала слово, когда склонилась над своими книгами.

— Папа, — она забросила то, чем занималась, и уставилась в пространство. Затем подняла ручку и кивнула.

— Папа, — произнесла она мягко, снова пробуя на вкус слово.

В тот день мой мир во второй раз перевернулся.

Была ли я неправа, исключив Дамиана из своей жизни? Помешала ли нам стать одной большой счастливой семьей? У меня не было ответов. Все, что я знала, так это то, что его любовь разрушила меня. Я не смогу собрать себя во второй раз, если позволю ему сломать меня снова.

Ужин в Каса Палома всегда подавали во внутреннем дворике. Я не помню времени, когда мама была жива, но традиции, которые она создала, соблюдались после ее смерти еще долго.

Моя мать всегда предпочитала ужинать под открытым небом. Я помнила последний наш ужин с отцом, в окружении ароматных деревьев и мягких мерцающих огней.

Было странно вернуться сюда теперь в качестве гостя, увидеть дом моего детства после всех этих лет. В прошлый раз, когда я приходила увидеться с Дамианом, я не остановилась чтобы полюбоваться его красотой — высокие потолки, которые эхом отражали наш смех, кухня, на которой МаМаЛу готовила для нас батат с флаутас (*Примеч. блюдо мексиканской кухни*). Реставрация оживила особняк, но стены остались те же. Проходя по дому, я почувствовала ностальгию по прошлому. Никакая краска или шпифовка не могли убрать запах Каса Палома. Он остался в моей душе.

— Дамиан? — я просунула голову в дверь столовой. Там теперь стоял гладкий стол из темного дерева, но буфет, в котором раньше скрывался Дамиан, по-прежнему стоял на месте.

— Сьерра? — я последовала на улицу на звук ее смеха и нашла их растянувшимися под деревом: отец и дочь смотрели на облака.

— Это похоже на хвост кролика, — сказал Дамиан.

— Где кролик? — Сьерра прищурилась. — О. Там. Его всосал этот дементор. (*Примеч. Дементор — персонаж из фильма «Гарри Поттер»*). Видишь, ухо торчит?

— Для столь милой девочки ты слишком мрачная...

— Мама! — Сьерра заметила меня первой. — Давай, садись.

Это было в субботу после обеда, у меня был выходной. Чтобы я на этой неделе смогла проследить за поставками, Дамиан предложил присмотреть за Сьеррой. Большая часть моей продукции отправлялась в элитные бутики в Штатах, но после небольшой рекламы в модном журнале я начала получать заказы со всего мира. Я вздохнула, растянувшись около Сьерры. Я приняла приглашение Дамиана поужинать в Каса Палома, хотя была вымотана, и все еще не выполнила все заказы. Я посмотрела на гладкие, зеленые листья, раскачивающиеся надо мной. Желтые цветы еще не скоро расцветут, но ветерок был теплым, и трава щекотала мою кожу.

Я, должно быть, задремала, потому что следующее, что я увидела, как Дамиан стоит надо мной.

— Ужин готов, — произнес он, протянув мне руку.

Его силуэт выделялся на фоне вечернего неба. Тот же силуэт, который я увидела через щели деревянного ящика на лодке, где он держал меня пленницей. Он все еще пугал меня, но по-другому.

Он заставлял меня чувствовать то, что я не хотела чувствовать, и каждый раз, когда я находилась рядом с ним, мои чувства бились в клетке, грозясь высвободиться.

«Я делаю это ради Сьерры», — напомнила я себе и приняла его руку. Она заслуживает родителей, которые могут вести себя прилично рядом друг с другом.

Я пошла за Дамианом внутрь и застыла.

— Скай, — Рафаэль слегка кивнул головой.

Мужчина, который однажды готов был убить меня. Впрочем, то же самое можно сказать и про Дамиана.

— Прошу прощения за мой визит без приглашения. Я подумал сделать сюрприз Дамиану. Я и подумать не мог, что ты и Сьерра будете здесь, — сказал он.

— Я сказал Рафаэлю, что он может остаться на ужин, — Дамиан не спрашивал. Его дом — его правила. Три человека, о которых он заботился, были под одной крышей.

Смирись с этим и будь паинькой.

Потребовалось немного времени, чтобы оттаять к Рафаэлю. Я поняла, что это никогда не было личным. Он просто заботился о своем друге.

Мы ели во внутреннем дворике. Обычная еда: паста с мясным фаршем и *cotija*, зернистый сыр, который так любит Сьерра. Я улыбнулась — она слопала все за секунду. Мои кулинарные способности со временем не намного улучшились. Она никогда не жаловалась, но, несомненно, предпочитала стряпню Дамиана.

— На самом деле, я заглянул, чтобы отдать тебе это, — Рафаэль вручил Дамиану конверт цвета металлик с рельефно напечатанными инициалами.

— Ты женишься? — произнес Дамиан, когда прочел карточку внутри. — Нифига себе!

Они обнялись и сердечно похлопали друг друга по спине.

— Вы все приглашены, — сказал Рафаэль, посмотрев на меня и Сьерру.

— Церемония будет проходить в церкви Архангела Сан-Мигеля, а прием в «Камилле», — он собирался уточнить, когда зазвонил его телефон. — Простите, — извинился он. — Мне нужно ответить.

По улыбке на его лице, было очевидно, что звонила его будущая жена.

— Ну, и когда я с ней встречусь? — спросил Дамиан, когда Рафаэль вернулся.

— Она приедет завтра. Мы остановились в отеле Паза-дель-Мар. Я приехал раньше чтобы подготовить тебя.

— Ты наконец-то решился?

— Определенно, — Рафаэль отложил телефон и поднял свой бокал. — За старых друзей, — сказал он.

— За старых друзей.

Мы подняли тост.

«Мое сердце и твое сердце — старые, старые друзья», — сказали мне глаза Дамиана.

Я была рада, когда он встал и момент прошел. Сьерра уговорила Рафаэля поиграть с ней в видео игры, пока мы с Дамианом убирались.

— Не знаю, подходящая ли это игра, чтобы играть в нее с Рафаэлем, — произнес Дамиан.

— Она, кажется, прекрасно с ней справляется.

— Я не о ней беспокоюсь.

Наши глаза встретились, когда Рафаэль вздрогнул, сидя на диване. Сьерра воспользовалась своим преимуществом от его реакции на звук стрельбы.

— Порождение сатаны, — произнес Рафаэль.

Сьерра захихикала.

Губы Дамиана подергивались, и я была вынуждена отвести взгляд, чтобы не засмеяться.

Мы нашли Сьерру в моей старой комнате после ухода Рафаэля. Она свернулась калачиком на кровати, обняв подушку, и спала. Дамиан уселся в изножье кровати, не спуская с нее глаз.

— Я никогда не видел, как она спит.

Это было сказано больше самому себе, чем мне, но от этого мое сердце сжалось. Он пропустил все те моменты, которые я считала само собой разумеющимися.

— Она наполовину похожа на МаМаЛу, наполовину на Адриану, — сказал он.

У Сьерры не было ни единой моей черты — ни светлых волос, ни серых глаз. Когда мы гуляли по улице, и ее темная рука была в моей, люди считали меня ее няней. В ней была аристократическая харизма моей матери и приземленность МаМаЛу, глаза Адрианы, улыбка МаМаЛу.

— Давай не будем ее будить, — сказала я. — Возможно, будет лучше, если она проспит до завтра, — я не хотела лишать Дамиана удовольствия наблюдать, как его дочь спит.

— Если закрыть глаза, складывается впечатление, будто ничего не изменилось, — сказал он, его голос был настолько тихим, что я еле разобрала слова. — Маленькая девочка в этой комнате, и она украла мое сердце. Во второй раз.

Я была рада, что он смотрит на Сьерру. Было ошеломляюще вернуться с ним назад в мою комнату, но его присутствие напомнило мне о многом. Вспоминать, как он обожал меня, когда мы были детьми, было слишком.

Дамиан снял со Сьерры носки, осторожно чтобы не разбудить ее. Поцеловал нежно ее ступни, прежде чем накрыть ее одеялом.

— Спасибо, — сказал он. — Что позволила ей остаться.

Я кивнула — не могла говорить, потому что чертовски тяжело было оставлять ее здесь. Я не смогла вспомнить ни единой ночи без нее.

— Почему бы тебе не остаться?

Он так хорошо мог меня прочесть. Слишком хорошо. Но ни в коем случае я не приму его приглашение. Это было бы равноценно тому, как если бы ступить в пещеру льва.

— Ты можешь спать с ней. Это ее первая ночь здесь. Она, вероятно, проснется дезориентированной.

Я дрогнула. Я смертельно устала. Мне хотелось только доползти до кровати, и у него есть место для меня. Сьерра не привыкла просыпаться в другом месте.

Дамиан не ждал ответа.

— Запасная зубная щетка и полотенца в ванной комнате. Тебе нужно что-нибудь еще?

Да. Мне нужно не ошибиться снова, мне нужно найти возможность быть с тобой так, чтобы мы не расставались друг с другом на ночь.

— Спокойной ночи, Дамиан.

— Спокойной ночи, Скай, — ответил он и закрыл за собой дверь.

Я вздохнула и рухнула возле Сьерры.

Комната больше не напоминала девчачью. Розовый и кремовый декор были заменены ярким, ультрамодным цветом на фоне нежного, нейтрального. На одной стене висела разрисованная классная доска и была нарисована сетка для игры в крестики и нолики.

Дамиан Х и Сьерра 0. Вмонтированные полки были те же, но Дамиан покрасил их свежей краской. Мои глаза задержались на бумажных лебедях, которые выстроились в ряд на них, неуклюжие изделия Сьерры, и я осознала, как за такой короткий промежуток времени сблизилась Дамиан и Сьерра. Комната выглядела так, будто Сьерра приложила свою руку. Она была наполнена ее индивидуальностью.

Я поднялась и уже собиралась снять брюки, как случайно выглянула в окно. Дамиан шел вниз по дорожке, которая вела в дом для персонала. Вот он скрылся за деревьями. Через некоторое время включился свет в одной из комнат. Комната МаМаЛу. Пока я чистила зубы, меня мучило любопытство, что же он там делал. Вернувшись в комнату, я заметила, что свет все еще включен. Я размышляла мгновение, прежде чем надеть обувь. Я хотела увидеть комнату МаМаЛу. Она никогда не разрешала мне сопровождать ее туда, настойчиво утверждая, что не подобает мне опиваться возле ее *жилища*. Что ж, сегодня вечером у меня наконец-то появился шанс увидеть ее комнату. Дверь была открыта, когда я добралась туда.

— Дамиан? — позвала я и заглянула внутрь. Его там не было, поэтому я вошла.

Комната была маленькой и скудно меблирована. Лампочка была ввинчена в потолок. Кровать застелена, но подушка прислонена к изголовью, и одежда Дамиана разбросана на ней. Я дотянулась до жестянки *Lucky Strike*, что стояла на краю потрепанного туалетного столика. Он хранил нее, это была его последняя физическая связь с МаМаЛу.

Теперь я знала, почему она не хотела, чтобы я приходила. Я и представить не могла их двоих, живущих в этом маленьком, ограниченном пространстве, в то время как в Каса Палома пустовали комнаты. Я тогда не понимала разницы, но Дамиан понимал. Он вкусил другую сторону богатства и власти. По этой причине ему не разрешалось присутствовать на моих вечеринках в честь дня рождения, вот почему у меня были частные уроки, пока он прятался в тайнике. Я бы возненавидела жить в тени нашего большого особняка, наблюдая за едой, которую ели другие, за блестящими автомобилями, на которых они ездили, за вечеринками с музыкой и ярким светом. Я бы возненавидела свою мать, которая вдали от меня присматривала за кем-то еще, но Дамиан был выше этого. Он рос, привязавшись ко мне. Он никогда не жаловался и не сравнивал, только принимал и продолжал принимать, пока все это у него не отняли.

Стоя в комнате, которую он делил с МаМаЛу, я ощутила себя в его шкуре. Я представила, как их отрывают друг от друга посреди ночи, в последний раз, когда он видел ее. *Видел* ли он ее?

Или было слишком темно? В тот миг его вера в мир была потеряна, та вера, с которой рождается каждый ребенок.

Сдерживая рыдания, я повернулась, чтобы уйти, в то время когда Дамиан вошел в комнату.

Он вытирал лицо полотенцем и замер на месте, когда увидел меня.

— Что случилось? — спросил он. Мне следовало послушать МаМаЛу. Мне никогда не следовало приходить. — Скай.

То как он говорил, черт, почти разрушило меня. Может, Дамиан и был весь такой холодный снаружи, но внутри него кипели эмоции. Он никогда ничего не делал наполовину. Когда он ненавидел, он ненавидел каждой клеточкой своего тела, и когда он любил ... Господи, когда он любил, он произносил мое имя так, будто весь мир был заключен в нем.

— Что ты здесь делаешь? — спросила я.

— Я сплю здесь.

— Ты спишь... *здесь*? — я огляделась вокруг. Это объясняет его одежду на кровати и почему на нем только пара боксеров. Тепло, исходившее от его кожи, было подобно грелке в небольшом помещении.

— С чего бы ты спал?.. — я остановилась. Вдруг до меня дошло, почему Дамиан воздерживался от роскоши Каса Палома, предпочитая крыло для персонала. Он думал, что не является его частью. Он думал, что недостаточно хорош.

Возможно, он купил ее и восстановил, но предпочитал быть здесь, где он последний раз чувствовал себя любимым, где вина за то, что он сделал, не съедала его. Каса Палома была моей. Дамиан пытался восстановить все вещи, которые он думал, что забрал у меня.

Неважно, скажешь ты «да» или «нет», ты всегда будешь моя, навечно.

На глаза навернулись слезы. Я устала на свои ноги, пытаюсь остановить нахлынувшие эмоции, образовавшие комок в моем горле, слова, которые забылись, поскольку их было так много, и все они рвались на волю.

— Идем, — я протянула руку. — Домой.

Только двум словам удалось вырваться. Я не могла больше с этим бороться. Любовь Дамиана, возможно, уничтожит меня, но не его любовь убивала меня.

Я не ждала ответа. Я взяла его руку, выключила свет и повела в особняк.

— Подожди, — сказал он возле двери. — Я не...

— Я люблю тебя Дамиан. Всегда тебя. Только тебя. Вот место, которому ты принадлежишь. Со мной и Сьеррой.

— Но ты сказала...

— Я знаю. Я сказала много всего. Тебе, себе. Затем я вспомнила, что ты сказал. «Любовь не умирает». Это правда, Дамиан. Я никогда не переставала любить тебя, с того времени, когда была маленькой девочкой в той комнате. Когда я следовала за своим сердцем, оно всегда приводило меня обратно к тебе.

С минуту Дамиан просто смотрел на меня. У него было то, что он всегда хотел, но он столкнулся с неожиданным препятствием. С собой. Заслуживал ли он искупления? Любви? Прощения?

Это было что-то, что мог решить только он сам.

Он прислонился лбом к моему лбу и закрыл глаза.

— Я так устал, *güerita*. Устал притворяться, что могу двигаться дальше без тебя, когда это разбивает мне сердце. Скажи мне, что это оно. Скажи мне, что это навсегда.

— Ты, я и Сьерра.

Я сказала ему то, что он хотел услышать, я целовала его, тихо нашептывая обещание. Каждый мускул в его теле расслабился, как если бы он наконец-то отпустил некое тяжкое бремя.

— Я хочу запомнить это, — сказал он, взяв меня на руки. — Если я умру сегодня, умирая, я хочу помнить, как это — держать весь мир в своих руках.

Поднявшись по лестнице, мы пошли в хозяйскую комнату. Когда Дамиан закрыл дверь, мои ноги начали дрожать. Я никогда не знала чего ожидать с ним. Он играл моим телом как маэстро, иногда в безжалостном ритме — с первого удара, играя рапсодию страсти.

— Сними свои штаны и ложись на кровать, — сказал он.

Я сделала, что он мне сказал, дрожа от нервов и ожидания. У меня никого не было восемь лет. Мое тело изменилось после рождения Сьерры. Я сняла свой бюстгальтер, но оставила топ.

Кровать прогнулась, когда он скользнул возле меня. Одной рукой обняв меня за плечи, убаюкивая меня на груди. Его кожа была теплой и гладкой под моей щекой. Боже, я скучала по его запаху, его прикосновению, по ритму его сердца.

— Спи, — он поцеловал меня в макушку, поглаживая мои волосы, как будто они были сделаны из чистого золота.

Я, должно быть, издала удивленный звук, поскольку он хмыкнул. Я ожидала феерического воссоединения.

— Просто мне так хорошо.

В прошлый раз, когда мы были вместе, когда Сьерра нас прервала, он выглядел как разъяренный бык, выбравшейся из клетки, и хотя я чувствовала его явное возбуждение, также почувствовала кое-что еще. Дамиан был удовлетворен. Впервые никто не преследовал нас, никто нас не разъединял. Мы смогли найти дорогу назад друг к другу. Мы наконец-то были свободны. Это был настоящий Дамиан, желающий насладиться чем-то, что превосходило похоть, желание и плотские утехы. Это было чувство принадлежности, которое размывает грани между двумя людьми, когда ваши ноги и пальцы сплетаются вместе, и это настолько естественно, настолько неосознанно, что вы даже не осознаете случившегося. Когда я думаю о Боге, я думаю обо всех этих волшебных, необъяснимых вещах, умноженных на бесконечность.

— Было тяжело? Рождение Сьерры? — Дамиан все еще гладил мои волосы.

— Да, — я не собиралась врать. — Но это больше касалось моего сердца, чем тела.

Некоторое время мы лежали тихо, зная, что сделали бы все это снова, ради маленького чуда которое спало в соседней комнате.

— Ты назвала ее в честь гор из колыбельной МаМаЛу.

— Так и есть, — я улыбнулась. — Она сказала тебе свое второе имя?

Он покачал головой.

— Мариана.

— В честь МаМаЛу и Адрианы.

Дамиан переместился так, чтобы мы легли поперек кровати.

— У нее ступни точно такие, как твои.

— Нет, не такие.

— Я увидел это, когда стягивал с нее носки. Большой палец расположен в стороне от остальных. Там огромная щель между ними.

— Мои ноги не такие.

— Ох, нет? — Дамиан отбросил покрывало в сторону и стал на колени возле моих ног. — Видишь это? — он схватил мой большой палец. — Я могу всунуть свой нос между ним и вторым пальцем, — он стал доказывать свою точку зрения.

Я начала смеяться, потому что это щекотно, но затем кое-что увидела, и у меня перехватило дыхание.

Эстебан вернулся.

— Что? — спросил Дамиан, растягиваясь на постели рядом.

— Ничего, — я отбросила волосы с его лба и поцеловала его в нос. — Я люблю тебя.

— Я тоже тебя люблю, *güerita*, — он прижал мой мизинец к своей груди рядом с сердцем. — И сейчас я собираюсь целовать тебя, пока ты не почувствуешь это в кончиках своих антиобщественных пальцев ног.

И он так и сделал. Языком он раздвинул мои губы, одной рукой схватив сзади за шею,

другой притянул меня настолько близко, что каждый миллиметр моего тела обожгло молнией. Я выгнула спину, когда он, схватив мою ногу и согнув ее в колене, закинул на свое бедро и толкнулся в меня. Из меня вырвался хриплый стон, и мы начали тереться в безумном ритме — его руки на моей попке, сжимая и отпуская.

— Так долго ждал, Скай. Я не продержусь, — его голос был приглушенным рядом с моей шеей, когда он лицом прижался к моим волосам.

— Я тоже не думаю, что смогу, — я потеряла контроль, настолько готовая к его обладанию, что не могла сосредоточиться на чем-либо еще.

— Еще нет, — он отодвинулся, когда я добралась до его боксеров. — Я хочу попробовать тебя. Ты знаешь, как много раз я мечтал об этом?

Я ожидала, что он спустится вниз, но он перевернул нас таким образом, что я оказалась сверху.

— Сядь на мое лицо, Скай. Вот так. Боже, да.

Вся моя сдержанность улетучилась, когда Дамиан отодвинул мои трусики в сторону. Его язык прошелся по моим складочкам к клитору. Он лизнул. Мои бедра сжались. Его губы сомкнулись вокруг жесткого, маленького комочка, и он всосал его. Когда становилось слишком остро, он переключался на облизывание, поочередно переходя от одного к другому.

— Дамиан.

Я была близко. Так близко. Мои пальцы запутались в его волосах.

— Позволь мне посмотреть на тебя, — он потянул мои трусики вниз и я, покачивая бедрами, выскользнула из них. Один длинный палец скользнул внутрь. — Такая чертовски мокрая.

Я откинула назад голову, его большой палец кружил на моем клиторе.

— Объезди мое лицо, Скай. Кончи для меня. Я хочу, чтобы твои соки покрыли меня.

— Нет, — сказала я затаив дыхание. — Ты и я, вместе, — я скользнула рукой в боксеры и сжала его длину.

Мое прикосновение воспламенило его. Член Дамиана увеличился.

— Тебе не стоило это делать, — зарычал он, опрокидывая меня на спину. — Потому что теперь я должен сделать это, — он заполнил меня одним жестким, сильным толчком. Мое тело запротестовало, но я была настолько влажной, настолько изголодавшейся по нему, что боль уступила место горячей, жаждущей наполненности.

— Здесь не было никого.

Он знал. Дамиан, мать его, знал. Он ускорил темп, унося с собой меня.

— Я скучал по этому. Скучал по тебе. Так чертовски сильно, — его дыхание было горячим и тяжелым.

Это началось с позвоночника — электрические заряды достигли таза, разжигаясь до горячего яркого взрыва, который пронзил меня мощной волной экстаза. Я сжала Дамиана, когда оргазм прошел сквозь меня, и почувствовала, как он напрягся, когда это поразило его. На мгновение наши тела слились, тот же ток прошел сквозь нас. Я держалась за Дамиана, когда он содрогался во мне. Мы медленно приходили в себя. Сначала наши сердца, затем наше дыхание.

— Я не хочу выходить, — Дамиан оставался во мне, удовлетворенный, но отказывался выходить.

— Тогда не надо, — я обняла его ногами. — И ответ «да».

— На какой вопрос?

— Ты спросил, выйду ли я за тебя замуж. Ответ — «да».

— Тогда у тебя был выбор. Попробуй убежать от меня теперь.

— Как я должна это сделать, когда твой член все еще во мне?

— Привыкнешь. Я поселился там. В следующий раз я, возможно, даже продержусь чуть дольше, чтобы унести тебя на вершину.

Я рассмеялась, но быстро затихла.

— Что?

Он знал каждую черточку моего лица, но смотрел на меня так, будто впервые увидел. Он отодвинул мои волосы в сторону, открывая доступ к шее.

— Просто хочу убедиться, что это реально, — он оставил нежный поцелуй, прежде чем отодвинуться и обнять меня. — Думаешь, есть такая вещь, как слишком много счастья? — спросил он. — Потому что прямо сейчас я чувствую, что не могу вместить его, и Вселенная собирается вмешаться, чтобы восстановить баланс.

— Вселенная уже вмешалась. Исправив все ошибки, Дамиан. Не наоборот.

Когда мир всегда только отбирает у вас, когда он постоянно переворачивается и меняется под вашими ногами, тяжело принять момент восстановления.

Он держался за меня так, как будто бы я была самой драгоценной вещью в мире.

Я чувствовала, как каждая клеточка пропитывалась радостью, наполнялась и раздувалась. Я чувствовала себя как мороженое, и ракушки, и высокие каблуки с красной подошвой. *Я, возможно, запломбировала щель между моими зубами, МаМаЛу, моей истинной любви не нужно пространство, чтобы всосать его сердце. Она всегда была там.*

Приблизившись, я обняла Дамиана и улыбнулась, счастливая, чем когда-либо.

— Куда ты собралась? — спросил Дамиан, когда я свесила ноги с кровати несколькими минутами позже.

— Хочу проверить Сьерру, — я разыскала свои трусики и натянула их.

— Поторопись. Я скучаю по тебе.

Я засмеялась и открыла дверь. В холле было темно, но я знала дом как свои пять пальцев.

Ночник в комнате Сьерры был включен. Во сне она откинула одеяло, и ее рука свисала с края. Я натянула на нее стеганое одеяло и подвинула ее в центр кровати. Она не двигалась. Я положила ее руку обратно и собралась уходить, когда заметила кое-что на ночном столике. Я взяла это и нахмурилась.

Шприц.

Я была уверена, что его здесь не было раньше. Независимо от того, что было внутри, его использовали, но почему Дамиан разбрасывался шприцами? Особенно рядом со Сьеррой...

— Не двигайся, — фигура вышла из тени.

Я почувствовала, как что-то холодное вжимается в мой висок. Пистолет. Я знала, что это пистолет, потому что однажды Дамиан нацелил один в мой затылок. У меня сейчас было то самое плохое предчувствие, что и тогда, с той лишь разницей, что в этот раз было намного, намного сильнее.

— Позови его, — незванный гость потащил меня к двери.

— Кого?

— Кончай играть в игры, Скай. Позови Эстебана, или Дамиана — пофигу как он зовет себя в эти дни.

Я знала этот голос.

— Виктор! — я повернулась к нему лицом, но он ударил меня пистолетом. Острая боль от удара прострелила щеку.

— Делай, как я сказал или она умрет, — он указал на Сьерру.

— Дамиан, — позвала я, но мой голос дрожал.

О Боже. Шприц. Что он сделал со Сьеррой?

— Громче, — подгонял Виктор.

— Дамиан.

Дамиан вышел из спальни, надевая футболку через голову.

— Скай? — его голос был таким теплым и расслабленным, что я прикусила губу, сдерживая острую боль. Он понятия не имел, куда шел.

Думаешь, есть такая вещь, как слишком много счастья?

Виктор оттащил меня от двери. Мы стояли в центре комнаты, его пистолет был направлен на меня, когда вошел Дамиан. Он мгновенно застыл, и затем что-то изменилось, может, это его тренировки в Каборасе или его принятие угрозы на себя. Чем бы это ни было, Дамиан оценил ситуацию, и вместо того, чтобы запаниковать, сделал противоположное — он пошел убийственно спокойно.

— Неважно чего ты хочешь, Виктор. Отпусти их, и это твое.

— Я хочу назад свою руку, говнюк. Думаешь, ты сможешь мне ее дать? Потому что, если ты намерен соединить каждый нерв, который ты отрубил, ты двигаешься в правильном направлении. Ты знаешь, как это — разгуливать с парализованной рукой в моем бизнесе? Я потерял все. Я...

— Довольно драмы, Виктор. Я понимаю. Это была твоя рабочая рука. Ты не можешь стрелять. Или пользоваться консервным ножом. Или как следует погладить свой хрен. Ты потерпел убытки на работе, работе которую сам выбрал, и теперь ты перекидываешь на меня ответственность за это. Чего ты хочешь?

Виктору потребовалась минута, чтобы собраться с силами. Он ожидал страх, подчинение, податливость.

— Я хочу, чтоб ты заплатил за это, — сказал он. — Я ждал, когда ты выйдешь из тюрьмы. И конечно не ожидал этого теплого воссоединения, — он повернул голову в сторону меня и Сьерры. — Заранее подготовленная семья, Дамиан. Внебрачный сын имеет внебрачную дочь.

Дамиан сжал руки в кулаки.

— Если ты причинил девочке боль...

— Не волнуйся. Я ни единого волоска на ее голове не тронул. Только ввел ей немного транквилизатора. Нянчиться с орущими детьми в такой ситуации — не мой конек.

— Ты накачал мою дочь наркотиками? — у Дамиана на лбу задергался нерв, чего я никогда прежде не видела.

Виктор оскалился.

— Ты накачал наркотиками дочь Уоррена, не так ли? Как это, когда сидишь по ту сторону баррикад? — он дернул меня ближе к себе.

— Твоя проблема — я, а не они.

— Твоя проблема была в Уоррене, но это не помешало тебе похитить Скай. Жертва, оказавшаяся между двух огней, — Виктор пожал плечами. — Ты сам это знаешь.

Виктор забрался Дамиану под кожу, заставив его оживить в памяти ужас той ночи.

— Мы с тобой похожи больше, чем ты думаешь, — сказал он. — Наемные убийцы в

глубине души. Неужели ты не думал начать заново, нет? Я полагаю, это был блестящий ход — манипулировать Скай, чтобы подобраться к Уоррену, но я начинаю думать, что ты нафантазировал себе, что влюблен в нее. Я окажу тебе услугу. Такие женщины, как она, не влюбляются в таких мужчин, как мы. Я любил твою мать, но она отвергла меня. Она сказала, что хочет тебе лучшего примера для подражания. Я ненавижу ее и ненавижу тебя. Уоррен дал мне хорошую сумму, чтобы обеспечить ей комфортное пребывание в Вальдеморо. Я же оставил ее там гнить. Я должен покончить и с тобой также. Ты вернулся, чтобы укусить меня, но за мной все еще последнее слово.

— Тебе не нужно этого делать, — произнес Дамиан. — Забирай все. Я могу обеспечить тебя на всю твою оставшуюся жизнь. Ты никогда ни в чем не будешь нуждаться.

Это прозвучало так, как однажды я говорила на лодке, вымаливая свою свободу. Холодный узел сформировался у меня в животе. Тогда Дамиана ничто не сдерживало. Им руководила жажда мести, вызвав эффект домино, который перешел теперь на нас.

— Ты думаешь это из-за денег? — рассмеялся Виктор. — Я получил от Уоррена хорошую компенсацию. Часть нашего соглашения. И мне ежемесячно выплачивается хорошее пособие по инвалидности. Дело не в деньгах, дело в...

— Мести, — Дамиан произнес слово, будто оно было ядом во рту. — Поверь мне. Я понимаю это лучше всех. Это ничего тебе не даст, Виктор. Это лишь пустое обещание. Уходи и...

— Кончай базарить! — рыкнул Виктор. — Кто из них будет первой? Она? — он направил на меня пистолет. — Или она?

Я начала дрожать, когда он перевел его на Сьерру. Ставка была очень высока. Дамиан не мог рисковать, напав на него, не тогда, когда мы обе были на прицеле.

— Возьми меня, — Дамиан поднял руки и опустился на колени. — Прямо здесь, прямо сейчас. Засади в меня столько пуль, сколько пожелаешь. Тебе на самом деле не они нужны.

Ледяной страх сковал мое сердце. Он отвечал за каждое слово. Дамиан готов был отдать свою жизнь за Сьерру и меня. Он хотел сделать это. Он винил себя за то, что вовлек в это нас.

Если бы он держался подальше, меня и Сьерры не было бы здесь.

Возможно, когда-нибудь я стану героем, которого ты и твоя мама заслуживаете.

— Свидетели грязны, Дамиан. Вы все умрете, в любом случае, — сказал Виктор. — Выбирай. Или я выберу вместо тебя.

Мое сердце начало беспорядочно грохотать, когда ужасные картинки пронеслись у меня в голове.

— Что ты делаешь, Скай? — голос Дамиана вырвал меня из тьмы, накрывшей разум.

Я сопротивляюсь и борюсь.

Я подняла шприц, все еще зажатый у меня в руке, и воткнула его в бедро Виктора. Он закричал и выпустил меня.

Дамиан рванулся и сбил его с ног.

Виктор вытащил шприц из своей плоти и поднялся, по-прежнему удерживая пистолет в руке. Дамиан стоял подобно щиту между ним и мной. Я знала, что он задумал сделать.

— Не надо, — сказала я.

Впрочем, он это сделал — бросился прямо на Виктора. Пистолет выстрелил, но Дамиан вывернул Виктору руку так, что пуля попала в потолок. Двое мужчин ввалились в дверной проем и врезались в перила лестницы, которая выходила на нижнее фойе. Было темно, но я

могла видеть их фигуры, боровшиеся за право контроля над оружием. У Виктора все еще был пистолет, но с недееспособной рукой он не мог справиться с Дамианом. Он потерял самообладание и выронил пистолет.

Дамиан нанес удар кулаком в живот. Сильно. Дважды. Виктор согнулся пополам. Когда он выпрямился, он держал еще один пистолет.

— У меня всегда при себе запасной, — он ухмылялся, но боль в брюхе заставила его вздрогнуть, когда он попытался двинуться.

— Думаю, вы истратили достаточно времени, не так ли? На колени. Вы оба!

Он стоял наверху лестницы, напротив комнаты.

— Сначала она, затем ты, потом ребенок, — сказал он Дамиану.

Он обставил все так, что не было никакого выхода — Дамиан кого-то потеряет. Пока он держал пистолет, нацеленный на меня, он знал, что Дамиан ничего не предпримет. Когда он выстрелит в меня, у него все еще будет Сьерра, как рычаг управления.

Дамиан и я держались за руки, когда опустились на колени. Я не поняла, когда начала плакать, но слезы лились вниз по моим щекам. Это началось здесь и здесь собиралось закончиться. Все трое в одну ночь.

— Пожалуйста, не делай ей больно, — умоляла я Виктора. — Она всего лишь маленькая девочка.

— Она счастливица. Она умрет во сне, — ответил он.

Дамиан сжал мои пальцы настолько сильно, что я уж подумала, что у меня кости треснут. Это было единственное, что его сдерживало, чтобы не броситься и разорвать глотку Виктора. Если Дамиан нападет на него, он рискует потерять меня, но если будет ждать, то рискует потерять Сьерру.

— На счет пять, Дамиан, — прошептала я.

Его глаза немного расширились.

5...

Мы собрались сделать это вместе. Не важно, что случится с одним из нас, нам нужно было убедиться, что Сьерра останется цела.

4...

Виктор нацелил пистолет мне в голову.

3...

Я люблю тебя, Эстебандидо. Всегда тебя. Только тебя.

2...

Я люблю тебя, güerita. Не бойся. Любовь не умирает.

Пистолет выстрелил, прежде чем мы двинулись. Я зажмурилась от оглушающего выстрела и ожидала боли, которая, несомненно, должна была наступить.

Но она так и не наступила.

Проклятье.

Он выстрелил в Дамиана.

Во мне вспыхнула глубокая боль. С таким же успехом в сердце могла бы взорваться граната. Дамиан держал меня за руку, его рука была такая теплая, такая реальная. Боль была так реальна, что я задохнулась, забыв на мгновение о том, как дышать. Часть меня хотела умереть прямо сейчас.

Выстрели в меня. Выстрели теперь в меня.

Но другая часть, часть, которая была матерью, отказывалась сдаваться.

Сьерра.

Я подумала о маленькой беспомощной девочке. Это было совершенной пыткой. Я всегда укрывала ее одеялом ночью, когда укладывала спать. Теперь я никогда не узнаю свежесть ее дыхания, вес ее ноги, обнявшей меня, чтобы я не ушла, то, как она прыгала на моей кровати по утрам.

Проснись, проснись, проснись.

Я потеряла Дамиана и теперь собиралась умереть, зная, что моя дочь будет следующей. Как кто-то может чувствовать столько боли и оставаться еще живым.

Милостивый Боже, благослови мою душу. И присматривай за Сьеррой.

Я не могла так больше. Я поднялась через мучения, которые разрывали меня изнутри, и отпустила руку Дамиана, ожидая следующую пулю.

Он отпихнул меня назад.

Мои глаза распахнулись.

Дамиан по-прежнему стоял на коленях возле меня, цел и невредим. Виктор стоял напротив нас, уставившись пустым взглядом прямо перед собой. Воротник его рубашки был обрызган кровью. Он стоял, пошатываясь, прежде чем упасть назад. Его тело покатилося вниз по лестнице. Рафаэль стоял в основании лестницы, держа пистолет, который уронил Виктор.

— Я вернулся за своим телефоном, — сказал он.

Мы с Дамианом уставились друг на друга, а затем на него. Он выстрелил Виктору в затылок.

— Ты грохнул его одним выстрелом, — произнес Дамиан, его взгляд был прикован к пистолету, который все еще дымился в руке Рафаэля.

— Я уже видел, как стреляли в моих родителей. Я не собирался стоять в сторонке и быть свидетелем того, как то же самое делают с тобой и Скай.

Дамиан вздохнул и заключил меня в свои объятия.

— Ты выбрал чертовски хороший час для визита, — сказал он Рафаэлю.

Наши тела были столь напряжены, что потребовалось несколько секунд, чтобы расслабиться.

— Свадьба была бы дерьмовой без шафера.

Мы пытались засмеяться, но ни у одного из нас не получилось. Искалеченное тело Виктора лежало в луже крови у подножья лестницы. Мои колени дрожали, когда Дамиан помог мне подняться.

— Я подумала, что он убил тебя, — я вцепилась Дамиану в рубашку и зарыдала.

— Я увидел себя в нем. Того, кем я был, — он так сильно меня держал, что я едва могла дышать. — Ты стала моей спасительной благодатью, Скай.

Мы цеплялись друг за друга, признав восхитительное чудо — быть живыми.

— Идем, посмотрим, как там Сьерра, — сказала я.

— Вызови полицию, — Дамиан обратился к Рафаэлю. — И скорую. Я хочу убедиться, что Сьерра в порядке. Виктор усыпил ее.

— Я займусь этим, — ответил он. — Иди, позаботься о своих девочках.

— Позабочусь. И Рафаэль? — Дамиан повернулся к нему. — Ты в порядке?

Рафаэль кивнул и бросил пистолет.

— Я просто рад, что добрался сюда вовремя.

— Я должен тебе один. Должок.

— Ты дважды спас мою жизнь, Дамиан. Я просто вернул долг. Два на два. Счет сравнялся.

— Трижды. Только не говори мне, что это травмировало твои извилины, мистер Бог Математики.

Рафаэль попытался улыбнуться, но мы были слишком взволнованы.

— Передай Сьерре, что я хочу матч-реванш, когда она будет готова.

— Готовься к игре, Рембо. Но у меня такое ощущение, что она все также надерет тебе задницу.

Дамиан и Сьерра бросали в рот друг другу арахис.

Хрусь. Хрусь. Хрусь.

Хрусь. Хрусь. Хрусь.

— О, Боже. Вы, двое, не могли бы прекратить? Это действует мне на нервы. Мы так никогда не сможем подготовить это место, — я подметала разбросанный арахис, который валялся на полу.

Мы были на острове, в домике Дамиана, приводя его в порядок. Рафаэль и его невеста проведут здесь медовый месяц.

— Ты знаешь, что тебе и пальцем шевелить не нужно, — Дамиан забрал у меня метлу и отложил ее в сторону. — Я могу пригласить бригаду обслуживающего персонала, и они уберут здесь все в мгновение ока.

— Человек спас наши жизни, Дамиан. Это меньшее, что я могу сделать.

— Уборка есть уборка, без разницы, сделаешь ее ты или сделает ее кто-то за тебя.

— Когда-то ты настойчиво требовал, чтобы я убиралась здесь.

— Тогда я думал, что ты эдакая принцесса с прибабасами.

— А сейчас? — я обняла его за шею.

— Сейчас я хочу, чтобы ты полностью сосредоточилась на других занятиях, — подняв руку, он просунул палец под бретельку и поцеловал маленький, сморщенный шрам.

Я мягко подтолкнула его локтем и кивнула на нашего восторженного зрителя. Сьерра смотрела на нас так, как если бы мы были ее любимым фильмом.

— Сьерра...

— Я знаю, я знаю, — прервала она Дамиана. — Пойди почитай книгу. Ты знаешь, как много книг я прочла на этой неделе? Вы, ребята, постоянно целуетесь, — она скорчила гримасу, но я поймала ее улыбку, прежде чем она ушла.

— Эта спальная комната слишком тесная для нас троих.

Дамиан прижался лицом к моей шее.

— Я думаю, нам пора расширяться. Может, второй этаж.

— Или ты можешь спать в хижине, — я провела ногтями по его спине.

— Продолжай так делать, и я унесу тебя туда прямо сейчас, — одна большая рука крепко обвилась вокруг моей талии.

— Не сейчас, — сказала я, вытягивая себя из его хватки. — Когда она будет дремать.

— Она никогда не дремлет, — ворчит Дамиан.

— Если только она не устанет.

— Верно, — он усмехнулся и схватил меня за руку. — Пошли, утомим ее.

Дамиан вышел из океана и направился ко мне. Его кожа блестела на солнце. Я

пожелала, чтобы пляж между нами был длиннее, потому что я могла бы наблюдать за ним вечно. Двигаясь, он искрился золотистым цветом, волосы были влажные и непослушные после плавания, песок прилип к его ногам. Он плюхнулся на полотенце рядом и наклонился, чтобы поцеловать меня. Я ощутила соленые капли на теплых губах.

— Она — сгусток энергии, — сказал он.

Я положила голову ему на грудь, и мы наблюдали за Сьеррой, прыгающей на волнах.

— Я ничего не вижу, — сказала я через некоторое время.

— Не могу ничего поделать, — ответил он. Его эрекция загораживала мне вид.

Я засмеялась и вручила ему бутылочку солнцезащитного крема.

— Еще двадцать минут, и она будет полностью измотана.

Дамиан оседлал мою спину и начал втирать лосьон.

— У меня есть для тебя свадебный подарок. Я собирался сделать тебе сюрприз, но мне нужно твоё мнение. Я приобрел кое-какую собственность в Паза-дель-Мар. Территорию старого складского помещения.

— Того, что ты взорвал? Где погибли Эль-Чарро и его люди?

— Именно. Я хочу построить что-то хорошее там, что-то полезное.

— Что ты задумал?

— Как ты смотришь на то, чтобы расширить работу, которую ты делаешь в Вальдеморо? Можно построить здание, и ты можешь нанять женщин, с которыми работаешь, когда они выйдут. Они смогут помогать тебе с выполнением заказов, а ты сможешь сосредоточиться на образовательной деятельности. Ты по-прежнему можешь проводить свои семинары в Вальдеморо, но у тебя была бы серьезная точка опоры. Ничто не мешает тебе выйти на мировой уровень. У меня уже есть сеть по перевозке грузов. Ты можешь переводить часть прибыли на благотворительность, как делали вы с Ником, и использовать остальное на своё усмотрение. Достойные зарплаты, женские приюты, клиники, учебные программы... — он прекратил натирать лосьон на моей спине и застыл. — Скай?

— Мне бы хотелось, чтобы с МаМаЛу все вышло иначе, — сказала я, сквозь слезы. — И с тобой тоже.

— Эй, — он перекатился на спину и растянулся возле меня. — Иногда все разваливается на части, и нужно собрать все это воедино.

Я кивнула и провела пальцем по его челюсти. Он был прекрасным примером.

— Давай сделаем это, — сказала я. — Давай построим что-то такое, чем Сьерра могла бы гордиться.

Она выбежала из беспокойного океана, обрызгав нас соленой водой и восторгом.

— Смотрите! — она держала ракушку. — Эта?

Я показывала ей, какие ракушки нужно выбирать для ожерелья. Она видела то, что сделал для меня Дамиан, и хотела такое для себя.

— Эта идеальная, — я открыла корзину для пикника и добавила ее к коллекции, которую она уже собрала.

— Когда соберешь достаточно, папа сделает тебя ожерелье.

Дамиан и Сьерра обменялись странными взглядами.

— Что такое? — спросила я.

— Я проголодалась! — сказала она. — Я хочу *севиче*.

Дамиан собрал нам три отдельных контейнера.

— Этот для меня. Этот для папы. Этот для тебя, — она раздала их, посмотрев на

Дамиана для подтверждения.

Он подмигнул.

Она улыбнулась.

— Эй, все, что я получу, этого моллюска? — спросила я, уставившись на свой контейнер. — Что происходит?

Я перевела взгляд с нее на Дамиана.

— Открой его! — Сьерра была так взволнована, что Дамиану пришлось ее сдерживать.

Я открыла кремово-коричневую раковину. Внутри все было засыпано песком. В центре было вдавлено кольцо с тремя сверкающими александритами.

— Тебе оно нравится? Тебе оно нравится? — Сьерра прыгала вокруг меня.

— Оно прекрасно, — я улыбнулась Дамиану.

Ожерелье моей матери лежало где-то на дне океана, там, где он бросил его. Я никогда не верну его, но теперь у меня есть что-то мое.

— Спасибо, — я наклонилась и поцеловала его.

Он углубил поцелуй, зарывшись руками в мои волосы.

— Сьерра...

— Но я не взяла с собой книгу!

— Ты сказала двадцать минут, — простонал Дамиан мне в ухо.

— Может, еще двадцать? — усмехнулась я. — Куда ты собрался?

— Поплывать, — ответил он. — В холодной воде океана.

Я смотрела, как он удалялся, рассекая воду плавными, грациозными движениями рук.

Мы со Сьеррой закончили ланч и растянулись под солнцем. Блонди, Брюс Ли и Грязный Гарри наблюдали за нами со своих скал. Я понятия не имела, как долго живут зеленые игуаны, но была бы рада, если бы Сьерре выпал шанс подружиться с ними.

Дамиан дал ей задание — назвать остров, и она все утро обсуждала это. Вердикт еще не был вынесен.

К тому времени, как Дамиан вернулся, Сьерра уснула. Он установил зонт так, чтобы она была в тени, и на цыпочках подошел ко мне. Его влажная кожа послала мурашки по мне, что не имело никакого отношения к температуре.

— Надень его, — сказал он.

Я приподняла бровь.

— Я была готова поспорить, что ты скажешь мне снять его.

— Мне нравится ход твоих мыслей, но я говорил о кольце, — он одарил меня коварной улыбкой, когда надел его мне на палец. — Я хочу увидеть, как оно смотрится на тебе.

Я вытянула руку к бесконечному, голубому горизонту. Блики радуги отображались на наших лицах. Это было не просто кольцо. Это было открытое окно и бумажные животные, мальчик, сжимающий пятнадцать песо, и девочка, пишущая земляничные письма. Это была история двух людей, которые вернулись к исходной точке, и она была завернута в золото вокруг моего пальца.

«Что мы такое?» — спросил когда-то Дамиан на этом же пляже.

Там, на нашем маленьком кусочке рая, со спящей возле нас Сьеррой, я наконец-то выяснила это.

Мы — песок и скала, вода и небо, якоря на кораблях и паруса на ветру. Мы — конечный пункт поездки, который меняется каждый раз, когда мы мечтаем или падаем, или прыгаем, или плачем. Мы — звезды с изъянами, которые по-прежнему искрятся и сияют. Мы всегда

будем стремиться, всегда хотеть, всегда иметь больше вопросов, чем ответов, но будут и такие моменты, как этот, полные магии и удовлетворенности, когда в душе вспыхивает что-то чудесное, и очень просто потерять дыхание.

Молодой месяц сиял в сумеречном небе, тонкий серп мягко отдавал серебром. Небольшая группа гостей, которые разделили наш особенный день — Ник, Рафаэль, их жены, несколько женщин, с которыми я работаю, и горстка товарищей Дамиана — уже ушли, но сад в Каса Палома все еще мерцал огоньками. Дамиан, Сьерра и я сидели у пруда.

— Кто такая Моник? — спросила я, держа именную карточку с темно-фиолетовым отпечатком губ.

— Дай посмотреть, — Дамиан отложил в сторону свой кусок торта. Розовая глазурь была украшена сверху свежей земляникой. Это был нехарактерный для свадьбы выбор — точная копия торта ко дню рождения, который он так ни разу и не попробовал. Он рассмеялся, когда его вкатили. Верхний ярус торта был в форме гигантского зуба — наша личная шутка, напоминание о том времени, когда он выбил зуб у Гидеона Бенедикта Сент-Джона.

Он взглянул на карточку и ухмыльнулся.

— Моник был тем, кто сделал мое пребывание в тюрьме намного веселее.

Я скрестила руки и ждала объяснений.

— Не хмурься. Это совсем не свойственно невесте, — произнес он.

— Не упоминай бывших в день нашей свадьбы. Это совсем не свойственно жениху.

— Я могу думать о нескольких очень свойственных жениху вещах, которые с удовольствием бы с тобою сделал.

— Даже не думай, — я оттолкнула его. Я не чувствовала ни малейшей крохи угрозы от Моник, но игра мне нравилась. Рафаэль не смог убедить Дамиана надеть смокинг, но он так же чертовски хорошо смотрелся и в накрахмаленной белой рубашке и сшитом на заказ пиджаке.

— Прекрасно. Однажды я возьму тебя повидаться с Моник, но не говори мне, что я тебя не предупредил, — он отбросил открытку и схватил меня за талию. — У меня кое-что есть для тебя и Сьерры.

Он достал из своего пиджака жестянку *Lucky Strike* МаМаЛу и открыл ее.

— Она хотела бы, чтобы они были у тебя, — сказал Дамиан и вручил мне ее сережки.

Я подняла их — два голубя соединены клювами, заключенными в круг со свисающими с них бирюзовыми камнями. Я вспомнила прохладные голубые камни, касающиеся моей кожи, когда МаМаЛу целовала меня перед сном.

— Эй, — Дамиан обнял меня. Он знал, что это был эмоциональный для меня день. Я пропустила три поцелуя от моего отца, пропустила, как он бы вел меня по проходу к жениху.

Сьерра заполнила эту пустоту.

Она выбрала себе оригинальное платье, лягушечно-зеленого цвета, дополнив образ новой парой кроссовок. Единственное, что намекало на то, что это праздничный наряд, была цветная лента для волос под цвет оранжевых шнурков. Если не считать головную боль, она быстро пришла в себя от транквилизатора, которое вколол ей Виктор, ничего не зная о том, что мы пережили. Когда я думаю о том, как близко мы были от потери всего этого, я крепче обнимаю Дамиана.

— Думаешь, ей она понравится? — спросил он, держа заколку для волос МаМаЛу.

Она была в форме веера, сделанная из ракушек и никелевого сплава, украшение было не слишком девчачьим.

Сьерра осмотрела его, прежде чем отдать его мне. Она повернулась и указала на свои волосы, выразив свое молчаливое одобрение. Я взяла по прядке волос с обеих сторон и посередине скрепила заколкой.

— Что это? — спросила она, развернув газетную вырезку, которую Дамиан хранил все эти годы.

«МЕСТНАЯ НЯНЯ ОБВИНЯЕТСЯ В ХИЩЕНИИ ФАМИЛЬНЫХ ДРАГОЦЕННОСТЕЙ»

— Это маленький клочок бумаги, который стал причиной многих проблем, — сказал Дамиан.

— Взгляни, — я поймала желтый цветок, когда ночной ветерок зашуршал сквозь деревья. При лунном свете он казался кремового цвета, как и мое платье. Дамиан заправил его мне за ухо.

— Я говорил тебе, как ты прекрасна сегодня?

Я придумала дизайн своего свадебного платья, но затем Дамиан нашел «лабутены», которые я оставила на острове, и как только я надела их, сразу ощутила приближение праздника в полном объеме. «УАМ» мастерская полным ходом работала, и я разорилась на модель платья без бретелек от *Веры Вонг*.

— Эй! Я сделала это! — Сьерра сидела на краю пруда, указывая на что-то в воде. От нее уплывал прекрасный бумажный лебедь.

— Прекрасно, — Дамиан присел рядом с ней, но затем его улыбка сошла. — Это... из чего ты его сделала?

— Из куса бумаги из той старой жестянки.

Дамиан протянул руку и вытащил лебедя из воды.

— В чем дело? — спросила Сьерра.

Дамиан хранил эту газетную статью так долго, что его первым инстинктом было сберечь ее.

Он посмотрел на меня, держа ее, и мы оба вспомнили историю МаМаЛу о волшебном лебеде, который украшал земли Каса Палома, о лебеде, который мог благословить вас необычным сокровищем.

Я затаила дыхание, когда Дамиан опустил лебедя обратно в воду, и осознание поразило меня.

Вы не всегда получаете сокровища, когда упорствуете. Иногда волшебство происходит, когда вы отпускаете.

И Дамиан отпустил все те вещи, которые им руководили так долго, — гнев, несправедливость, страхи, которым он был свидетелем в Каборасе, вину, что он чувствовал за содеянное. Сьерра свернула их и освободила от них. Мы наблюдали в тишине, как лебедь скрылся в теневой стороне водоема, и все, что осталось, была пустая коробка *Lucky Strike*.

— Что ты собираешься делать с этим? — спросила я.

— Именно то, что нужно делать со старой вонючей жестянкой от табака, — он набросал в нее камней и бросил в воду. Она погрузилась на дно пруда с характерным бульканьем.

— Вы, двое, наперегонки в дом! — сказала Сьерра.

— Эй, так не честно! — я сбросила туфли и собрала вокруг себя платье.

— На счет пять! — произнес Дамиан.

5, 4, 3, 2, 1...

Больше книг на сайте - Knigolub.net

** КОНЕЦ **